

Майарана Мистеру На пределе. Сора

<https://litres.ru/74345869>

Аннотация

Он ненавидит себя за эти чувства. Ненавидит за невозможность им сопротивляться. И всякий раз, когда касается тебя... готов продать душу, чтобы не выпускать из рук.

Содержание

1	4
2	25
3	48
4	68
5	97
6	125
7	141
8	162
9	176
10	200
11	222
12	240
13	260
Конец ознакомительного фрагмента.	262

Все авторские права на книгу защищены Законом Российской Федерации от

09.07.2023г N 5351-1(ред. от 20.07.2004) «Об авторском праве и смежных

правах». Любое использование авторского контента, включая отдельные

фрагменты на иных ресурсах без согласия автора, запрещено.

– Да ты посмотри на себя, молокосос. Мы не берём тебя с собой, потому что струсíš на крупняках. Чё тебе там делать? Ссыкуешь ведь!

Я сжимаю кулаки, с вызовом глядя в карие глаза этого придурка и едва сдерживаю желание ему врезать.

– Не ссыкую! Ты мне давно уже обещал, что на дело возьмёшь. Чё, слово пацана прогнал, что ли? – рычу ему в лицо.

Это вообще уже ни в какие ворота. Он меня неделю с крупняками динамит. Всеволод уже рвёт и мечет от бессилия и невозможности отозвать от дела, и на мне злобу срысывает. Если б кто сказал, что так будет, я бы ни в жизнь вооб-

ще! Да и достало уже в этих мешках ходить в такую жару. Нормальная одежда пока под запретом.

– Ты язык-то свой прикуси, Мелкий. Я же не посмотрю, что ты в два раза меньше моего. Дам в зубы прикурить, потом неделю кровью харкать будешь, – Сивый смачно сплюнул на горячий асфальт и крутанул в пальцах ключ от своей любимой тачки, что на солнце нагрелась теперь до такой степени, что наверняка внутри уже невозможно сидеть без кондёра. – Посиди ещё недельку на мелочовках, там решим.

–Блин, Сивый, ты обещал!

Брюнет откровенно заржал. Громко и придурковато, отчего хотелось дать ему в рожу. Меня передёрнуло.

Мы стоим на парковке возле супермаркета подальше от камер наружного наблюдения. Сходка случилась внезапная, но крайне важная. Для меня. Я на крупняк уже пару недель напрашиваюсь, но всё никак. Сивый с друзьями будто сговорились.

– Ох ты ж, нихрена себе! – выдохнул рядом стоящий Шарпей, глядя куда-то мне за спину. – Вот это тачила.

А рожа у него и правда, как у шарпея. Среди этой мини-банды вообще красавчиков нет. Только у меня мордаха смазливая, что, в общем-то, только проблем прибавляет.

Сивый бросил взгляд в ту же сторону и сжал челюсть так, что желваки заходили ходуном.

– Арген, мать его.

– Кто? – спрашиваю удивлённо.

Сивый прищурился и скривил губы в подобии усмешки. Вот это почти зверское выражение говорило о том, что в скором времени у кого-то из нас будут проблемы.

Поворачиваюсь и смотрю на медленно подъезжающую чёрную иномарку, что сверкала эмблемой с лошадью на капоте. Я не разбираюсь в тачках, но вижу, что авто дорогое, а судя по вытянувшимся мордам пацанов – очень.

Тачка остановилась почти рядом с нами, через несколько секунд из неё вылез и водитель. Мужик лет тридцати-тридцати пяти. Смуглый, черноволосый, ухоженный и с цепким серым взглядом. Он одет был в чёрный брючный костюм. В глаза бросился небрежно завязанный галстук, будто его неоднократно пытались ослабить. Он хотел пройти мимо, но в последний момент остановился и посмотрел на Сивого.

– Пошли вон отсюда, щенки!

– Да ты...

– Я тебя помню, – сверкнул белозубой улыбкой незнакомец. – С тачкой моей случится чего, урою. – И пошел дальше, как ни в чём не бывало, пока мы дружно таращились ему в спину.

– На крупняк, говоришь, хочешь?.. – сплюнул Сивый на землю. – Шины прокалывай на этой красотке и сегодня возмём с собой.

М-да. Влипание – это моё кредо. И как я порчу чужого имущества Ваклонскому объяснять буду? Блин!

Вытаскиваю нож-бабочку из кармана и отработанным

движением раскладываю её, чтобы через мгновение подойти красотке и приставить нож к задней шине. Протекторы на колесе необычные. Провожу пальцами по рисунку и понимаю, что его отпечаток где-то уже был. Точно был, ещё мысль тогда проскользнула, что никогда раньше подобные не встречались. Думается мне, что цена у них... запредельная.

– Все четыре прокалывать? – спрашиваю не оборачиваясь.

– Ну, если у тебя есть два миллиона на новые,... – вскакиваю и разворачиваюсь к хозяину тачки. Пацанов уже и след простыл. Вот суки! Мужик стискивает челюсть и рывком припечатывает меня в заднюю дверцу авто, держа ладонью за шею. Второй рукой он выхватил нож и отшвырнул его в сторону. – Какие тупые в нынешние времена подростки пошли, – прошипел он, глядя в мои глаза. Ну и чё мне с тобой делать?

И что-то мне так стрёмно вдруг стало. Пытаюсь оттолкнуть урода от себя, чтобы вырваться на свободу, но силы явно неравны.

– Ещё раз дёрнешься, я тебя прям здесь урою, понял?!

– Понял.

– А теперь садись в тачку.

Арген дёргает меня в сторону, чтобы открыть дверь, но я, пользуясь моментом, отпихиваю его руку, даю под дых и срываюсь с места, надеясь, что Сивый уже далеко и не видит, что тут происходит. Меня хватают за шиворот, дёргают, отчего рвётся мешковатая толстовка и срывается кепка. Арген

разворачивает меня к себе лицом и потрясённо смотрит на длинные чёрные волосы, упавшие на плечи.

– С-сука! – шиплю сквозь зубы я, теперь уже не боясь применять силу.

Удар ладонью снизу вверх прямо в челюсть, второй рукой снова под дых, а затем захват и бросок через бедро. Мужик улыбается, когда я позволяю ему подняться с асфальта. Пуговицы с пиджака оторвались и его полы разошлись, демонстрируя кобуру с пистолетом. Я пытаюсь предупредить угрозу, но он отбивает мой удар, резко выхватывает оружие и взводит курок, грозя произвести выстрел.

– Села в машину, сучка, – усмехается криво.

Задним умом понимаю, что другого выхода не будет и нужно действовать по обстановке. Поднимаю руки, демонстрируя повиновение, и сажусь в машину. Арген обходит тачку с пистолетом в руках, будучи абсолютно уверенным, что я никуда не денусь. И я не денусь. Твою мать. Вот это влипла!

Глубоко вздохнула и мрачно уставилась в лобовое стекло. Надеюсь, Всеволод сразу догадается запеленговать смарт-часы. Твою-то мать! И как я вообще в такое дерьмо, как агентура, могла вляпаться?

«Тебе будет проще, ты девчонка!» – говорили они. – «Нам свой человек нужен.» – говорили они. – «Ну, Лиз, ну нет свободных внештатников подходящего внешнего вида»

ТЬФУ!

– Мобильный дай сюда, – потребовал Арген, заставив отвлечься от мысленных проклятий.

Молча достала смартфон из неформальных штанов и протянула захватчику. Пистолет в его руке все ещё был направлен на меня, и меня это не радовало совершенно. Слишком хорошо я знала, что может сделать вооруженный мужик с незащитной девкой. Не зря же меня весь отдел натаскивал. Раскрыта? Не сопротивляйся – целее будешь!

– Пристегнись! – я вопросительно выгнула бровь, но выполнила требование. Мужик промолчал, давая понять, что на мою безопасность ему глубоко похер. Он просто ограничивает меня в свободе движений.

Блин, казалось бы, дело простое и последствий за собой не несущее. Всего-то выяснить на какой тачке эти придурки на «большие» дела ходят. Вот только придурки вовсе не идиоты. Конспирация у них, как у спецов при господдержке. Хрен победишь, когда и куда выезд. Они сначала растворяются в толпе так, что за ними не уследишь, а потом дела свои делают. Вот так несколько месяцев меня Всеволод и мучал, пока не вот это вот. После такого провала меня однозначно отстранят от дел и отправят в тылы, разбирать бумажки и организовывать удобства отделу.

Боже, какая дичь!

Вздыхнула, поглядывая на Аргена, выруливающего с парковки.

Хотя, если мне удастся поймать рыбку покрупнее, то мож-

но надеяться на перспективу. Не думаю, что этот мужик занимается легальными делами. Рожа у него, как у типичного урки, да и повадки те же. Разве разумный человек, занимающийся законными делами, станет угрожать пистолетом и похищать девушку за попытку проколоть шины на его тачке? Машина наверняка застрахована вокруг, поэтому нихрена бы ему не было.

– Кто ты такая? – раздался ожидаемый вопрос.

– Что я должна тебе ответить? – нагло задаю встречный, сохраняя простенькую легенду.

– Я знаю, кто такой Сивый, знаю, чем занимается. Тебя в этой мелкой банде ни разу не видел.

– И что? Я могу быть там, где мне вздумается, – ответила, запоминая очередной поворот.

– Слишком борзая, – усмехнулся Арген. – Слишком бесстрашная. Слишком уверена в своих силах. Ты, либо дура, либо из структур, что наиболее вероятно, – сделал неутешительный для меня вывод сероглазый мужик. – В банду пришла под прикрытием, так? Более того, похоже, по какой-то мелочи. Например, выяснить, как именно они за дело берутся, или кому товар сбывают. Иначе бы, тебя обрили под пацана, а ты волосы только кепочкой закрываешь.

– Чушь какая, – хмыкаю я. – Да, я девчонка, но имею право налево. Мне нравится быть пацаном, но волосы из-за этого стричь я не собираюсь.

Мужик усмехнулся.

– Именно так и должна отвечать, если раскроют. Точно не серьёзное дело. Раскрой тебя на данном этапе, не убили бы, и об этом знает твоё руководство. Влипла ты, детка, – снова усмехнулся он.

Я промолчала, понимая, что да, влипла основательно. Пожалуйста, Всеволод, только найди меня. Не хочу я быть подножным кормом для этой пираньи.

– На данный момент эвакуированы жители в районе двухсот метров от здания. Работаем совместно с МВД и их спецназом, обстановка напряжённая, духи на связь выходят неохотно. И самое стрёмное: у них в заложниках девушка из наших. Была под прикрытием на деле у Ваклонского и попалась.

– Ваклонский же майор полиции, – удивился Ярый, поправляя балаклаву.

Гвоздь усмехнулся в ответ.

– Наш он. И девка наша, Ярыч. Мы же одной крови.

– Ага, бессмертной, – вздохнул Волк.

– Я не понял. А с какого перепугу полиция нашими делами занимается? – задал интересующий всех вопрос Демон.

Фургон хорошенько тряхнуло, и мы все недовольно посмотрели на водителя, тот в свою очередь только плечами пожал.

– Другим они занимались. Дух случайно девчонку умыкнул. Ваклонский всполошился и запеленговал место положе-

ния своей подчинённой. Связался со спецназом, а те через какое-то время заявили, что здание под нашим наблюдением, и, собственно, без нашей отмашки ничего делать не станут. К тому времени она с ним уже связалась и заявила, что дом напичкан наркотой и взрывчаткой. Её держат в подвале, выбраться сама не может.

– А наши-то чего ждали? – удивился я.

Гвоздь посмотрел на меня, как на малого.

– Верхушку вычисляли, Сор. Не будь захвачена девчонка из полиции, забили бы. А так Ваклонский на уши Арестова поставил. Тот, сам знаешь, в неоплатном долгу перед ним.

Да, помнится, Арестов свою группу на Кавказе едва не похоронил. Если бы не Ваклонский со своей опергруппой, бывшей на усилении в беспокойные дни, тогда не перетрясли всех жителей близлежащего селения и не выяснили, что под горой пещера с духами, хрен бы ребят из плена вытащили. А так, и выяснили, и собственные жизни на кон поставили, чтобы коридорами вывести. Арестов с той поры на любой кивок майора, как цепной пёс реагирует, хотя столько лет уже прошло.

– Понятно.

К тому времени мы уже въехали в оцеплённый район и медленно продвигались по узкой улице. Это был частный сектор с одноэтажными домами и низкими заборами. Стрёмное место. Очень стрёмное. Тут видимость, как на ладони, а значит продвигаться к дому будет тяжело.

– Ярыч, найди хорошие позиции для наблюдения. Демон, с тебя разведка. Сор... – Гвоздь отвлёкся на толпу, крутившуюся у одного из чёрных фургонов. – Сор, ты найди Ваклонского и выясни всё про девчонку. Если она действительно его человек, то должна быть натаскана. Наверняка, уже доложила обстановку, раз на связь выходила.

– Ваклонский, скорее всего, уже обо всём доложил, – ответил я.

– Он-то доложил. А нам кто доложит? Щас такая путаница начнётся, что не до деталей будет, а нам они нужны.

– Понял. Сделаю.

С момента, когда в последний раз связывалась с Всеволодом, прошла уже не одна пара часов. Я замёрзла в этом чёртовом подвале и заработала нервный срыв. Кажется, третий за всю жизнь. Сначала бросало то в жар, то в холод. Потом стала попеременно то реветь, то ржать. Хотя последнее больше относилось к попыткам одного из духов меня снасильничать. Придурок только раза с третьего, двух переломанных пальцев, отбитой мошонки и кровоупускания через выбитый нос понял, что ко мне лучше вообще не приближаться. Проще сразу грохнуть. Да только Арген не зря ухмылялся, когда заявил ему, что я пока должна в живых оставаться. То есть, он предполагал, что так просто не дамся. Не уверена, что справлюсь, когда они толпой сюда заявятся. Но время я себе выкроила – факт.

Внезапно погас свет одной единственной здесь лампочки, что и так почти не светила. Я мгновенно погрузилась в кромешную тьму и невольно прислушалась к шуму наверху. Сдвинула рукав мешковатой толстовки и включила дисплей смарт-часов. Единственная полоска сигнала пропала.

– Наконец-то, – выдохнула в сырую темноту.

Всё говорило о том, что здание оцепили, отрубили электричество и заглушили сигнал. А значит, Всеволод поднял народ на моё вызволение, что не может не радовать. После того, как сообщила о тонне наркоты и взрывчатке, что ютились рядом со мной, оно, конечно, не могло заставить себя ждать. Там, наверняка, уже и Арестов подсуелся. Не мог он проигнорировать просьбу Ваклонского. Скорее рак на горе свиснет.

Снова посмотрела на смарт-часы и улыбнулась. Эту адскую штуку мне подарили всем отделом после того, как я добровольно пошла заложником к одному придурку, убившему собственного отца. Он тогда мчал на машине по дорогам так, что у меня сердце замирало на каждом повороте. Причём, в какой-то момент ему удалось скрыться из виду и спрятаться на подземной парковке. Естественно, на месте он сидеть не собирался и потащил с собой. Ружьём угрожал. Я тогда совсем ещё соплячкой была. Можно сказать, первая серьёзная вылазка с масштабными последствиями, отпора дать не могла, попытки уговорить проваливались одна за другой. Слава богу, на парковке в тот день принимали на работу нового

охранника дядю Колю, в прошлом служившего в десантных войсках. Он этому придурку челюсть одним ударом сломал. Кажется, именно в тот день всё отделение приняло решение неустанно следить за моими передвижениями во время рабочих вылазок, а дядю Колю в благодарность пригласили на работу к брату Ваклонского, державшего частное охранное предприятие.

Что сказать? Коллектив у меня что надо.

Будь я дурой, так бы и просидела в ожидании прихода спецотряда, но я точно знала, что свои жизни духи будут прикрывать моей маленькой ценной тушкой. Поэтому я поднялась с холодного пола, размяла затекшие ноги, сбросила с запястий, давно развязанную верёвку и направилась к лестнице, ведущей наверх.

– Желательно мне никого не прибить.

А вы знаете, что «желательно» в армии наоборот? И я бы не узнала, если бы Женька не рассказал. Он после службы чуть что, так сразу: «Желательно тебе, Лиза, меня не послушать». Это обычно означало, что мне ни в коем случае нельзя получить его неудовольствие своими действиями. Последствия непредсказуемы, но страдаю чаще всего я, моя голова и чувство прекрасного по утрам.

Сверху послышался шум, следом скрипнула открывающаяся дверь.

– Эй, иди сюда!

Ага, «щазз»! Бегу, прям, чёлка назад. Прижалась спиной

к стене, сбоку от лестницы и принялась выжидать. Первый шаг жертвы был слишком отчётливым, чтобы не понять, что он таки пошел вниз, чтобы меня вытащить. Наивный!

– Не ходи! – шикнул на него кто-то, с явным арабским акцентом. Пусть Амир идёт.

– Амир же её угробит, – возмутилась несостоявшаяся жертва. – Арген сказал, живой нужна.

– Там такой мигера, что и Амиру может пальцы откусить! Не ходи Назим, ты же видел, что она с Расулом сделал? – а после началась непереводаемая игра слов, разобрать которую не представлялось возможным.

Как итог, оба ушли, заперев дверь. Я осталась стоять и переводить дыхание. Сердце колотилось, как сумасшедшее и у меня началась паранойя, потому что к шуму, что доносился сверху, я прислушивалась особенно внимательно, едва ли не вздрагивая, когда кто-то пробежал мимо. Уверенность, что за мной придёт Амир только росла. И когда дверь открылась, я была уже на пределе.

Торопливые тяжелые шаги и свет фонарика внутрь. Действовать нужно было быстро. В конце концов, за моими плечами не один год изучения дзюдо и рукопашки. Что мне какой-то дух с фонариком?

Как только тень показалась, я тут же нанесла удар, сбив мужика с толку, а после с испугом треснула кулаком по направленному на меня автомату. Боль прострелила руку, но я не успела отреагировать. Следующее, что помню – хруст

ломаемых костей. Чужих костей. И полный боли и негодования вопль:

– Твою мать, Ваклонский! Что за цербер у тебя в отделе?!

Ну, положим не цербер, а всего-то скромная я. Однако, это не умаляет того факта, что я, кажется, действительно не уследила за собственной паранойей.

– Прости.

Пожалуй, мне так стыдно ещё никогда не было. Это явно был не Амир. Свет фонарика на голове моего несостоявшегося спасителя не позволял рассмотреть его лицо, да я и не пыталась. Просто шлёпнулась на задницу и принялась ждать помощи. С этим солдатом идти наверх было опасно, если они ещё не весь дом зачистили, а он здесь достаточно большой несмотря на то, что одноэтажный.

– Ты как? – виновато спрашиваю я, на что получаю справедливое:

– Да пошла ты!

Сверху послышался шум, а затем и очередной скрип двери.

– Ярыч?

– Она здесь, – отвечает раненый. – Руку мне сломала.

Ответа мы не услышали, второй спецназовец торопливо спустился и просветил всё помещение фонариком, выискивая возможного противника.

– Здесь чисто, – устало комментирую я.

Свет фонарика дёргается. Видимо мне кивнули, и такой

же здоровый мужик торопливо осматривает руку своего товарища на предмет повреждения. Ярыч скрипит зубами от боли, но терпит.

– Закрытый перелом. Наверху кареты стоят, тебя быстро щас в чувства приведут.

– Бля, а я так хотел хорошенько на свадьбе Дема гульнуть.

– Гульнёшь, – хмыкнули ему в ответ, поднимая со ступенек. – Наверху всё зачистили. Давайте выбираться.

Они медленно стали подниматься по ступенькам, ни грамма не сомневаясь, что я последую за ними. И меня очень удивило такое поведение. Любой опер знает, что в подобных ситуациях жизнь заложника ценнее всего. Они меня должны были вести, а не друг друга. Что за?..

– Виноградова, не отставай! Арестов и Ваклонский нам за тебя головы снесут.

Подавившись собственным возмущением, я поспешила наверх. Похоже, что Ваклонский обо мне уже всё им рассказал. Тогда не удивительно.

Блин, так попасться мог только Ярыч. Вот надо было ему из себя рыцаря строить перед драконом? А судя по подноготной этой пацанки, она дракон и есть. Десять лет дзюдо и рукопашки. Полицейская академия с отличием и туева хуча грамот со спортивных соревнований. Ваклонский не дурак. Ценный кадр себе в отдел отгрёб. Такую и в огонь, и в воду. А Ярыч... Рыцарь в ржавых доспехах, мать его. Мы уже

больше часа ухмыляемся над ситуацией. Оперативница альфовцу руку сломала. Ну анекдот же!

Я наблюдал, как парню накладывают шину на перелом и изредка косился на девчонку. Внешний вид оставлял желать лучшего. Серая мешковатая толстовка разодрана у ворота. Широкие джинсовые штаны едва ли не сползают. Вся расстрёпанная и грязная, но... Несмотря на внешний вид и угрюмое выражение лица, она была довольно симпатичной. Не женственной, как моя Таня или Нютка Демона, а как-то по-своему симпатичной, хотя, если привести её в порядок и нанести боевую краску, то... Не о том ты Сора думаешь. Не о том.

Через несколько минут моего наблюдения, к ней подошёл и сам Ваклонский. Что-то говорил, резко жестикулировал, возвышаясь над ней, а когда она отвечала с упрямством на лице, злился сильнее.

– Крепкая штучка, – усмехнулся Гвоздь, проследив за моим взглядом.

– Она для Ваклонского, как дочь родная.

– Только для него? Её, по-моему, всё управление уже отчитало за влипание, – пошутил командир.

– Тут только группа поддержки, – хмыкнул я. – При разговоре с Всеволодом я понял, что они за неё будут не просто рвать. Зубами грызть.

Сразу после Ваклонского к девушке приблизился высокий брюнет, который посмотрел ей в глаза и без лишних слов

треснул подзатыльник, как сопливному мальчишке. Я даже напрягся от подобного отношения, но девушка, только зыркнула на него и пальцем в сторону здания показала. На что брюнет грозно махнул ей кулаком, а потом крепко сжал в объятиях.

Дальше мы с командиром уже особо и не следили. Наше внимание привлёк вопль Ярыча, который не хотел ехать в госпиталь.

– Да ну вас, Коноваловых! Шины наложили и молодцы. Дальше сам!

– Ярый, – окликнул его Демон. – Ярый, не дури. Тебе рентген сделать надо.

– А ты чё врач, что ли?

– А ты у врача спроси, коли Дему не веришь, – вклинился в беседу Волк.

Ярый пристально посмотрел на серьёзное лицо врача скорой помощи и фыркнул.

– Фигнёй не страдай, Ярый, – подал голос Гвоздь. – Лучше, чем в военном госпитале к тебе не отнесутся, сам знаешь. Я помню, что у тебя неладно с врачами, но давай без бабских истерик.

Голубые глаза блондина яростно сузились, но возражений уже не последовало. Горе-герой больше не предпринимал попыток сопротивления. Молча ожидал своей участи в карете.

Сели в фургон быстро и молча, но я почему-то даже из-

за чёрной занавески наблюдал за девушкой. Было в ней что-то такое, что притягивало взгляд. Странное ощущение, если честно.

В любом случае, заглядываться на неё было нехорошо. Как-то предательски по отношению к Тане. Я задёрнул занавеску и отвернулся, но наткнулся на пронизательный взгляд командира, который не сказал мне ни слова. Тем лучше. Мне вот сейчас вообще не до его шуток. Он до сих пор Демона подкалывает этой ожесточенной привязанностью к Нюте. А тот и правда, как больной. Попробуй подшутить, так у него глаза кровью наливаются. Не зря его Гвоздь одержимым называет.

– Виноградова! Тебе говорили, что ты дура?! – прошипел Женька, повторив уже в пятый раз заданный вопрос.

Сегодня мне досталось от группы, от Ваклонского, от Ярыча, который по прибытию к машине скорой помощи обматерил не только меня, но и Всеволода, совершенно позабыв про субординацию. Его, конечно, его командир очень быстро заткнул, но всё равно неприятненько. Хотя всё это, в сравнении с тем, что мне пришлось испытать, находясь в подвале дома, полного наркотиков и взрывчатки, сушая мелочь. И я уже молчу о том, что творилось в самом доме. Несмотря на то, что ребята работали тихо и чисто, без жертв не обошлось. Эти окровавленные лица до сих пор перед глазами несмотря на то, что за несколько лет работы я уже на-

смотрелась на них сверх меры.

Даже доставшийся подзатыльник от Женьки мне показался щелбаном.

– Жень, отстань, а? Я так задолбалась, что даже слушать ничего не хочу. У меня срыв операции по раскрытию, между прочим, даже не моего дела об угонах, похищение моей светлости, попытка изнасилования моей светлости, а ещё моя светлость альфовцу руку сломала!

– Уж не потому ли, что это он вашу светлость насильничать пытался.

– Не смешно, Жень! – надулась я, и зачем-то буркнула: – Не потому.

Женя гоготнул и снова приобнял за плечи, устремив свои серо-голубые глаза в сторону здания.

– Боюсь представить, что было бы, если бы это был он.

Я вспомнила несостоявшегося насильника по имени Расул и решила не говорить Жене, что из подвала он буквально выползал на четвереньках, прикрывая все стратегически важные места.

– За раскрытие не переживай. Ваклонский изначально был против твоей кандидатуры, тем более что там какие-то новые обстоятельства появились. А альфовец... Ну, по сути, сам виноват. Иди лучше на допрос. Они давно там тебя ждут. У нас ещё работы много.

– Да уж. Умеешь ты утешить.

– Ну а то, – хлопнул он меня по плечу. – Не первый год

вместе ведь, даже традицию завели по дням твоих косяков, – и улыбнулся насмешливо, напоминая, что и этим вечером расплаты не избежать.

Мдя. Я уже говорила, что влипание – это моё кредо? Ну так вот, я искренне убеждена, что без внезапно возникнувших проблем, составляющих основную часть моей жизни, день прошёл зря.

Да ещё взгляд этот, который всем телом ощущала, пока раненому руку "чинили". Альфовец так нагло и так пристально смотрел, что я даже не позволила себе наорать на Женьку за подзатыльник. Странное чувство.

Вздыхнула и отправилась искать Ваклонского, который ещё не закончил свою прилюдную порку. Будто мало сегодня бед на мою голову свалилось. А ведь единственное, чего мне хотелось сейчас, так это проставиться Женьке очередной бутылкой вискаря и забыться в пьяном угаре, чтобы на утро просто не вспомнить, весь сегодняшний день. Это ведь не так много, правда?

Вот только сейчас меня на допросе будут мурыжить до самого вечера, потом Женя заберёт мою обессиленную тушу и утащит в ближайший бар, где две порции спиртного размажут меня тонким слоем по барной стойке, а утром я проснусь на диване в его уютной квартире с адской головной болью. И я отправлюсь сначала домой, чтобы привести себя в порядок, а потом бодрой антилопой помчусь на священный ритуал – планёрку, на которой Ваклонский разделает меня

на... орехи. Именно на орехи, да. Не зря же всё управление за глаза Всеволода жутобелкой зовёт. Ну, зубы у него... выдающиеся. Причём, как родные, так и абстрактные. Как говорят в народе: «такому палец в рот не клади»

В общем, завтра мне тоже будет плохо.

2

Три недели спустя

– Боже, как же раскалывается голова, – мой собственный голос набатом разносится в упомянутой, усугубляя и без того моё ужасное состояние.

– Мне, конечно, приятно, но можешь и дальше продолжать называть меня Женей, – раздалось где-то во внешнем мире, сопровождаемое громким сюрпаньем, – Вставай, Виноградова. На оперативку опоздаешь.

По комнате разносился аромат свежесваренного кофе и выпечки. Мне резко поплохело, но затуманенный мозг отказался выворачивать наизнанку пустой желудок. До противного пересохло горло, а руки, сжимающие подушку дрожали так, что это очевидно было даже лёжа и с закрытыми глазами.

– Прокопенко! – прокаркала я. – Ты, сволочь, чем меня вчера поил?

Тот самый «Боже» Прокопенко закашлялся, стараясь не ржать, что навело меня на мысль, что поил меня не он. Вернее, что он вообще меня не поил. Едва разлепив один глаз, я посмотрела на собутыльника и коллегу в одном лице, и обнаружила его сидящим у окна. Естественно, солнечный свет резанул по дорогому сердцу органу зрения, заставив вспомнить все известные проклятия. Не вслух, конечно, но...

– Я тебя не поил, Виноградова. – Всхлипнул источник заветной информации, – Ты вчера после третьего стакана вискаря и похода в туалет, попыталась дать дёру из бара. Пьяная.

– Дала? – простонала я, сжав голову трясущимися руками.

По ощущениям стало понятно, что не очень-то я и дала. Вернее, дала-то я вчера хорошо, а вот дёру...

– Дала, Виноградова. Дала, – опроверг мои предположения Женька. – И такси вызвала, и домой уехала. Да только час назад мне тебя какой-то мужик притащил. Спящую, и на руках. Ухмылялся так, будто блудную жену домой привёл, да и свалил в закат.

– Бли-и-и-и-ин, – провыла в подушку. – Прокопенко, вот столько лет знакомы, а ты!.. Как в первый раз. Ну ёжкин...

И вот убила бы гада за такой недогляд, да только мочи нет никакой. Пить мне нельзя. Вот совсем нельзя, у меня непереносимость. Наследственное от отца, правда у него она проявляется совсем иначе, но не это важно. Два стакана крепкого и я не помню на утро, что делала накануне. Хорошо, когда просто размазывает от усталости, но когда энергии во мне ого-го, там и горы по колено и море нипочём. А Женька прекрасно знает, что приключения моя задница будучи в пьяном состоянии ищет в два раза быстрее, чем в трезвом.

«Зачем тогда пьёшь?», спросите вы? Да чтобы забыться. Иногда переутомление от всего этого такое сильное, такое ужасное, что я спать не могу, пока не хряпну. А хряпнуть надо так, чтобы отключиться, а... а дальше вы поняли.

– Я, между прочим, нянкой не нанимался. Взрослая уже девочка.

В общем, теперь я не узнаю, кто и откуда притащил меня ночью, что не есть хорошо. Благо, никаких физических... эм... В общем, я не чувствую, что у меня с кем-то что-то было. Это вообще был бы полный алес.

Оторвав себя от дивана и разлепив сухие глаза, я бросила жадный взгляд на стоящий рядом стакан с «антипохмелином». Что добавляет туда Женька, я до сих пор не знаю, но что мне точно известно, так это, что через пять-десять минут, я весело помчусь домой.

Схватила стакан и жадно принялась глотать вожаделенную, жидкость. Каждый глоток оживлял, придавал сил, а когда это целебное зелье подходило к концу, мне удалось сфокусировать взгляд на сидящем напротив мужике. Зря. При виде лица Прокопенко, а вернее, внушительного наливающегося фингала на оном, «антипохмелин» фонтаном брызнул в это самое лицо.

Женя молча, отставил чашку с кофе на столик к одуренно пахнущим булочкам, взял салфетку и невозмутимо ею утёрся, проявляя чудеса мужской выдержки.

– Прокопенко, только не говори, что это я тебя так приложила. Я в отключке и на взрыв гранаты рядом не среагирую! – оправдалась мгновенно.

– Да, нет, Мелкая. Не ты.

От старого прозвища поморщилась, но, чувствуя свою ви-

ну, не стала обзывать в ответ.

– А кто тогда?

– Тот, кто в закат ушел, – хмыкнул друг и поморщился.

А вот это уже очень интересно. Как это, Прокопенко, и в глаз дали? Между прочим, это он меня по борьбе натаскивал и многие приёмы подтянул, когда я на соревнования гоняла. Так что тут неприятным духом несёт.

Женя правильно растолковав мой взгляд, вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Не знаю.

И всё?

– В смысле?! – возмутилась я.

– В коромысле, Лиза! В глаз я хотел ему зарядить, когда он тебя на диван сгрузил, а вышло...

– А вышло, как вышло. – поняла я. – Мдя.

Бросив взгляд на часы, поморщилась. Нужно бежать домой. Утренние терзания это, конечно, хорошо и воспитывает во мне чувство ответственности, но получать от Ваклонского ещё и за опоздание, как-то не горит.

– Ладно. Я потом попытаюсь восстановить цепочку событий.

Взгляд Женьки красноречиво выражал его мнение на этот счёт. И было оно, мягко скажем, далеко от веры в успех сего мероприятия, с чем я так же молча была почти согласна. Но попробовать-то стоит?

Со скрипом поднявшись с дивана, я проверила на себе

одежду и с удивлением обнаружила разорванный ворот на футболке. Причём, ежу понятно, что тут применяли силу, хорошую такую силу.

– Собственно, вот из-за этого всё... – начал было друг, но заткнулся, когда я двинулась к зеркалу на стене.

Зеркало порадовало меня видом тёмно-фиолетового пятна на шее, а моё собственное отражение выражением недоумения. Судя по всему, кто-то вчера хорошо оторвался. И этот кто-то принёс меня утром к Прокопенко. И вот возникает вопрос: почему не ко мне домой? А потому что пьяная я, назвала только этот адрес.

– Такси, говоришь, вызвала? – проговорила я, бледнея. – Ну-ну, Прокопенко. Ну-ну.

– Виноградова! – рывкнул бессовестный, вскочив со стула. Вот только, я уже решительно прошла к выходу из комнаты, распахнула дверь и наткнулась на Яну, пытающуюся внести чашку с кофе для меня. Вид у неё был более, чем виноватый.

– Виноградова, ну ты же реально такси вызвала! Обернулась и глянула на него исподлобья.

– Вызвала, курносый. И адрес назвала. А вот почему ты со мной не поехал, это вопрос!

– Доброе утро, Лиза, – понуро протянула блондинка, стоявшая на пороге.

И стало всё понятно. Этот гад за ней поехал, вот и недосмотрел за моей невменяемой тушкой.

– Вот недоброе, Янусик. Вообще не доброе.

Девушка Женьки потупилась, но промолчала, пропуская меня в коридор, где я стремительно натянула кеды и, можно сказать, выскочила из квартиры Прокопенко. Только у лифта вспомнила про телефон. Нашупала онный в кармане джинсов и с грустью отметила, что тот разрядился.

Твою-то мать!

Накануне

Музыка шумела в ушах, как плещущийся там же алкоголь. Многочисленные тела плавно двигаются, поймав ритм, чьи владельцы не обращают внимания на пьяную компанию на втором этаже, отрывающуюся этим вечером по полной программе.

Народу собралось много. Учитывая, что в группе двенадцать человек, включая командира. Компания дружная и шумная, как полагается, ведь главный зачинщик этого мероприятия в субботу женится на своей одержимости. Мы как-то негласно решили отметить это дело загодя, потому что с четверга на пятницу заступаем на дежурство, а на дежурство с похмелья – самоубийство в чистом виде. И дело вовсе не в том, что Польш будет гонять нас, как проклятых, дело в том, что реакции притупляются, а на задаче это может и жизни стоить.

– Сора, братан, давай за тебя! – доносится пьяный голос

Ярыча.

Я бросаю на него взгляд и вижу, что он уже перебрал. Благо не буйный и трезвеет быстро. Да и у самого, если честно состояние уже на грани. Пора заканчивать.

– Яр, так мы же за Дема сёдня бухаем! – напомнил Волк, протягивая Ярому дольку лимона.

Я на всё это смотрел с улыбкой, потому что они казались мне сейчас надравшимися в драбадан. Ещё немного и кто-то из пацанов обязательно пойдёт искать приключения. Сам же Демон, увлечённо обсуждал что-то с Гвоздём и изредка пытался отследить кто и чего делает.

– Да чё мы всё за Дема, да за Дема? У него всё, как нельзя кстати, сложилось, – бурчит калека, зачем-то почёсывая свой гипс.

Мы до сих пор частенько припоминаем ему тот случай с Винградовой. Интересно, как она сейчас? Арестов говорил, что пару дней отгула Ваклонский ей не выделил, впаял! Ещё посмеялся, что чуть ли не насильно пришлось из управления выставлять. Девчонка, а по-другому её назвать язык не поворачивается, не живёт на своей работе. Она ею дышит.

– За то и пьём, – протянул неумолимо Север, пальцем подзывая невысокую девушку официантку, что дежурила недалеко от нас. – Нам ещё пару бутылок виски, будьте добры.

Решив, что с меня хватит, поднялся с места и кивком указал, куда направляюсь единственному трезвеннику во всей

этой богадельне.

Старый у нас язвенник, он только на соках и крепится, но чёрт возьми, этот мужик всегда всех тормозит, когда у пацанов начинается кольца рвать, поэтому все спокойны, как никогда.

Пробравшись между рядами столов, я спустился по лестнице вниз, где вышел на танцпол. Танцевать не хотелось, а вот добраться до туалета очень даже да. Как-то душно тут очень. Прямо вот до тошноты. Нет бы, мальчишник где-нибудь в месте потише организовать, чтобы не только бухнуть, но и душой оторваться. Но парни настаивали на месте пошумнее, и чтоб девчонки были. Мы, несвободные, были в меньшинстве чтобы возражать.

Выбравшись, наконец, из толпы, я выхватил взглядом знакомое лицо, которое пьяно поднялось с места и направилось со мной в одну сторону. Честно говоря, встретить здесь Виноградову я меньше всего ожидал, поэтому даже не сразу сообразил, что прусь за ней, как голодный телок.

Когда мы оказались в коридоре, а девушка прислонилась лбом к прохладной стене, я подошел и тронул её за плечо.

– Эй.

И вот кто бы мне сказал, на кой хрен? Незнакомое чувство стянуло грудь, как если бы кто-то сжал изнутри лёгкие.

Она повернулась, подняла на меня свой взгляд и...

– Чё бессмертный, что ли?! – выдала эта синь, прикладывая все силы, чтобы стоять ровно и смотреть прямо, не со-

брав глаза в кучу.

Я улыбнулся, глядя на эту смазливую мордашку, лишенную какой-либо косметики. Похоже, кто-то совершенно не умеет пить.

– Ну, положим, – ответил так же. – Тебе плохо?

Елизавета Виноградова вместо ответа пьяно икнула и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, направилась дальше по коридору, оставляя меня в некотором недоумении. Её поведение казалось мне ну очень странным.

– Эй! – окликнул её я.

– З-завались, придурок, – обернулась, бросила на меня невменяемый взгляд и, качаясь, скрылась за дверью женского туалета.

Что-то подсказывало, что девушка непременно нарвётся на неприятности. В таком состоянии у неё ещё шевелится острый язычок, который может неприятно задеть. Мало ли уродов в клубе? Хотя, она вроде бы не одна была у барной стойки. Жаль, не разглядел парня.

И чего я так парюсь? Подумаешь, пьяный сотрудник УУР. Мало их, что ли?

Пожав плечами, я вошел в мужской туалет, где ополоснул лицо холодной водой и некоторое время пытался понять, что не так. Почему в груди неприятно саднит интуиция? Обычно алкоголь притупляет её, а тут она словно вопит.

Нахмурился, подумав, что у пацанов могло что-то случиться. Но учитывая, что там толпа целая и трезвый Старый, ко-

торый всё разрулит, отмахнулся от этой мысли. Надо на воздух. Позвонить Тане и узнать, как у неё дела.

Вспомнив свою девушку, скривился, как от зубной боли. И как я умудрился так вляпаться? До сих пор так и не вспомнил, как случилось, что я затащил её в постель, зная, что назад дороги уже не будет. Перед Женькой, будь он жив, было бы стрёмно. Да и кого я обманываю? Мне и сейчас стрёмно.

Вздыхнул и ещё раз ополоснул лицо. Опять эти мысли. Нельзя мне пить в таких количествах.

Снаружи донесся женский крик, от звука которого меня будто молнией шарахнуло. Вылетел в коридор, едва ли подумав об этом, и увидел не самую лучшую картину. Какой-то тощий хмырь прижимал оперативницу к стене, пользуясь её невменяемостью.

– Лапы свои убери! – рычала она раненым зверем.

Я даже не знаю, что взбесило больше. То, что девушка, сломавшая Ярычу руку, не может отбиться от какого-то придурка, или то, что этот недоумок посмел к ней полезть.

Подойдя к парочке, я хлопнул парня по плечу, а когда тот повернулся, не говоря ни слова дал ему в глаз, после чего взял Виноградову за руку и молча повёл прочь из коридора.

– Я сама! – перекрикивала она громкую музыку, пытаюсь вырваться.

А я почему-то подумал, что с удовольствием бы перекинул охламонку через плечо, звонко шлёпнул по заднице и утащил бы куда-нибудь в укромное местечко, где хорошень-

ко бы прочистил мозги.

– Да ну я сама! – не прекращала девушка вырывать свою узкую ладошку из моей лапы.

А у Тани ладони большие. Она и сама ростом куда выше Лизы. Мысль ошарашила. Я замер, выпустив горячую руку.

Неправильно. Всё неправильно.

Оперативница прошмыгнула мимо меня, даже не глянув на своего спасителя, и, всё так же качаясь, направилась к барной стойке, где хлопнула какого-то парня по плечу. Я не стал разглядывать парочку, решил выйти на улицу и проветрить мозги. Похоже, в них что-то переклинило.

Странные неприятные чувства вихрем крутились в груди, будто поднимая со дна всё то неприглядное, что копилось на протяжении многих лет. Смерть Женьки, близость Тани и собственная неполноценность. Разве я могу себе позволить обращать на кого-то внимание, когда у меня есть она? Нет. Нет, нет и ещё раз нет. Не когда мы оба нуждаемся в поддержке друг друга. Таня, так точно. Известие о смерти брата сильно её подкосило, ведь они с детства дружили, порой ломая дров не хуже компании парней.

Я не хотел, чтобы всё так... Несмотря на его уговоры держался в стороне, но всё равно, дурак, согласился с его просьбой. Да, пьяный и уже после того, как со вкусом отомстил за его смерть, но от этого не менее тошно. Слишком хорошо я знал, что Таня в меня влюблена, и слишком хорошо понимал, что мне эти чувства были не нужны изначально. Боял-

ся и боюсь, что однажды вот такая Лиза Виноградова придёт в нашу жизнь и разрушит обоих до самого основания. Да только с Таней уже не повернёшь, а Лиза... Достаточно просто её «не видеть». Не замечать и не поддаваться лёгкому влечению.

– Просто нельзя поддаваться, – хмыкнул в темноту, сжимая кулаки.

Подумаешь, девчонка. В моей жизни их немало было. И рыжие, и блондинки, и брюнетки. Все разные, но все рано или поздно надоедали. Хотя, надо признать, ещё ни к одной не возникало такого странного чувства от одного только взгляда.

Вздохнул полной грудью.

Свежий воздух немного остудил горячую голову. На город давно уже опустились сумерки, молодёжь во всю отрывалась, а я не мог заставить себя вернуться в эту грохочущую коробку. Никогда не любил шумных заведений, где неслышно собственных мыслей. Прошелся туда-сюда по тротуару, наблюдая, как вываливаются пьяные парочки, пару раз даже откровенно посмеялся над выходками столичных пижонов, пытавшихся пометить стены ночного заведения, как какие-то псы. Посмотрел, как подъезжают и отъезжают такси. Но назад всё равно не торопился, а когда всё же решился, из дверей вывалилась та самая Лиза Виноградова, которая всеми силами пыталась разглядеть что-то в своём телефоне.

Я не подошел к ней и не предложил помощи. Я просто

стоял, как идиот, и наблюдал за её действиями, боясь, что если сдвинусь с места, то меня уже ничего не остановит. А я не хочу предавать Таню даже мыслью о ком-то другом.

Просто не поддавайся, Стагаров. Потом сам же пожалеешь.

Тем временем совершенно пьяная девушка, наконец, разглядела то, что искала, а вскинув голову, прищурилась и попыталась найти, судя по всему, такси. Таксист подъехавшей серебристой девятки мигнул фарами, на миг осветив меня, поскольку я стоял между ними, и вышел из машины, явно направляясь к оперативнице.

– Грёбанные суки, – тихо шипел парень родом явно из стран ближнего зарубежья. – Нажрут, а ты вози их потом...

С одной стороны, мне понятно было его возмущение, но с другой...

Он подошел к Лизе, что-то спросил, а дальше, схватив за плечи, повёл её к машине.

Сердце в груди застучало, как сумасшедшее, а под рёбрами вдруг разгорелось жаркое пламя, мгновенно прокатившееся волной по всему телу.

Девушка споткнулась и неуклюже начала заваливаться, когда таксист, схватил её за шиворот футболки. Раздался треск, следом её хрип и нерусская брань парня. Тут уже я не смог стоять на месте. Едва ли не подпрыгнув, подхватил её на руки и понёс к девятке, стараясь не смотреть в лицо Лизы.

– Куда? Э! – возмутился таксист.

– Повезёшь! – бросил я, открывая дверь. Опустил взгляд и снова заглянул в эти бездонные серые глаза. – Куда ехать?

Девушка пристально посмотрела на меня, после чего вздохнула и тихо ответила:

– На край света, пожалуйста.

Не мог сдержать улыбки. Забавная пьяная оперативница казалась хрупкой на моих руках, что определённо мне нравилось, ведь я знал, что всё другое время она старается быть несгибаемым сотрудником полиции. И даже хмурится угрожающе, маскируя свою милоту.

– А может лучше домой? – спросил, удобно устраиваясь вместе с ней на заднем сиденье.

Выпускать её из рук не хотелось. Я даже краем нетрезвого сознания подозревал, что сработали какие-то собственнические инстинкты

– Домо-о-о-ой, – протянула она и тут же надула губы. – Я не хочу домой. Дома скучно.

– Таксисту всё равно придётся назвать адрес.

И тут она хитро улыбнулась, удобно устроилась на моих коленях и уткнулась мне в плечо, закрыв один глаз.

– Называй, – разрешила милостиво и закрыла второй.

Усмехнулся и решил слегка припугнуть, чтобы одумалась. Склонился к уху и тихо прошептал:

– Я ведь могу и к себе увести, малыш.

И я совершенно не ожидал того, что увижу, когда отстранюсь. Кожа на её руках покрылась мурашками, а соски под

тонкой тканью футболки явственно напряглись. У меня во рту мгновенно пересохло, а в штанах стало непозволительно тесно. Девушка пристально посмотрела в мои глаза, но уже через секунду громко назвала адрес таксисту, который только этого и ждал.

Машина уже тронулась, а я не мог оторвать взгляда от представшей картины. Более того, едва держал себя в руках от того, чтобы смять её в объятиях, прижать к себе ещё крепче...

Лиза, будто услышав мои мысли, внезапно приподнялась, глядя в мои глаза, обняла ладоням моё лицо и просто приникла к губам.

А я замер, как идиот. Как последний придурок, боясь, что, если спущу того внутреннего пса, что затаился в глубине, с цепи, ни за что не смогу остановиться. Наброшусь, сомну и... Нельзя, Стагаров. Она пьяна, как хренов десантник второго августа. У тебя Таня, твоя проклятая, но почти семейная жизнь!..

Мягкий шершавый язык скользнул по сжатым губам, вынуждая тело отреагировать. Жажда до этой девчонки взорвалась где-то в груди, отменяя любые доводы, и она словно наслаждалась падением железобетонных стен, так тщательно выстраиваемых на протяжении нескольких лет. Устроилась удобнее на моих коленях и мягко прижалась к груди, по-прежнему требуя ответа, не понимая, что я уже срываю своё мясо до костей, лишь бы не...

– Ну же... – проникновенный стон стрелой до самого дна и всё...

Нет ничего. Совершенно ничего. Сжимаю девчонку так крепко, как только могу, и жадно впиваюсь в эти губы, пытаясь унять сосущую пустоту внутри и болезненное пламя, танцующее на коже.

Как не хотеть? Как тебя не хотеть, чертовка? Как прекратить целовать, когда так необходимо чувствовать твои сладкие губы? Как не скользить пальцами по гладкой коже под футболкой и как не сжать мягкую грудь, чтобы услышать твой болезненно сладкий стон, от которого дрожит моё нутро?

Ты даже пахнешь как само наслаждение...

– Приехали! – нервно крикнул самоубийца, отрывая моё внимание от этой невозможной женщины.

Я отодвинул Лизу, держа за плечи. Серые глаза были стеклянными, совершенно пьяными и она тяжело дышала, как после забега. Я и сам чувствовал себя марафонцем.

– Быстро, – едва не хриплю, подумав, что как-то потерялся во времени, позабыв обо всём и досадуя, что вообще позволил такому случиться.

– Так дом через перекрёсток от клуба, – всё так же нервно отвечает водитель.

Так близко? А зачем тогда такси?

Лиза снова тянется к моим губам, прерывая мозговую деятельность, и коротко целует. Коротко, потому что я не поз-

воляю продолжиться этому безумию. Открываю дверь авто и, подхватив оперативницу под упругую попу, вылезая из машины, стараясь не ударить её головой. Что-то мне подсказывало, что подобного мне не простят. Поставил качающуюся девушку на ноги, снова залез в машину, оглядывая сиденья, чтобы понять, не выпало ли чего из карманов, а после протянул парню купюру.

Визг тормозов и девятка уносится прочь. Видать сильно мы парня достали своим поведением. Усмехнулся и повернулся к источнику своего безумия. Лиза медленно плелась к лавочке на детской площадке. Устало села на неё, а затем и вовсе откинулась так, чтобы запрокинуть голову.

– Мне кажется, что тебе нужно домой.

– Дома скучно, – повторила она, после чего перекинула ногу через лавку, оседлав её, и просто легла на спину. – А тут есть звёзды.

Взглянул вверх и действительно разглядел далёкие небесные тела, едва угадывающиеся в тёмном небе.

Ничего не ответил. Иногда вот так же с ребятами на задаче, соревнованиях или на учениях сидели и просто смотрели в небо. Порой полезно отделить себя от Земли и представить, какого это быть в пустоте. Быть кем-то отдельными от человечества, несущественным.

– Временами, когда смотрю на них вот так, чувствую, что всё зря, – вдруг тихо проговорила Лиза, озвучив мои мысли. – Будто иду не туда, делаю не то.

Посмотрел на неё, вот такую пьяную и задумчивую, ещё способную размышлять о чём-то возвышенном, и неожиданно понял, что мне интересно. Интересно, что в этой хорошенькой головке происходит на данный момент и вообще. Почему так? Почему, я так долго привыкал задавать вопросы Тане о том, как у неё идут дела на работе, как прошел день и что она думает о том или ином событии? Мне было неинтересно, но я понимал, что она нуждается в моём внимании, в поддержке, в мелочах, которые составляют нашу совместную жизнь. Почему сейчас я сдерживаюсь, чтобы не спросить оперативницу о том, почему она считает, что всё зря? Почему, как и я, вообще о подобном задумывается?

Вздохнул и потёр саднящий висок, боль в котором была явным признаком утомления.

– А ты, когда-нибудь думал о том, зачем мы здесь? – тихий голос вновь разорвал ночную тишину. – На работе часто нет времени остановиться и просто подумать о таких вещах. Например, какая сила заставила мать задушить собственное новорожденное дитя или выбросить его в мусоропровод. Зачем шестнадцатилетняя девочка при хороших и весьма обеспеченных родителях подаётся в проституцию и зачем в двадцать первом веке кто-то готовит террористов-смертников.

И я снова не ответил. Всё это – человеческая психология. Она это знает. Но вопрос относится к категории религии, веры, и, по сути, является риторическим.

Подошел к ней и сел на лавку, глядя на неё. Девушка же

усмехнулась, чуть подтянулась и уложила голову на мои колени, продолжая созерцать небо. А вот я туда смотреть не мог.

Внутри всё натянулось от сладкого ощущения, затопило невообразимой нежностью, и я не удержался, скользнул пальцами по мягким волосам. Девушка на миг прикрыла глаза, и я понял, что нам обоим это приятно.

Чёрт возьми, откуда такое? Я же всего раз тебя видел. Всего один грёбанный раз, а сейчас понимаю, что жаждал новой встречи, как маны небесной. Настроение апатичное, подавленное, даже Таня увидела перемену...

Таня.

Чёрт, я же так и не позвонил ей.

Рука замерла над головой девушки.

Что ты делаешь, Стагаров? Какого хрена? Что ты, мать твою, вытворяешь? Женька, наверное, в гробу перевернулся за такое непозволительное отношение к его любимой женщине. Неужели ты готов вот так просто предать его? Неужели позволишь случайно появившейся в твоей жизни женщине вот так просто нарушить твою клятву, данную у его могилы?

Стиснул зубы, стараясь отмести все мысли. Пусть эта ночь будет исключением. Пусть эта ночь будет моей собственной тайной, которую никто и никогда не узнает. С Лизой я больше не увижусь, ни к чему хорошему это не приведёт, но пусть хоть сегодня отведу душу.

Взглянув на девушку, обнаружил, что та заснула.

– Эй, адрес-то у тебя какой?

Открыла один глаз, посмотрела на меня оценивающе, вздохнула и назвала место жительства, после чего так же благополучно уснула.

– Что ты за женщина такая, Лиза Виноградова? – усмехнулся я, не ожидая получить ответа.

– Отвали, Прокопенко. Сам знаешь, что из меня женщина, как из тебя балерина, – промямлила она, сонно перевернувшись на бок и по-детски уложила свои ладони под щёку.

Честно говоря, ответа не понял. Просто продолжил гладить мягкие волосы, мрачно размышляя о собственной жизни. О том, как многое хотелось бы изменить. О том, что ничего не могу изменить.

Если бы мог, отказался бы от Тани. Но она так преданно меня любит, что остаётся, несмотря на то что я не могу иметь детей, хотя очень хочу. Одного обследования хватило, чтобы знать наверняка: у меня никогда не будет ни дочери, ни сына. Таня пыталась исправить ситуацию, всё же она фармацевт, и на диетах особых держала, и добавки какие-то пить заставляла... Но всё это пустое.

Вздохнул и снова посмотрел на Лизу.

– Что я здесь забыл, а?

На этот раз не ответила. И правильно. У меня самого не было чёткого ответа.

Я так и просидел до самого рассвета, размышляя о соб-

ственной жизни. Мысль за мыслью, уверяясь, что выхода из этого дерьма нет. Нужно просто плыть по течению и не оглядываться, на тех, кого могу утянуть вслед за собой.

Когда сквозь облака стали пробиваться первые бледные лучи, я подтянул девушку ближе к себе. Даже не проснулась. Внимательно рассмотрел её лицо, после чего пошарил по карманам джинсов и вытащил оттуда ключи с брелоком от мазды. Ключа от машины не было. Желание? Наиболее вероятно. Перехватил поудобнее и поднялся с лавочки, направляясь к нужному подъезду. Квартира на пятом этаже, вот только я никак не мог подобрать ключ к замку.

Даже нахмуриться не успел, как мне дверь открыл заспанный парень, которого видел в день похищения Виноградовой. Муж? Усмехнулся, вспомнив, как жадно меня целовала эта девчонка, пока мы ехали сюда.

– Какого?..

– Заткнись, – шикаю я, и нагло вношу девушку через порог. – Куда?

«Муж» указывает пальцем на дверь комнаты, куда я прохожу не разуваясь. Дверь напротив была открыта, и я заметил на двуспальной кровати блондинку, натянувшую одеяло до самого подбородка.

Нахмурился, но внёс Лизу. Взгляд невольно выхватил угловой диван, в центре которого была полка с фотками этого парня и Лизы в обнимку. Не одна фотка, а несколько подряд.

Всё же муж. Муж, который беззастенчиво изменяет. И Ли-

за хороша, раз целуется по пьяни с первым встречным. Твою мать, откуда это желание унести девушку подальше от этого придурка?

Положил её на диван, сжимая зубы.

– Какого хрена ты с ней делал, ублюдок?! – вдруг взрывается он, а я в свете лампы отмечаю тёмно-фиолетовый засос на её шее.

И он ещё спрашивает, держа в собственной постели другую бабу? Вот кретин!

Я разворачиваюсь ровно в тот момент, когда мне в лицо летит кулак. Ей богу, сработал на автоматизме! Я, честно, не хотел. После удара стряхнул боль с собственных костяшек, глянул на отлетевшего идиота, который не ценит то, что у него есть, и молча ушел, оставляя безумие этой ночи позади.

Я не скоро забуду её. Более того, я не скоро захочу забыть. Запру воспоминания в чертогах своей памяти под амбарный замок, и буду доставать в самые сложные периоды жизни, чтобы вспомнить, как может быть хорошо. Просто, чтобы удержаться на плаву. В последнее время мне действительно не хватало чего-то такого. Какого-то псевдо-якоря, который сможет удержать от ошибки на задаче.

Домой вернулся, когда было уже совсем светло. Открыл железную дверь, разулся, прошел в комнату, где спала Таня. Посмотрел с минуту на её красивое безмятежное лицо, а после ушел в душ, чтобы смыть с себя запах другой. Запах той, что в какой-то миг свела с ума одним только своим прикос-

новением мягких губ и тихой просьбой.

От этого воспоминания реакция тела почти мгновенная. Ледяная вода и сжатые до боли зубы, чтобы успокоится.

Не сейчас, Стагаров. Сейчас о ней думать нельзя.

После душа лёг на кровать, обнял Таню и поцеловал в затылок. Никакой тебе щемящей нежности, никакого ускоренного биения сердца. Никогда такого с ней не было. Зато всегда спокойно и стабильно.

– Вернулся? – спрашивает сонно.

– Угу.

– Как мальчишник?

– Как мальчишник, – отвечаю устало. – Все пьют, все веселятся. Ничего нового, Тань.

– А стриптизёрши? – спросила сквозь хорошо различимую улыбку в голосе.

– Не было. Стас слишком любит Нюту, чтобы позволить себе подобное поведение по отношению к ней.

– Ну-ну, – хмыкнула и замолчала, погладив мою ладонь.
– Спи, Слав. Скоро вставать.

Спать не хотелось. Хотелось думать. Много думать, но этого делать было нельзя. Ведь я, как любой обученный человек начну просчитывать варианты, что рано или поздно приведёт к приведению в исполнение.

Чуть крепче обнял Таню и закрыл глаза, погружая нетрезвый мир во тьму.

Три дня спустя

Бескровные губы и стеклянный взгляд, направленный прямо на меня. Достаточно молодая девушка лежала посреди зала собственного дома. Следов насильственной смерти нет, но я точно знаю, что она умерла от укола в шею шприца с неизвестным веществом. Судмедэксперт уже заканчивал осмотр тела на предмет других следов, но пока ничего не обнаружил.

Я же осматривала обстановку на наличие улик. Первым делом, когда вошли в глаза бросились две чашки с допитым из них кофе и пакетированным зелёным чаем. То есть либо до смерти, либо на её момент в квартире находился гость, с которым она беседовала. Наиболее вероятно, что именно он убийца, поскольку отсутствие отпечатков пальцев на чашке с чаем говорило о том, что следы заматали. Очень бы, конечно, хотелось, чтобы убийца где-то просчитался, но это маловероятно.

Натянув резиновые перчатки, я подобралась к серванту, где хранились какие-то папки с документами. Там оказался полный набор, включая свежую копию трудовой книжки. Просмотрела все записи и поняла, что Селезнёва Антонина Григорьевна работает начальником отдела кадров в торгово-развлекательном комплексе. Информация, полученная

от соседей, подтвердилась. Жаль только никто не видел, кто именно приходил к убитой в гости.

– Лиз, тебя там Прокопенко просит.

Я обернулась и посмотрела на сержанта Давлатова, отводящего глаза от тела. Он новенький в ОВД. Мне крайне редко приходилось работать в этой команде, поскольку именно на этом участке редко случаются преступления, связанные именно с моим профилем.

– Сейчас.

Я сложила все документы обратно в папку и пошла к выходу. Женька ожидал меня с побитым видом уставшей собаки, что неделю таскалась по улицам в поисках еды.

– По делу? Если нет, то я сейчас занята, Прокопенко.

Друг вытащил из портфеля синюю папку с бумагами и протянул мне.

– Тут новая оперативная информация от Потапова. Ва-клонский сказал, чтобы ты изучила внимательно и сделала выводы.

Я нахмурилась, не понимая, что происходит. Взяла папку и открыла. И прямо с первых строк погрузилась в какой-то ад. Сводки, доносы, протоколы допросов за последние два дня, фото с камер видеонаблюдения... И во всём этом кошмаре, убитая была главной фигуранткой, что означало, что концы опущены в воду.

– Когда? – поднимаю я глаза на Прокопенко, – уже понимая, что неизбежное случилось.

– Уже, Лиз. Торговый комплекс в центре на набережной. Семеро вооруженных и заминированные выходы. Всё ОВД на ушах. Сворачивайтесь здесь и поехали. Там Ваклонский рвёт и мечет. Связь недоступна – всё заглушили в радиусе трёхсот метров. Я в машине подожду.

Я судорожно выдохнула и кивнула, чувствуя, как горлу подступает паника. Обернулась и направилась обратно в зал, где лежало холодное тело. Цепким взглядом оглядела всё, подошла к серванту, снова перебрала папки, проверила ящики, шкафчики, осмотрела ковёр на наличие инородных предметов и очень удивилась, когда под столом нашла золотую запонку с красивым камушком в оправе.

В руки не взяла. Сначала должен отработать фотограф.

– Ребят, тут улика, – сказала и продолжила осмотр.

Всё тело дрожало. На данный момент я едва ли могла себя контролировать, потому что чувствовала свою вину. Из-за меня могут погибнуть люди. Нет, не то, чтобы я где-то накосячила. Я просто вовремя не сделала свою работу. Вчера была слишком занята поисками информации о деле погибших девушек, что были связаны с группой бывшего отсидка Лихачёва. Была задача собрать на него данные, а ведь я могла бы присутствовать на допросе, если бы знала о его проведении Потаповым. Сукин сын, мог бы и сообщить, так нет же! И чего только добивался, спрашивается?!

Я не могла не думать об этом. Мрачно перебирала чужую сумочку и заставляла мозг активно работать. Вчерашний до-

прос одного из наркодиллеров явно указал на новую структуру, которую мы не могли проследить до верхушки. Ваклонский очень многое сделал, чтобы вскрыть её, как нарыв, но никто из агентов не мог назвать и одного имени, невзирая на близость главара группировки, как не могли назвать конкретных их целей помимо сбыта небольшой партии наркотиков в народ. А тут... Взяли, да поздно. Исходя из его слов, они на полученные от наркотиков деньги закупают оружие. Автоматы, гранаты. Наркотики привозил некий курьер по кличке Видимый, которого в действительности видели лишь единожды. Он же и увозил оружие. Вся связь односторонняя, на данный момент оборванная, что не радовало.

Каким боком тут убитая? Убитая была начальником отдела кадров, она же вполне могла устраивать на работу в торговый центр людей, которые не будут вызывать подозрений, чем пользовался тот, кто был связан с группировкой, поскольку именно для него скупалось оружие, которое на данный момент пользуют люди, захватившие здание на набережной. И именно на неё были доносы, и именно она поддерживала связь с одним из членов той самой группировки. А вернее, некогда являлась любовницей Корыстылёва, сбежавшего с деньгами, а после найденного нами за городом в заброшенном доме с перерезанным горлом.

И тут интересное дело. Любовника нет, а дела у Селезнёвой с ними продолжились, хотя никто из дилеров в глаза её не видел. Значит, был кто-то ещё. Кто-то, кто знал ситуацию

со стороны, возможно именно он убрал единственного свидетеля, который был способен ткнуть в него пальцем. Ну, кроме тех, которые сейчас находятся там.

Мда.

Я сложила все вещи в сумку, ещё раз проверила смартфон и отдала спецам. У меня сейчас просто нет ни на что времени. Когда ребята закончили, а тело вывезли из квартиры, я махнула рукой и ушла. Женька ждал внизу на своей старенькой тойоте. Когда села в машину, заглянула в его глаза. Там плескалась такая же тревога.

Обсуждали обстановку тихо и вдумчиво. Мне всё время казалось, что я упустила из виду какую-то деталь. Ещё раз изучила содержимое папки, но это не дало никаких результатов. Когда доехали до оцепления, я едва понимала, что происходит, будучи погруженная в собственные мысли. Предъявили пропуск и свободно въехали на территорию, правда скорость была ниже некуда из-за понаехавших фургонов всевозможных военных оттенков.

Когда вышла из машины сразу заприметила парочку, которую невозможно было пропустить. Арестов и Ваклонский стояли, тихо что-то обсуждая. Справа от них стоял раскладной стол с картой, рядом с которым собрались несколько групп спецназа «Альфа» и начальники различных служб, начиная с ЖЭКа, заканчивая городским архивом. Народу было много и от этого делалось дурно, потому что вокруг царила неразбериха.

Но первым, к кому я подошла, был полноватый мужичок, который работал со мной в одной группе. Потапов, не сразу обратил на меня внимание, зато Ваклонский увидел. Мой непосредственный начальник понимал, что я собралась сделать. Понимал, осуждал, но останавливать не собирался.

– Виноградова? Что ты?.. – удивился Потапов.

Однако закончить вопрос он не успел. Смачный удар расквасил придурку нос, вынудив свалиться на задницу и зажать его рукой, чтобы остановить кровь.

– Виноградова, ты совсем из ума выжила?! – заорал, привлекая внимание всех, кто находился рядом.

Придавать огласке случившееся не собиралась, но и спускать на тормозах тоже. Мы вообще-то изначально с Потаповым не очень сошлись характерами. В первое время он смеялся над моими далеко не женственными манерами и старался уколоть побольнее. У него это успешно получалось. Но поскольку я натура с тонкой душевной организацией и явными признаками непомерного чувства справедливости, часто давала сдачи в виде физической расправы, за что была частым гостем на ковре.

– Да пошел ты, – сплюнула, разворачиваясь к Ваклонскому.

– А я бы ещё и рапорт накатал, – хмыкнул Женька и хлопнул меня по плечу, полностью поддерживая мой поступок.

– Виноградова! – рывкнул Всеволод. – Не время сейчас личные отношения выяснять! Бегом доклад делать! А ты,

Потапов, подойди ко мне.

Я только хмыкнула, мельком взглянув на Арестова и завидев какую-то странную усмешку на мужественном своевольном лице. И чего ухмыляется? Можно подумать в ситуации есть что-то весёлое.

Проходя мимо спецназовцев в полном обмундировании, ощутила на себе пристальный взгляд, буквально прожигающий душу до дна. Замерла удивлённо, обернулась и едва ли не пропала на месте.

Пронизывающий, всепоглощающий. У меня будто тоннельное зрение открылось, отгораживая остальной мир от мужчины в форме. Душа вздрогнула. А он всё смотрел, словно тоже никак не мог перевести свой взор. И было в этом взгляде что-то знакомое. Что-то такое, отчего сердце забывало, как стучать, а низ живота стянуло ну просто адским спазмом возбуждения. И мурашки... от макушки до самых пяток. Жар, озноб и прочие прелести взбунтовавшихся гормонов.

Что за?..

– Ты чего, Мелкая? – донеслось до меня, как сквозь вату.
– Приведение увидела?

Я обернулась на Женьку, едва ли способная вообще мыслить. Голова кружилась, пальцы дрожали. Откуда такая страшная реакция? Что за хрень? Никогда в жизни ничего подобного не испытывала.

Сглотнула гулко, ещё раз посмотрела на такого же замер-

шего мужика и отвернулась от греха подальше.

– Ничего, Прокопенко, – просипела, сама удивляясь собственному голосу. – Просто показалось что-то.

Женька хмыкнул, а после приобняв за плечи повёл ко временному штабу. Нас ожидал долгий подробный доклад и длительное обсуждение дальнейших планов нашей работы.

Духи не выставляли никаких требований до глубокой ночи. Все разработки просто огнём горели на стадии обсуждения штурма или достижения договорённостей. Везде полный переполох, несмотря на чёткое следование предписаниям. Однако штурмовики не могли действовать без отмашки оперативного штаба, а те в свою очередь не желали рисковать, искали другие способы противодействия вражеской силе.

Мы пытались понять мотивы. Просто дружно ходили по улице и обсуждали это, звонили своим источникам, пробирая информацию, мучили агентов, возможно, кто-то что-то мог бы вспомнить. Переписывали схемы, структуры, поднимали наработки. Ведь никогда не бывает так, чтобы не осталось зацепок. Кто-то да должен был оговориться, проколоться на мелочи.

Да только, как не шерстили, так ничего и не всплыло. А к четырём часам утра была дана отмашка идти на штурм. Всем подразделениям было приказано приготовиться. Вот после этого на нас словно погрузилась всепоглощающего ужаса. Не тревоги, нет. Глядя на бойцов, собравшихся в

группы, и умолкнувших глядя друг на друга, я неожиданно поняла, что меня от макушки до самых пяток колотит. Именно колотит. Там ведь люди, которые могут быть в самом лучшем случае напуганы. Но больше всего было страшно за ребят. Раньше, я как-то не особо беспокоилась о тех, кто выходил на задержание подозреваемых. Это их работа, и никто не сделает её лучше. К тому же, трудно воспринимать их, как людей, когда ты даже не видишь лиц. Но этот взгляд... он не отпускал.

– Елизавета Виноградова?

Я обернулась и окинула Арестова взглядом. Статный мужчина в форме, выглядел довольно бодро, несмотря на то что начинало уже светать. Уверена, он на ногах, как и я, со вчерашнего утра.

– Чем могу, Пётр Николаевич?

Я особо не обрадовалась его компании. Всем известно, что Арестов хитёр, как старый лис, и лучше держаться от него подальше. И как только Ваклонский от него такой безоговорочной преданности добился? Нет, я знаю, как, но всё равно в голове не укладывается.

– Хотел с вами поговорить, Лиза.

– О чём?

– О том нравится ли вам ваша работа, команда?

Я нескромно уставилась на него, пытаюсь осознать вопрос.

– Вы что? Хотите предложить мне место в?..

Арестов усмехнулся, и прислонился на капот старенькой

Женькиной тойоты, посмотрев вперёд.

– А что вы так удивляетесь, милая? Ваклонский в вас давно уже надёжного человека разглядел, а мне из-за некоторых событий в штабе нужен свой человек, – он повернулся и посмотрел весьма красноречиво. – Свой в доску человек. А вы же ему, как дочь родная.

Помимо того, что и так была в ужасе, сейчас ещё и потерялась. Что мне там делать? ФСБ – это слишком сильно для такой, как я, несмотря на то, что Арестов предлагает мне место потеплее. Куда теплее того, на котором он сам сидит. Не то, чтобы я не думала о своём будущем, но виделось оно мне не в столь специфичной структуре, как служба безопасности. Да и прикипела я уже к своему отделу.

– Я не тороплю, Лиза. Вволю подумайте. В конце концов, у нас не только места теплее, но и привилегии значительно лучше.

Я поджала губы и промолчала. Привилегии-то лучше, но вот жертвенности требуют они куда больше. С такой работой не только паранойю заработать можно, но и расстройство личности на уровне.

Арестов ушёл, а смешанные чувства остались. Я понимала, что Ваклонский уже знает о предложении. Он и сам не раз намекал на помощь с поиском «работы», если понадобится, но вот подкат от ФСБ я не ожидала.

Пока зевала, не заметила, как ушли бойцы. Только потом, озираясь по сторонам, поняла, что уже началось.

И это была самая страшная операция за всю мою практику.

О том, что происходит внутри самого здания, мы знали, потому что люди, оказавшиеся в заложниках, рискуя собственной жизнью, звонили и включали видеосвязь. Если изначально мы считали, что их всего семеро, то позже выяснилось, что это далеко не так. Само здание состояло из трёх этажей. «Духи» распределились так, чтобы контролировать весь торговый центр. Не менее пяти человек на этаж. Выходы заминированы и нет никакой возможности выбраться наружу.

Я не знаю, какую тактику избрала группа «а», о таком никто не распространяется, но то, что они пошли нестандартным путём – факт. Через две минуты после начала, к выходам пошли группы сапёров, а машины скорой помощи стремительно подготавливались для приёма пострадавших.

В шесть утра, когда на улице царила тишина, а все сотрудники правоохранительных органов замерли в ожидании, внутри начали раздаваться узнаваемые очереди хлопков. Меня трясло, как никогда, а перед внутренним взором только эти зелёные глаза.

– Господи, хоть бы с ребятами всё нормально было, – шепчу, ничего не замечая вокруг.

– Будет, Лиз, – слышу неожиданный ответ Женьки. – Представляешь, у кого-то из них сегодня свадьба.

Не представляю. Не представляю, какого будущей жене,

которая сидит и с диким ужасом понимает, что замуж может не выйти.

– Ты откуда знаешь? – спрашиваю, чтобы отвлечься.

– Арестов говорил. Сегодня у его бойца свадьба. Никто не ожидал такой херни.

– За это я уже сказала Потапову «спасибо», – ответила, сжав кулаки. – Если бы узнала о результатах допроса раньше, смогла бы сопоставить два и два. Чёртов идиот.

Я всё наблюдала за работой сапёра. За правильными выверенными движениями, за постоянной сменой инструментов, и мельком думала о том, что такие костюмы наверняка невероятно тяжелые. Хотелось думать о чём угодно, лишь бы не об обладателе зелёных глаз, чей пронзительный взгляд запал прямо в душу.

Новая автоматная очередь, заставила внутренне содрогнуться. Сапер, наконец, открыл дверь, а оттуда сразу же выбежало несколько человек из числа заложников, которых моментально прикрыли собственными телами сотрудники правоохранительных органов и сопроводили до машин скорой помощи.

Время потянулось в ожидании. Мы все были на пределе, ещё немного и будет слышно, как скрипят наши натянутые нервы. Сердце колотилось где-то в глотке и весьма ощутимо вздрогнуло, когда на выходе появилась ещё одна группа людей.

И снова автоматная очередь. На этот раз затянувшаяся

на несколько долгих секунд. Крики людей, бегущие им на встречу, полицейские с щитами. И всё, как в замедленном видео.

В эти секунды я поняла важное: я виновата в том, что произошло. Я халатно отнеслась к своей работе. Никакой Потапов со своим молчанием не оправдывает того, что я не соизволила проверить самостоятельно. Работу нужно делать вовремя. Особенно, когда дело касается безопасности граждан. Там ведь и маленькие дети с матерями и отцами, которые могут остаться сиротами. Это не игрушки, а человеческие жизни.

И всё это делают люди, возомнившие, что они имеют право на вершение судеб. Возомнившие, что они ближе к богу и их дело правое, а мы, обычные – просто грязь.

– Используем слезоточивый. Заходить будем сбоку второго этажа. Первая и вторая группы, разделяться на входе, вот здесь. – Гвоздь уверенно указывает пальцем на часть плана здания. – Сора осмотрит это помещение, если там никого, то проходим тут. Север, задача твоего отделения разведать обстановку на третьем этаже. Огонь только при необходимости. Вопросы? Вопросов нет.

Вдохнул и тут же почувствовал хлопок поддержки по плечу от Дема. Вот уж кто в такой момент больше всех нас вместе взятых нервничает. Нюта, наверное, с ума там сходит, не имея возможности дозвониться.

– Готовы? Помолчим, – традиционно произнёс командир.

Не знаю, откуда это повелось, но перед началом операции мы всегда так. Помолчать, посмотреть друг другу в глаза и запомнить этот момент. Пообещать самому себе, что каждый из нас вернётся с задачи живым. А ещё подумать о тех, кто ждёт дома. Вот только в мыслях скользнуло не то лицо. Взгляд сам нашел напряженную фигуру на капоте чужого авто. Лиза о чём-то тихо беседовала с Арестовым, смотрела на него изумлённо, а сам Арестов привычно усмехался.

К нам перетаскивает?

Неожиданно сам вспомнил, как сидел на лавочке, попивая безалкогольное пиво в парке через месяц после смерти Женьки. Он подошел бесшумно, сел рядом и тихо поздоровался. Я тогда ещё подумал, что он из тех людей, которых нужно опасаться, потому что хитрости ему не занимать.

И да, оказался прав. Арестов не стал рассказывать, кем являлся в действительности, а начал издавека, заведомо зная, что получит «да» на свой вопрос. Обставил меня, как чёртов гроссмейстер младенца, зажал, а после вынудил принять самое важное решение.

«Я понимаю, что ты был прав. Любой из наших поймёт. Вот только отказ не в твою пользу. Срок или служба?»

А на моё молчание лишь усмехнулся и похлопал по плечу.

«Дам неделю на подумать. Мой совет: не надо бежать»

Через неделю ровно на том же месте я сказал своё «служба». Думаю, если бы не Женька всё сложилось бы совершенно

но иначе. Кто ж знал, во что меня втянет его молчание. Наверное, я и сейчас бы продолжал относительно спокойно работать в ФСКН до самого его расформирования.

Ещё раз взглянул на потрясённую девушку и усмехнулся, вспомнив расквашенный нос мужика, на которого, разве что, слепой не смотрел.

Всё-таки, силушка у неё богатырская, несмотря даже на хрупкость рук. Вспомнил маленькую ладонь в своей руке и споткнулся на собственных мыслях. Сердце, кажется, тормознуло на мгновение, не позволяя спокойно вдохнуть. Хуже было только, когда она мне в глаза смотрела в начале этой ночи. Думал, вообще сгорю до самого основания, не оставив под собой даже намёка на пепел. До самой души ведь пробрало. Сначала подумал, что узнала. По глазам узнала, а потом понял, что нет. Просто зацепило что-то.

Не ходи к нам, Лиза. Живи себе спокойно, работая в рядах сотрудников полиции, и не думай ни о чём, что может привести тебя в ЦСН. Этот ад не для тебя, малыш. Этот ад для тех, кто серьёзно накосячил в собственной жизни. Для тех, кому даже сама смерть не причина для невыхода на работу.

– На позиции! – раздаётся команда, и я срабатываю на автоматизме, забывая обо всём на свете.

Наша задача первостепенна, потом уже всё остальное.

Наверное, в жизни каждого есть моменты, когда страх превозобладает над разумом. У кого-то он длится всего

лишь миг, у кого-то невообразимо затянувшиеся секунды, у кого-то бесконечно долгие минуты. Глядя, на тех людей, что уже успели вывести, я понимала, что для них это были целые часы нескончаемого ада, где приходилось бороться с собственными чувствами и не скатиться в истерику.

Я сравнивала себя и их, и не понимала, почему так колотит. Ранее, присутствуя на задержаниях, когда вот так же работали и с ЦСН, и с нашим спецназом, я ничего подобного не испытывала. Как-то не доводилось переживать о ребятах, которых видела только в глаза. В основе своей мы не входим внутрь, пока не уверимся в том, что там безопасно. И сейчас не войдём, пока они не прочешут там каждый закуток, каждую дырку, в которой может быть один из террористов.

Я ждала. Ждала с замиранием сердца, когда начнут выводить тех, кто даже тюремного срока не достоин. Только смертной казни, на которую у нас, к сожалению, введён мораторий. Нет, это вовсе не значит, что они проживут дольше. Это значит, что смерть для них будет более мучительной. А ещё я знаю, что выведут не всех «духов», большинство так и останутся лежать на полу торгового центра. Потому что даже такие ребята из спецназа не могут оставаться безучастными к тем, кто пострадал от этих нелюдей. Оставят самые ценные «кадры», остальных никто не пощадит.

Вздрогнула, когда боец в чёрной форме повёл первого задержанного. Выдохнула, успокаиваясь. Раненых среди сотрудников нет. Иначе бы в числе первых вывели, только по-

том террористов.

– Работаем! – рявкнул кто-то вдали от нас с Женькой.

И сразу захлопали двери машин, вперёд выдвинулись все прочие службы. Задержанного боевика перехватили на полпути и запихнули в чёрный фургон, уложив лицом в пол.

Боец же вернулся в торговый центр за следующим. Их так и будут выводить по одному в целях безопасности. И только после этого позволят войти спецам и криминалистам, в числе которых будем мы с Женькой.

В итоге живых террористов я насчитала семь человек. Когда Ваклонский дал отмашку, было уже совсем светло, но всё так же тихо. Задумчиво оглядывая окрестности, я неожиданно подумала, что требований от них так и не было. Вспомнила убитую Селезнёву и мужскую запонку под столом. А что, если Видимый был не просто посредником, а главным фигурантом? Что, если происходящее срежиссировано по его задумке? Устранить Селезнёву, как главного свидетеля, который видел его в лицо, и пустить пыль в глаза правоохранительным органам, чтобы провернуть другое дело.

Я цепко ухватилась за мысль, что это мог быть отвлекающий манёвр при подготовке к чему-то более крупномасштабному. На войне все средства хороши, а в случае с нашей не очень хорошей обстановкой в стране, всё может быть.

– Виноградова, чего замерла? – окликнул Женька, хватая папку из машины. – Пойдём, осмотрим там всё, затем нужно опросить очевидцев.

У меня на этот счёт были другие мысли. Поэтому, достав мобильный и убедившись, что связь дали, я последовала за Прокопенко, попутно набирая номера дежурных частей. Нужно было проверить, не случилось ли чего подозрительного, пока практически весь город был парализован.

Если моя догадка подтвердится у всех нас могут возникнуть большие неприятности.

Единственный раз, когда я был в состоянии близкому к нервному срыву, был именно сегодня. Обычно без проблем выпадаешь в какое-то подобие транса и двигаешься на голых инстинктах. Нет мыслей в голове, нет страхов и сомнений. Перед глазами всё здание, как на ладони, и ты двигаешься без проблем, абсолютно позабыв о том, что происходит снаружи текущего события. Есть только этот момент. Только этот кусок, в котором ты ведёшь борьбу на выживание. Пан, либо пропал.

Но в этот раз всё было совершенно по-другому. Мысли, как шальные пули простреливали и без того больную голову.

«Что, если кто-то прорвётся к оцеплению?», «Что, если он будет с бомбой?», «Что, если в этом случае она пострадает?».

Сердце билось не в плавный равномерный ритм, а вздрагивало от каждой подобной мысли. Обзор в бронированное стекло щита довольно маленький, нужно быть полностью сосредоточенным на том, что происходит вокруг. Я отвлёкся. Именно поэтому принял на ВАНТ первую пулю. Благо

Каст среагировал достаточно быстро, сунув дуло винтореза над щитом и поразил цель. «Дух» упал изломанной куклой. О том, что признаков жизни не будет, было известно из-за сквозного отверстия в голове. Каст среди нас был лучшим стрелком, поэтому с винторезом на расстоянии пятисот метров пробьёт двухрублёвую монету, не особо присматриваясь в прицел.

Качнул головой и вернулся в настоящее, где передо мной на полу лежали оставшиеся в живых террористы. Убитых среди заложников было трое. Две женщины и парнишка. Пожалуй, за одно только это мы положили почти всех, кроме «старших». Ещё предстояло выяснить, кто ими руководил и для каких целей они тянули время с требованием.

Только когда Сокол начал выводить преступников, я стал приходить в себя. Ведь группу чуть не подставил. Заметь нас этот дух первым, поднял бы шум, непременно привлекая внимание своих соратников. И что-то меня это дико гнобило, несмотря на то что братва уже неоднократно без слов поддержала. Перед Демоном особенно стрёмно. Случись чего и...

– Не гони, Сор, – толкнул плечом Стас. – Меня сейчас совсем другое беспокоит. Зная Аню, она и сбежать может.

– Догоним, – хмыкаю я. – В конце концов, от группы «А» ещё никто не уходил.

– И то верно, – улыбается Дем глазами.

Повезло ему. Мне остаётся только по-доброму завидо-

вать тому, что он может позволить устроить себе счастливую жизнь, несмотря ни на что.

В здание уже вошли кинологи с собаками, когда мы стали собираться. Гвоздь осмотрел всех на предмет ранений, произвели ревизию вооружения, подобрали свои гильзы, особо не мешая другим работать. Я уже ни о чём не думал. Хотелось вернуться на базу, принять душ и поехать домой, чтобы переодеться и явиться в ЗАГС на свадьбу к Стасу. Отдыхать сегодня предстоит весело, поэтому об усталости придётся забыть.

– Возвращаемся! – скомандовал Гвоздь, и мы все двинулись к выходу, таща вооружение, каждый думая о чём-то своём.

Я бы, наверное, даже не заметил её, если бы она не замерла в дверях с телефоном в руках. Растрёпанная, перепуганная и такая мелкая в сравнении со мной. А взгляд... взгляд пожирает. Меня. Я всё так же в балаклаве и шлеме, но она неведомым образом одного меня выделяет из толпы уже второй раз.

– Алло! Ярый, чё у неё с телефоном? Как вышла? Хорошо. Скажи, что едем уже. Нормально всё, Ярч, целые.

Демон сбросил вызов и сунул мобильник в карман разгрузки. Взгляд нервный, мечется.

– Сёг, давай побыстрее, а? Ну очень прошу!

– Я и так превышаю, Дем, – отозвался водитель, махнув ему рукой.

Усмехнулся, глянув, как фургон подрезает кого-то на дороге. Нехило так мотнуло, ладно за спинку сиденья успел схватиться. Так бы и головой приложился о заднюю дверь.

– Да ладно тебе, всё равно опоздали, – подкалывает Каст, а Волк даёт тому подзатыльник.

За дальнейшим уже не следил, вытаскивая собственный смартфон из разгрузки. На дисплее висел вертящийся конвертик от Тани.

«Вы скоро?»

Перед глазами, словно вспышкой пронеслось воспоминание о том, как девушка замерла в дверях с зажатым телефоном в руке. Сердце вновь дрогнуло, непроизвольно вдохнул саднящим горлом, а пальцы сжались, будто сами по себе.

Что ж такое? Аж до ломоты в костях от одного только воспоминания об этом взгляде.

«Едем, Танюш. Как себя чувствуешь?»

Спрашиваю, потому что не спала всю ночь. Переживала. Когда позвонил, разревелась в трубку, еле успокоил. Только вот, о её состоянии в действительности думал не в первую очередь, за что сам себя корю, чувствуя себя мразью конченной.

Надо же было тебе, Виноградова, снова появиться передо мной. Такой уставшей, напуганной и растрёпанной, что места себе до сих пор не нахожу. Я ведь даже мимо проходить не хотел. Так бы и стоял, как придурок, глядя в ответ на полный какой-то странной звериной эмоции взгляд, если бы Гвоздь не пихнул. Страшно подумать о том, что я с ней сотворю, если останемся наедине хотя бы раз будучи так же пьян, как и несколько дней назад. У меня же контроль в таком состоянии ни к чёрту, я же...

«Сносно. Всё ещё потряхивает. Вышла воздухом подышать. Тут невеста сбежала, за ней Ярыч погнался»

Выдохнул, отведя взгляд от дисплея в тот момент, когда у Демона затрезвонил мобильный.

– Да, Ярый. Что?! На какой, нахрен, маршрутке, Ярыч?! – заорал Стас, от чего все присутствующие дружно напряглись. – Сёг, желтая маршрутка по проспекту мира. Ярыч, номер запомнил? Да не маршрута, а машины! Понял. Не расходитесь, скоро приедем.

– Вот за невестами мы ещё не гонялись, – усмехнулся Гвоздь, крепко вцепившись в поручень. – Да, Дем. Кукла твоя, конечно, та ещё штучка.

Демон не ответил. Собственно, тут и нечего отвечать. Нюта у него действительно неповторимая в своём роде. Другой такой я никогда не видел. И даже жаль, что её так жизнь попинала. Стас недавно за стаканом вискаря рассказывал, что папаша у неё какая-то важная шишка в городе, способная создать нехилые неприятности. И, вроде как, его свадьба дочери категорически не устраивает, несмотря на то что Нюта уже давно не считает его своим отцом. У Демона есть вполне обоснованные опасения, что тот может воспрепятствовать заключению брака. Как бы не вылезло чего на этом фоне, мы люди-то не гордые. Даже важной шишке в морду дать не пожалеем, если напросится.

Другое дело, что проблему это не устранил. А Стас, он ведь, по-своему всё привык решать. Достойных мерзавцев при желании можно и из страны выжать, и со свету сжить, если уж совсем будут упираться. Опасных врагов на нашей территории быть не должно. Это касается не только службы, но и личной жизни.

Через пару минут, водитель по имени Сёг, уже довольно давно возящий наши зады по всем горячим, и не только, точкам, с пренепритнейшим визгом тормозов подрезал нужную маршрутку.

Мы все дружно высыпали, глядя в лобовое стекло, где замер водитель. Демон не стал ждать, открыл дверь и потребовал выйти Нютку на выход. Та видимо заупиралась, после чего он полез за ней сам.

– Ох и натерпится она с ним, – усмехнулся Гвоздь.

– Главное, чтобы не наоборот.

– Наоборот было бы весьма странно, – заметил, покосившись на Волка. Сам же подумал, что вот с Лизой Виноградовой быстрее поседел бы я.

– Зато весело, – ответил тот.

Все представили себе бедного Демона с его Куклой и дружно заржали, когда он на плече вытащил ту из «газели». С такой работой никаких нервов не хватит, а тут ещё и баба капризная.

– Поехали! – хохотнул виновник пробки на дороге и внёс свою добычу в наш фургон.

Ехали молча, стараясь не глазеть на зарёванную невесту. Все понимали причину её слёз, но заверить в том, что всё будет в порядке, никто не мог. Работа такая. Сегодня ты целый и радуешься жизни, а завтра тебе заказывают цинковый гроб из Чечни или ещё откуда.

До ЗАГСа добрались за считанные минуты. Сёг остановил машину прямо у входа, чтобы с «фанфарами» проводить молодоженов до дверей царства, где заключаются браки.

Я ещё через окно увидел Таню, одетую ярко-желтое платье. Красивая, стройная, высокая. Вот ну чего ещё тебе, Стагаров, надо, а? Хороша же баба. И любит, и холит, и лелеет, даже твой изъян ей не помеха. А ты? Придурок ты, Стагаров. Как есть придурок.

Как только вылез из машины замер. Таня разглядывала

нас, но не узнавала меня в балаклаве. Невольно вспомнил пронзительный взгляд, который дважды обнаруживал на себе. Не бродящий между пацанами, а пристально следящий за мной. Конечно, оперативница натасканная, может вычислять людей по манере поведения, походке, взгляду... но мне что-то подсказывало, что дело далеко не в этом.

– Тань! – махнул я рукой, на что та стремительно сбежала по ступеням и влетела в мои объятия.

– Живой!

– Конечно, живой, Танюш. Что со мной сделается-то?

Невозможно ломило виски. Тупая боль буквально растеклась по мозгам, не позволяя нормально сосредоточиться на работе, и я уже не впервые их растираю. Отвратительное чувство, а самое стрёмное, что мне даже обезболивающее не помогает.

Твою ж мать. Я уже всю голову сломала над этим делом. В дежурках ничего не засекли, результаты допроса террористов тоже нулевые. Молчат, как рыбы, мать их за ногу.

Вздыхнула и откинулась на спинку стула. Что же такое меня мучит всё это время? Неясное чувство какой-то упущенной детали. Будто перед носом, а не вижу.

Селезнёву убили, запонка под столом, оружие для наркоторговцев, Видимый, которого никто не видел, захват торгово-развлекательного комплекса и невыдвижение требований на протяжении всей ночи.

Как связать несвязуемое и впихнуть невпихуемое? Как отрыть нужную ниточку, чтобы потянуть за неё и вытащить рыбку навверняка? Только шерстить окружение самой Селезнёвой и мутить воду, что неминуемо приведёт к тому, что Видимый заляжет на дно.

Вздохнула.

Нет, я сейчас вообще не в состоянии что-либо осмысливать. Голова не работает от слова «совсем».

– Прокопенко, – сморщившись, позвала я.

– М?

– Мне надо выпить, Прокопенко. Иначе рискую взорваться головой и забрызгать всех присутствующих собственными мозгами.

Вся группа недоумённо обернулась. На меня смотрели, как на второе пришествие Христа. Ну, да. Моя светлость пьёт редко, но... но в яблочко, в общем.

– Виноградова, а ты часом не охренела? – изумлённо вопрошает Потапов, сгребая со стола папки с делами.

Вздохнула и, оттолкнувшись ногами, крутанулась в кресле.

– Охренела, Серж. Так охренела, что тошно уже от самой себя.

Ну, нет во мне сил даже, чтобы с этим козлом препираться. И меня, между прочим, можно понять. Я не ходила домой отсыпаться, в отличие от некоторых. Мы с Женькой тут перепахали всё, чего только нарыть успели в отсутствии осталь-

ных. Ваклонский нас тут трёхэтажным матом покрыл, пока гоняли туда-сюда по коридорам, а дежурный уже тысячу раз проклял всеми карами небесными. Мы, видите ли, кипишь в его царстве навели.

Я повернулась к Женьке и посмотрела на него с мольбой.

– Ладно, – сжалился мой вечный друг. – Но в этом месяце ты последний раз пьёшь, Лиза. Меня прошлое твое приключение «порадовало», – поморщился он, и демонстративно потёр фингал под глазом, оставленный на прощание неизвестным.

Я радостно кивнула, поднялась из кресла и уже схватила мастерку, как мой новенький смартфон тренькнул сообщением. Со здоровым любопытством и паршивой головной болью открыла конвертик, увидев сообщение весьма странного содержания.

«Лиз, тебя тут какой-то мужик спрашивал»

Нахмурилась, размышляя над этим уведомлением.

Сообщение от Лёсика вещь вполне нормальная, учитывая, что мы его постоянные клиенты в «Причале». Ходим только к нему, пьём только дорогой вискарик, да и чаевые оставляем всегда. Женька на бабки никогда не скупится, он у нас мальчик, воспитанный в достатке. В общем, когда что-то не так, Лёсик всегда даёт знать. Хотя это явление крайне редкое и со мной обычно никак не связанное.

«Запомнил?» – пишу в ответ.

«Ну, так. У нас тут свадебный аврал, мы все в мыле, по-

этому как-то не особо. Высокий, тёмный, глаза светлые, чок. Лет тридцать»

В голове, словно по щелчку пальцев, всплыл будоражащий душу взгляд, но я прогнала это видение, потрянув головой. Что ещё за бредовые мысли? Откуда эта наивная мечтательность, мне не присущая?

«А что спросил-то?»

«Спрашивал, как часто бываешь здесь. Ответил, что не знаю такую»

– Ты чего застыла? – вмешался Прокопенко в ход переписки. – Пошли уже, мне Яну ещё забирать с работы.

– Ща, погоди, Жень, – отмахнулась я, продолжая тапать по сенсору.

«Фотку что ли показывал?»

«Нет, имя и фамилию назвал»

Вот дела. А кто у нас такой отважный, что сотрудников уголовного розыска по барам ищет? Причём, я действительно не догадывалась, кто такой бессмертный. Если кто-то из знакомых, так они и позвонить могут...

И тут до меня, как до утки доходить начало. Старый смартфон был у Аргена. Я заблокировала его удалённо, но где гарантии, что он не мог его взломать?

Зажмурилась от накатившей головной боли.

Тогда нахрена ему искать меня в «Причале», если там можно и домашний адрес пробить. Что-то херня какая-то получается, товарищ Виноградова.

– Ладно, погнали, – бросаю я в ответ на удивлённый взгляд Прокопенко.

Хорошо, если этот чувак ещё там. Тогда бы и разобраться с ним на месте. Но что-то мне подсказывает, что госпожа Фортуна не сделает такого подарка моей светлости, какими бы благами я её не задабривала.

Я обернулась и посмотрела на Потапова. Именно у него сегодня было дежурство, а зная его вредную натуру, лучше в сотый раз повторить:

– Серж, если вдруг что всплывёт по нашему делу – звони. Не делай из себя героя, иначе рискуешь опять быть битым.

Мужчина равнодушно посмотрел на меня и усмехнулся.

– Да ты всё равно пьяная будешь, – бросил в ответ, перебирая бумаги на своём столе. – Проходили уже.

Я задумчиво поджала губы и согласно кивнула, принимая ответ. Что верно, то верно. Без крепкого вискарика, притупляющего головную боль, сегодня не обойдётся – факт. Может на границе пьяного угара, в мою голову придёт светлая мысль? Нет, ну всякое же бывает?

Я вышла следом за Прокопенко, который уже нетерпеливо вздыхал. И не столько ему ждать надоело, сколько хотелось поскорее меня напоить и добраться до своего Янусика.

Эх, завидую я им. Встретились же два вечных одиночества. Женька всегда бабником быть изволил. Столько девок перепортил на районе, аж вспомнить страшно. Страшно, потому что, именно мне доставалась роль жестокой конкурент-

ки, кому принадлежало сердце, почки, печень и прочие внутренности Прокопенко. Я иногда подозреваю, что дружил он со мной только с той целью, чтобы от тех самых девок отбиться, что выставляли у его дома чуть ли не почётный караул.

Яна же у нас, мягко говоря, девушка тихая, робкая и к ночной жизни, в отличие от нас с Женькой, не приученная. Сестёр нет, подружек нет, парня нет. Внешне забитая серая мышка из не самой благополучной семьи, за что, к слову, сразу же получила моё одобрение, как избранницы лучшего друга. Как они столкнулись, уму непостижимо. А уж, как он нас знакомил, так это вообще отдельный разговор. Женька с ней меня десятой дорогой обходил, не дай бог ещё приревную.

Пф. Я и ревность, ага. Сам потом долго ржал, когда я ему рассказывала, как от подружек его пятыми дворами бегала. Потому что ревнивые бабы, они ведь, дуры. Ещё в лицо или в волосы вцепятся, а я же не робкого десятка особа, могу и в морду дать. Я ж, как настоящий мужик, женщин не бью, да. Не, ну, было дело, в школе пару раз за волосы хватались из-за того же Прокопенко, но я там малая совсем была, приёмам самообороны ещё не обученная, а за себя же надо постоять.

В общем, раньше с Женькой было как-то веселее. Сейчас он чуть, что так сразу к Янусику своему. Мне сразу как-то одиноко от этого делается, ведь подруг у меня нет. Мне Прокопенко их заменил, как родных маму и отца. Это странно,

но кажется, я сама того не замечая, сделала его чуть ли ни центром своей вселенной. Он мне, как брат родной.

– Чего задумалась? – вырвал родной голос из весёлых мыслей.

Кажется, что за всю дорогу я и слова не проронила. Мы уже подъезжали к «Причалу».

– Да голова гудит, – поморщилась я.

– Опять мигрени?

– Просто не выспалась, да и думаю над смертью Селезнёвой много. Что-то мне покоя не даёт.

Друг не ответил. Глубоко вздохнув, он припарковал свою старенькую тойоту и, развернувшись всем корпусом, внимательно посмотрел на меня.

– Что? – не выдержала я пристального взгляда.

– Виноградова, а тебе не кажется, что ты как-то затянула со своим одиночеством?

Моё лицо вытянулось от удивления.

– Чего?

Прокопенко смущенно хмыкнул, отведя взгляд в сторону и очень неуверенно продолжил:

– Лиз, мы с тобой со школы дружим. Я знаю, что ты девушка достаточно самостоятельная и к мужикам относишься с большой осторожностью. А так же, понимаю, что ты сама вольна выбирать и делаешь всё, чтобы оттолкнуть...

– Короче, Женя! – недовольно буркнула я, скрестив руки на груди.

– Короче, Мелкая, тебе мужика надо. Ты же никогда ни с кем не встречалась. Я ни разу не видел рядом с тобой кого-то, с кем ты могла бы заниматься... – он замялся под моим скептическим взглядом.

– Ну продолжай-продолжай. Чем заниматься?

– Сексом, – нахмурился Женёк. – Не ради удовольствия, а здоровья для. Ты вообще этим хоть когда-нибудь занималась? У тебя же не было никого, кроме того придурка, что принёс тебя спящую под утро.

Я почувствовала невероятное ощущение, которое уже давно не испытывала. Со мной такое со школы не происходило, а тут. Боже, как девчонку какую, ей богу.

– Хочешь предложить свою кандидатуру? – пылая от стыда, насмешливо поинтересовалась я.

– Иди к чёрту, Виноградова, – фыркнул парень. – Думай, что говоришь, это же всё равно что, с братом переспать. Фу!

Я хохотнула и похлопала себя по щекам.

– А базарить на такие темы с братом, нормально значит.

– Я, между прочим, о твоём здоровье беспокоюсь. У меня, вон, Янка тоже постоянно на головные боли жалуется. После секса, как рукой снимает, – Женёк сопроводил данное изречение жестом, обозначающим «штиль», чем окончательно меня смутил.

– Да тьфу на тебя, – притворно плюнула я в его сторону и открыла дверцу машины. – Давай, мы личную жизнь друг друга не будем обсуждать. Мне, знаешь ли, не по себе ста-

новится.

Его ответ я не услышала, поскольку захлопнула дверь авто и уставилась на привычную толпу у входа, после чего не дожидаясь двинулась вперёд, надеясь найти Лёсика и того бессмертного, что обо мне спрашивал.

Уже на входе я почувствовала неладное. Пристальный взгляд, который заставил остановиться. Я оглядела присутствующих и неожиданно наткнулась на прищуренный пьяный взор блондина, что буквально дыру во мне сверлил. Вздёрнула бровь, интересуясь, в чём дело, но тот только поморщился в ответ, как от зубной боли и отвернулся. В тот момент я увидела гипс на его руке. Странное дело, но этого парня я совершенно не помню. Не то, чтобы у меня была феноменальная память, но я не жалуясь.

– Лиз? – позвал Прокопенко. – Слушай, твоё поведение в последнее время меня настораживает. То ты нелогично замираешь посреди дороги, то неожиданно выпить хочешь, хотя это дело терпеть не можешь, а ты, случаем, не...

Я отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

– У беременности другие симптомы, Жень.

– Правда, что ли? – заржал этот тип, но, слава богу, заткнулся, наткнувшись на мой многообещающий взгляд.

Я юркнула внутрь, пропуская целую ораву пьяных парней. Кажется, в «Причале» сегодня действительно тесно. Мы с Женькой сразу направились к бару, где мелькала светлая макушка Лёсика. Тот, увидев нас лишь приветственно махнул

рукой, достал телефон, а после умчался в неизвестном направлении, оставив нас на попечении своего нового сменщика Саши.

– Что пить будете? – прокричал бармен, перебивая громкую музыку.

– Олд палтни! – каркает Прокопенко

– Двенадцать?

– Двадцать один.

Я забралась на высокий стул и хмуро оглядела зал, сама не зная, что хочу там увидеть. После встречи с тем парнем на улице, меня не покидало странное ощущение. Сердце билось быстрее, а внутри царила странная дрожь, которую я ничем не могла объяснить. Похоже, моя паранойя набирает обороты. К психиатру, что ли, сходить?

– Виноградова, давай за тебя, что ли? Чтобы в последний раз в этом месяце меня сюда тащила! Я тебя пьяную не люблю, сама знаешь.

Я усмехнулась и чокнулась с ним стаканами, в которых сверкали кубики льда.

Прокопенко откровенно врал. Пьяную меня он просто обожал, о чём с удовольствием пару раз трепался, когда я объявляла для своей светлости сухой закон.

– А как же: «Виноградова, тебя пьяную только тискать!» – подколола я и пригубила холодную, обжигающую жидкость. – Или всё? Любовь исчезла, как дело Шакро Молодого?

– Ага, – усмехнулся тот в ответ. – Днём с огнём не сы-

щешь. Ты мне лучше расскажи, что тебя так беспокоит в деле Селезнёвой?

Я поморщилась, вспомнив убитую девушку. Не хотелось мне сейчас думать о работе, да и головная боль всё ещё наличествовала.

– Запонка эта, – вспомнила я утерянную подозреваемым вещь. – Она мне знакомой показалась, но я точно не видела её раньше. Будто–что-то похожее...

– Виноградова, по-моему, ты сильно заморачиваешься. Сколько мужиков у нас по управлению в костюмах ходит? А сколько запонок у них? Вот и подумай, могут быть просто похожие, учитывая, что они практически всегда по одному образу и подобию делаются.

И я задумалась, сразу отменяя версию Женьки прочь, потому что был один очевидный факт, почему не могла я видеть такие в управлении. Она дорогая. Драгоценный камень и золото. Я в этом немного разбиралась, мне не раз раньше доводилось видеть драгоценности высшего качества, которые стали причиной убийства.

– Не, Женёк. Экспертиза, наверняка, покажет, что запонки баснословно дорогие, а значит, в управлении мелькать не могли.

Прокопенко посмотрел на меня, как на дуру, но промолчал, зная, что я не оценю его вмешательство.

– В любом случае, тебе нужно передохнуть сейчас, а завтра ещё раз хорошенько поразмышлять над тем, где ты мог-

ла их видеть.

«Да не их», – подумала я, снова поморщившись.

– Где, блин, Лёсика носит?

Прокопенко безразлично пожал плечами и проглотил остатки своего вискарика. Поставил стакан на барную стойку и кивнул бармену, чтобы повторил. Я же в это время за чем-то разглядывала бушующую на танцполе толпу. Сегодня и впрямь было тесно.

Меня беспокоило, что время уходит, наверное, именно поэтому не высидела. Проглотила остатки из своего стакана и поднялась.

– Я пойду Лёсика поищу, – перекрычала музыку я.

Женька одарил меня скептическим взглядом, но посмотрев на мой стакан спокойно кивнул. Мне одного мало, чтобы потеряться в клубе. Минимум два. Три, и я совсем неадекватна буду.

Нырнув в толпу, я продиралась вперёд, как сквозь тернии. Меня постоянно кто-то хватал за руки и пытался утянуть в танец. Только и успевала отпихивать наглые конечности. С трудом добравшись до лестницы, ведущей на второй этаж, я взбежала по ступенькам, прошла по коридору и замерла возле перил. Отсюда прекрасно было видно весь зал и часть второго этажа, где можно было разглядеть невесту в белом платье. Маленькая блондинка была надёжно спрятана в крепких объятиях своего мужа. Стараясь не пялиться в их сторону, я оглядела доступную взгляду территорию, но Лёсика видно

не было нигде.

Вот и куда он, блин, пропал в такой ответственный момент, а?

Попытка дозвониться тоже не принесла успеха. Я постояла ещё несколько минут, стуча пальцами по перилам и разглядывая светлые макушки в разноцветных всполохах прожекторов, и тихо ругалась на утраченное время.

Мне до зуда в одном месте было важно знать, что за тип обо мне спрашивал. От этого зависело моё спокойствие.

Так и не обнаружив пропажу, я-таки решила вернуться к Прокопенко. С ним оно и спокойнее всегда. И всё было бы здорово, если бы на лестнице столкнулась с мужиком, что на улице одарил меня гневным взглядом. И шёл не один. И даже не вдвоём. Целая толпа. Но вот остановился именно он. Пьяно усмехнулся и выдал:

– А вот и причина всех моих несчастий! Женщина, вы вообще в курсе, что сломали мне целый месяц жизни?!

Я недоумённо уставилась на него, посмотрела на гипс, а потом до меня медленно дошло.

– Ярый?

– О! Это же Виноградова! – гоготнул кто-то за его спиной. – Вот так встреча! Ярыч, если это не твоя судьба, то я прапор в пачке!

Ярый явно был с этим не согласен. Он придиричиво рассматривал моё лицо и опустил взгляд ниже, после чего скривил губы в подобии усмешки и очевидно не согласился.

– Не-а, – ещё и головой покачал. – Я красивых баб люблю. Чтобы формы пышные, – полуобернувшись к мужикам, продемонстрировал руками размер женской груди. Мне от чего-то сразу хотелось прикрыть свой родной второй. – А это?

Сам Ярый был очень красивым. Такие обычно заядлыми бабниками становятся, потребляя женские сердца без разбору и с особым рвением. И самое больное место у них – это...

– Да сдался ты мне триста лет, – фыркнула, сложив руки на маленькой груди. – Слабаков мне ещё в любовниках не хватало.

Боец стремительно разворачивается к моей светлости и щурит глаза, будто внимательно хочет рассмотреть каждое слово, которое сорвётся с моих губ.

– Что?

– Дай, говорю, пройти, калека. Меня муж ждёт.

Ярыч аж поперхнулся от пьяного возмущения, правда в тот момент, когда я под дружный мужской гогот пихнула его в плечо, вынудив отодвинуться и пропустить.

Зачем брякнула про мужа... Ну, потому что задетое самолюбие бабника рождает азарт, а устойчиво стоящий соперник для таких, как он – это повод не влезать в заведомо проигранную драку.

Вернувшись к Прокопенко, я села на своё место и скривилась на вопросительный взгляд.

– Не нашла?

Качнула головой и взяла уже наполненный стакан с куби-

ками льда. Голова всё ещё гудела, но уже не так. Да и этот их Ярыч позабавил. Надо же таким придурком уродиться.

Чёрт, как же здесь душно. Надо бы выйти подышать, а то даже музыка уже на мозг давит. Хмуро оглядываюсь по сторонам, отмечая, что все уже изрядно пьяны и принимаю решение забрать отсюда Таню. Нечего ей делать в такой компании.

– Домой поедем?

Она вскидывает на меня искрящийся взгляд и улыбается.

– Уже?

Обхватываю мягкую ладонь и всматриваюсь в тонкий ободок золотого кольца, который ей когда-то подарил брат с целью сделать предложение. Она его не снимает по той причине, что, кроме фото, это единственная вещь, которая досталась от него. И, несмотря на то что она не собиралась принимать его предложение, всё равно носит кольцо. Знает, что во мне это не вызовет ревности.

– Лучше сейчас. Позже они будут совершенно невменяемы. Чудить начнут.

– Да брось, тут так весело, – смеётся она. – Атмосфера доброжелательная. Смотри, – Таня кивает в сторону уже мужа и жены, где Ярый пытается что-то изобразить гипсом, а Каст при этом пихает его в бок, стараясь уgomонить бойца.

– Да ну их, – хмыкнул я, переложил её ладонь в другую руку и приобнял за плечи. – Ярый сейчас разойдётся и бу-

дет себе жену по клубу искать. И думается мне, что вон ту особу окучивать станет, – кивнул я на девушку за дальним столиком. – За что будет бит Волком, потому что тот её уже «ухаживает».

Таня звонко рассмеялась, а после уткнулась в моё плечо.

– Какие же вы все...

– Бабники? – усмехнулся я.

– Интересные, – не согласилась она, поднимая на меня взгляд. – Давай, я поеду, а ты оставайся. Думаю, Стас не обрадуется, если ты в такой день в семь вечера сбежишь. Да и мне нужно отдохнуть, голова немного кружится.

Нахмурился, пытаюсь допереть, чего она хочет таким образом добиться.

– Что это ещё за новость? Нет, Тань. Домой. Вместе.

Посмотрела с сомнением на новобрачных, но кивнула. Я тут же поднялся со своего стула, придерживая Таню, и мы направились к Стасу с Нюткой, чтобы сказать, что уезжаем.

Демон, увидев нас вскинул бровь, ему и говорить не пришлось, а вот с Нютой пришлось прощаться.

– Мы поехали, – пожал руку Стаса. – Таня чувствует себя неважно.

– Сора, вы охренели?! – возмутился Ярыч. – Тань, скажи ему! Кто братву в такой день кидает?

Таня растеряно пожала плечами.

– Ну, я говорила. Он не хочет оставаться.

– Сора, шмеля тебе в ухо! Тебе даже жена говорит, что

так нельзя!

«Жена» опустила взгляд, стараясь не подать виду, что заметила оплошность Ярыча. Мне сделалось как-то не по себе, поэтому бросил на него многообещающий взгляд. Честно говоря, я пока даже не думал звать Таню замуж. Нам, вроде бы, и без этого хорошо вместе. К чему лишние траты, когда мы и так все сбережения потратили на моё лечение, а те, что сейчас зарабатываем, откладываем на покупку частного дома в хорошем районе.

– Слав, оставайтесь, – мягко ложится ладонь Нюты на мой локоть. – Ну, правда, такой день. Когда вы теперь так соберётесь?

– Что значит «когда»? – усмехается её муж, обнимая девушку за плечи. – В день, когда у нас родится дочь.

– В другой раз обяза... – начал было я, но Таня перебила нежным:

– Оставайся, Слав, правда. Погужбаните, да вернёшься к утру. Завтра нам никуда не надо, передохнём.

– И ты тоже, Тань, – настаивает Нюта, но Таня непреклонно качает головой.

– Нет, я с тобой поеду, – хмурюсь я.

Не нравится мне что-то в её взгляде. Таня тянется к моему уху и тихо говорит:

– Любимый, просто вызови мне такси и оставайся. Мне нужно немного побыть одной.

Слова, которые произносятся ею пару раз в месяц. Я точ-

но знаю, что она подразумевает, поэтому киваю.

– Я отвезу тебя на такси и вернусь.

Она не против. Улыбается мило Ярычу, когда тот одобритительно выпячивает большие пальцы вверх.

Мужики берутся нас провожать до машины, когда та приезжает. Усадил Таню, обнял за плечи, а когда таксист тронулся, увидел знакомую старенькую тойоту, из которой вылезла она. Хмурая, напряженная, но в свете фонаря я отчетливо видел красноту на щеках. Смущена? Зла?

Сердце непослушно сорвалось в маршбросок и я уткнулся в макушку своей «жены», чтобы как-то его унять.

Твою мать, Виноградова! Почему именно сегодня тебе нужно было прийти сюда?! Почему не в другой день, когда меня здесь уже точно не будет?

– Отдохни хорошо, ладно? – просит Таня, поглаживая меня по руке, что обнимала её плечи. – С ребятами ещё не скоро встретитесь, поэтому не ограничивай себя. Ты так редко отдыхаешь, что я боюсь, как бы не стресс, виной тому, что у нас ничего не получается.

Усмехнулся в светлую макушку и спросил:

– Хочешь, чтобы я напился?

– Хочу, – кивает она. – Несмотря на то, что это бредово звучит, но оно иногда полезно для спермото...

– Не продолжай, – поморщился я. – Хочешь, чтобы напился, я напьюсь. Но давай мы такое часто практиковать не будем, хорошо?

Прижалась крепче и рассмеялась.

— Часто не будем, обещаю.

Приехав домой, я проводил её до двери, поцеловал, отмечая усталость на красивом лице, и отправился обратно. Всю дорогу я думал вовсе не о том, что оставил Таню дома, а о том, что в «Причале» сейчас находилась другая, с которой по-хорошему мне лучше не пересекаться.

Точно. Просто избегать Лизу Виноградову, как бы сильно не тянуло заглянуть в эти серые глаза, от вида которых замирало всё нутро. Я не готов отказаться от того, что есть в моей жизни. Мне больно предавать Таню даже мыслями о другой. Чувствую себя последним уродом, а ведь я по натуре не бабник. По молодости все гонялись за юбками, и да, было у меня много девушек, но я не скажу, что питал азарт, завоёвывая женские сердца, тела и умы. Они сами вешались, питая надежды, я же просто позволял им отдавать себя. И когда в моей жизни появилась Таня, я от всего этого отказался, зная, что сделаю больно. Да и зачем вообще искать тепла под лаской чужих рук, когда дома ждёт уютное привычное твоё?

Таксист обратно довёз быстро и уже через минуту я поднимался на второй этаж, где царило веселье. Гогот мужиков был слышен даже за густыми низкими басами. Похоже, Ярыч и Каст опять что-то чудили, без них вообще никогда не обходится. Глянул на Старого и махнул тому рукой. Сегодня он точно будет единственным трезвым бойцом.

Прошел к своему месту и замер, глядя, как та самая Лиза

Виноградова, сидит на коленях Ярыча и звонко смеётся, наслаждаясь тем, что тот возмущённо смотрит на Каста.

Сердце ухнуло куда-то в пятки.

Какого хрена?!

Когда они с Ярычем успели познакомиться? Только что? Тогда почему она ведёт себя так, будто давно его знает? Неужели снова пьяна?

Присмотрелся к девушке в руках Ярыча. Глаза блестят, на щеках легкий румянец и поведение немного неадекватное. Всё это говорило о действительно пьяном состоянии. И когда только успела? Меня же не было минут сорок, ну максимум час, но я точно видел, что выходила из тачки трезвая. Сколько нужно выпить, чтобы так окосеть? И где муж? Снова развлекается с другой бабой? Кто её опять домой повезёт?

Твою мать, ну какого хрена, я об этом думаю? Будто мало мне своих проблем. Пусть сама со своими хахалями разбирается.

Вздохнул, садясь за стол.

– Чё не так, Сора? – хлопнув по плечу, кричит Север и протягивает рюмку белой. – Со своей поссорились?

Мельком взглянул на хохочущую Виноградову, стиснул зубы и честно ответил:

– Нет, не поругались.

Рука сама за рюмкой потянулась. Отчего-то желание напиться усилилось втрое, несмотря на то что изначально его и вовсе не было. Сначала ради Тани, а теперь ради

чего? Знаю. Заглушить то, что шипастой тварью рвётся из груди, раздирая душу в мясо.

Опрокинул ядерную обжигающую жидкость, которая мгновенно опалила грудь, и занюхал каким-то сухариком из салата, лежащего в ближайшей тарелке. Снова поднял взгляд на парочку. Сидят, смеются. Самое обидное, что, по-моему, ей вообще не важно у кого на коленях сидеть. Неужели такая...

Вспомнил хмурое сосредоточенное выражение на лице во время ночной операции. Разве может такая баба быть такой ветреной? Руку, вон Ярычу сломала, явно не по незнанию, а потому что умело владеет своим телом.

С последним утверждением перед глазами, словно вспышкой всплыло воспоминание о том, как это самое тело оседлало мои колени и тесно прижалось, позволяя ощутить его плавность и упругость.

Твою ж мать, Виноградова!

Потянулся за бутылкой и с отвращением подумал, что выпить придётся много. Возбуждение словно в узел завязалось под грудью и тяжело опустилось вниз, делая свободные штаны тесными в районе паха.

Что ж меня так пробирает-то от тебя, женщина? Глаза б не видели!

Но вместо того, чтобы не видеть, они вновь и вновь возвращались к парочке, внимательно цепляясь за каждую деталь. За то, как Ярыч крепко держит тонкую талию, обыч-

но скрывающуюся под свободной футболкой. За тем, как парень напряжен, несмотря на своё далеко от адекватного состояние. Будто готов к тому, что девушка в любой момент с локтя даст под рёбра.

Усмехнулся, опрокидывая очередную стопку.

– Дай сюда, – вырвал Север бутылку из руки. – Нажрёшься ещё, чего доброго.

Вскинул бровь и демонстративно потянулся за другой бутылкой. На столах их было в изобилии. Демон на такое денег никогда не пожалеет, поскольку братаны в такую ночь должны пить до упаду.

– Мне Таня наказала трезвым домой не возвращаться, – усмехнулся я.

Север поставил бутылку на стол, наблюдая, как я разливаю по рюмкам горючую жидкость из другой тары.

– Вот всегда тебе завидовал. Золото же, а не жена.

«Не жена» – подумал я, заливая в себя следующую рюмку.
– «Но, наверное, будет»

– Когда на твоей-то свадьбе гулять будем?

Представил на мгновение Таню в свадебном платье. Россыпь страз в белых волосах и счастливая улыбка, от которой лично у Севера отказывает дар речи. Нежная, мягкая, воздушная, отзывчивая, родная, понимающая. О такой мечтают многие мужики, а я только чаще вопросом задаюсь: «Что с тобой не так, Стагаров?». И сам себе же боюсь на него ответить, потому что знаю, что он изменит всё. Заставит пере-

ступить через собственную голову.

А ведь это просто белое платье на ней и штамп в моём паспорте. Это ничего не изменит. Не шестнадцатый же век, мать твою!

– Ещё не решил, – отвечаю хмуро, опрокидывая новую рюмку.

На самом деле и разговора-то никогда не заводи́ли. Даже, когда речь касалась её подруг или одноклассниц, она с тихой грустью говорила об их детях, которых мы оба желали, но никогда не упоминала про их мужей и замужество. На моей памяти Таня никогда даже не намекала, что хочет свадебное платье или колечко обручальное.

– Дождёшься, Сор. Уведут бабу, как есть уведут, – как-то сокрушенно произнёс Север.

Даже не стал скрывать скептическую усмешку. Во-первых, Таня никогда и не на кого меня не променяет, я в этом более, чем уверен. А во-вторых, я бы и сам хотел, чтобы так случилось. Рад был бы, если бы она встретила того, кому свою любовь будет отдавать взаимно, а не встречать мою кислую мину на пороге уютной квартиры, которую так долго обустраивала для нас.

– Пусть попробуют.

Север смотрит неодобрительно, когда замечает куда направлен мой взгляд. Лиза Виноградова уже не так спокойно сидит на коленях Ярыча. Шипит ему что-то в лицо и предпринимает довольно резкие попытки вырваться. Такое поло-

жение вещей ей явно не нравится. Мне тоже. Но кто я такой, чтобы вмешиваться?

А под грудью продолжает вертеться какой-то непонятный колючий комок. Чувствую себя не в своей тарелке от того, что приходится здесь быть. Уйти, что ли? Так ведь и уйти не могу. Не буду пускаться в пространные размышления о причинах, просто продолжу... сдерживаться.

— У нас командировка через неделю. Арестов приказал собрать команду из лучших. Ты в рядах.

Поворачиваюсь к нему и пристально смотрю в тёмно-карие глаза, смотрящие на меня с безразличием. Но вся проблема в том, что и я, и Север, знаем, что безразличием там и не пахнет.

— Куда на этот раз? — спрашиваю, беря бутылку и наполняя стопку вновь.

— Соревнования с чеченскими. Отбор для участия в триатлоне.

Вспомнив о ежегодных соревнованиях, поморщился. Никогда это показушное дело не любил. У нас и так режим жуткий, а сейчас вообще убийственный будет. Тренировки, тренировки, тренировки.

— Слышь, калека! Кульяпку от меня убери свою, пока я тебе вторую не сломала! — взревела разъярённая фурия.

От этого тона у меня даже волосы на загривке дыбом встали. Снова посмотрел на парочку и замер, сжав до хруста костяшки пальцев. Виноградова оседлала Ярыча и держала его

за шею, пока тот нагло держал её за мягкое место пока ещё целой рукой.

Пока. Ещё. Целой.

Я не знаю, какая дурь мне в голову ударила, но буквально через несколько секунд пьяная охلامонка визжала на моём плече, пока я нёс её в неизвестном направлении.

Какой бес меня дёрнул?

Я вообще не ожидала, что окажусь на чьих-то плечах во второй раз за этот вечер. И что у мужиков за мания такая? Чуть, что сразу на плечо бабу. Я натура тонкая, я могу и яйца по самые локти откусить, когда отпустят, и пусть потом доказывают пискливым голосом, что не евнухи.

– Прокопенко, это ты?

Мужик, чеканным шагом тащивший меня куда-то по узкому глухому коридору только хмыкнул и подкинул меня, удобно устраивая на плече, отчего я едва не подавилась воздухом, выдавленным из легких против воли.

– Бессмертный что ли? – рыкнула бессильно.

– Ну, положим, это мы уже выясняли, – отвесил похититель моей светлости.

– И как? – не без любопытства поинтересовалась я, установившись на довольно-таки аппетитную мужскую задницу.

– Как и полагается в компании такой охламонки. Действительно бессмертный.

Любопытно. Вот только...

– А когда мы успели это выяснить?

Похититель ничего не ответил. Свернул вправо и внёс меня в какое-то помещение. О том, что это туалет узнала только, когда меня перевернули вместе с миром и установили на ноги. Уткнулась питекантропу в грудь и едва подавила стон

облегчения. Неприятно, когда всё спиртное просится назад. Приятно, когда мужской запах неожиданно спасает от тошноты.

– Плохо? – слышу голос над головой.

– Не хорошо, – не соглашаюсь я, принимая всем телом к этому напрягшемуся мужику. Прямо изваяние какое-то. Прекрасное изваяние, снимающее неприятные последствия отравления бухлом.

– Умойся и приведи себя в порядок, – приказывает он, на что я прямо так, не поднимая головы, сворачиваю из пальцев недвусмысленную фигуру и доставляю прямо к лицу охреневшего в корягу мужика.

– Выкуси. – желаю ровным тоном.

Не, ну а чего он? Мне начальников и на работе хватает. Ещё приказы какого-то мудозво...

– Сейчас сам умою, малыш.

Малыш?

Шатаясь, отстранилась от статуи, чувствуя, что надо собрать последние силы, чтобы чётко и без запинки выговорить нужную фразу. Глубоко вдохнула, размяла губы и ответила, что первым пришло в голову.

– Малыша в своих трусах увидишь!

И только после этого подняла глаза и наткнулась на недовольно поджатые губы, а после и на прищуренные глаза.

Мама!

И взгляд прямо в пьяную душу. До дна. Россыпью мур-

шек на кожу и сладким спазмом внизу живота.

Господи, что я только что ляпнула, а? Стыд-то какой.

– Всё сказала? – поинтересовался, внимательно разглядывая мою майку.

Молча повернулась к раковине и, не ответив, принялась умываться. Я слишком пьяна, чтобы общаться с ним. А общаться хотелось. Как минимум, хотелось спросить, какого чёрта он меня на плече унёс из зала? Нет, помощь мне нужна была, но достаточно было просто врезать Ярычу за то, что этот козёл так вёл себя со мной. Я, конечно, и сама могла бы это сделать, но проблема в том, что я не бью детей, женщин, стариков и калек. А Ярыч калека! Недобитый, подлый калека, которому хотелось и уцелевшие конечности переломать.

– Что ты здесь делаешь?

Стряхнув ледяную воду с пальцев, обернулась на голос и мрачно посмотрела на питекантропа.

– Пью.

– Это я вижу. Что ты делала на коленях у Ярыча?

– Сидела.

– Это я тоже видел, – жесткие пальцы неожиданно ухватили за подбородок и заставили посмотреть вверх, прямо в зелёные глаза, от вида которых меня охватывало какое-то странное ощущение.

– Культяпку убери, – вежливо попросила я, отчаянно стараясь не шататься.

– Почему ты общаешься мной так, будто не знаешь?

Кхм... Вот это поворот!

И вот я смотрела в эти глаза и понимала, что действительно было в нём что-то знакомое. Что-то узнаваемое, но вот хоть ты тресни, не получалось вспомнить, когда мы пересекались и пересекались ли вообще. Хотя, погодите-ка... Тут связующее звено Ярыч. Ярыч боец спецназа ФСБ, а на кого я вчера залипла с невероятно глубокими глазами?

– А ты случайно не с этим придурком работаешь? – недоверчиво спросила я, смутно понимая, что вместо логики использую чистую интуицию.

И ещё до того, как он ответил поняла, что да. С ним и работает. И вообще, Виноградова, спустись уже на эту грешную землю и вспомни куда тебя Ярыч потащил, выдернув прямо из-за барной стойки. Правильно! На свадьбу! Возьми с полки пирожок, теперь ты можешь смело сказать, что опер из тебя не такой уж и никудышный. Разгадала тайну мира.

Пальцы от моего подбородка мужик убрал, только вот усмешка, скользнувшая по его губам, мне вообще не понравилась.

– То есть, ты всё же меня не помнишь, – скорее утвердительно, нежели вопросительно произнёс он.

– А что я должна помнить? – поинтересовалась недоумённо и довольно громко шмыгнула носом.

– Вот синь, – снова усмехнулся он.

Ответить не смогла, потому что всё наше внимание привлёк шум, врывающейся компании мужиков в туалет. Муж-

ской, мать его, туалет! Нахрена он меня сюда притащил?

– О! А чё тут девчонка делает? – пьяно выдал хмырь в кожаном пиджаке. – Вы тут часом секасом не балуетесь? – наглая ухмылка расплылась по холёной роже.

– Иди куда... – начала была я, но мой ответ оборвали довольно грозным требованием.

– Вышел.

Посмотрев на нас, мужик, конечно, не вышел, но вот желание шутить у него явно пропало. Хмыкнул и завалился в одну из кабинок туалета. Мы с моим новым знакомым прекратили пялиться в его сторону и посмотрели друг на друга.

– Пришла в чувство?

И чего я тут с ним церемонюсь? Он мне никто. И даже не знаю, как звать. И вообще, мне Лёсика найти надо, а не шляться по коленям, рукам и мужским туалетам.

Кивнула своим мыслям и решила ничего не отвечать новоприобретённому дружку. Сначала Лёсик, потом Прокопенко. И да, второму обязательно ввалить звиздюлей за то, что снова упустил меня из виду. И почему мне кажется, что с вхождением Яны в Женькину жизнь, мне перестало быть безопасно рядом с ним?

Обошла громилу, но замерла, как вкопанная, когда он открыл свой рот.

– Лиза.

Собственное имя, произнесённое губами незнакомца, подействовало не хуже ушата ледяной воды. И я не могла най-

ти причину такой своей реакции. Просто озябла в один миг и покрылась мурашками с головы до пят. И дело вовсе не в том, что он знал моё имя. Если его знает Ярыч, то и другие бойцы в курсе.

Обернулась к нему, ожидая продолжения, но вместо слов, он протянул руку, схватил за запястье и дёрнул на себя, вынудив сделать шаг, а после твёрдые губы накрыли мои. В груди взорвался вулкан, так давно спящий в недрах моего тела. Мир вертанулся и поплыл на дно горячих ощущений. Мысли, словно снежинки принялись таять, не позволяя оставаться в рассудке.

Кто? Что? Где? Дурацкие вопросы потеряли значение. Мир в целом потерял значение, когда сильные руки практически до боли вжали в себя моё тело, а горячий язык проникал в мой рот, касаясь то нёба, то своего нового друга – моего языка.

Я вся словно слилась с ним, растеряв рассудок. Пав до голых звериных инстинктов, желая подчинять и подчиняться. Что он творил? Не творил, вытворял! Растворял в себе! Въедался в кожу, как горячий яд, вводя в безумие собственной лаской.

– Так всё-таки секас! – рвануло по ушам.

Я оттолкнула парня в грудь и зажмурилась, прикрыв лицо ладонями.

Мы оба тяжело дышали, словно только что совершили марш-бросок, а он ещё и порычать умудрился.

– Если не заткнёшься, я тебе челюсть сломаю! Вышел!

– Эй, я же пошу...

– Вышел, блять!

– Эй, слышь, ты чё так с братаном моим базаришь?

Ну всё... Шас будет драка. Какая свадьба без драки, да?

Отняла ладони от лица и посмотрела на четверых мужиков, что вышли из кабинок, так и не помыв руки. Нда. Наверное, неприятно будет получать по морде немытыми руками.

– Парни, шли бы вы... – начала я миролюбиво.

Один из них, отличавшийся бритоголовостью, наколкой змеиной пасти на шее и привычкой дёргать правым уголком губ, сделал шаг вперёд и одной фразой довёл до кипения.

– Заткнись, шлюха. Тебе никто слова не давал.

Я только дёрнулась вперёд, но на моё плечо легла большая рука и отодвинула мою тушку в сторону. Шаг, ещё шаг и меня полностью загородила широкая спина, затянута в чёрный, как сама тьма пиджак.

– Как ты её назвал?

– Да шлюха она и есть, – усмехнулся бритоголовый, за что тут же получил. Куда не знаю, но мой новоявленный рыцарь определённо пытался сделать, как можно больнее, потому что хруст был... ну, почти оглушительным он был.

Остальные не стали ждать своей очереди и ринулись на защитника дамской чести. Итого в неравном бою пострадали четверо. О последствиях судить не возьмусь, скажу только, что на каждого пришлось по удару. Честно признаться,

в этот момент, я смотрела не на них, а на того, кто, несмотря на свою массивность, двигался с грацией кошки и мощью медведя. Жуткое зрелище, вообще-то, но оно меня впечатлило настолько, что я, кажется влюбилась. Не в мужика, нет. В его технику.

Странное дело, но за меня ещё никто и никогда вот так не заступался. С самого детства, я сама себе зачинщица и защитница. Помнится, впервые мне пришлось отстаивать свою честь перед лицом собственного родителя, который никогда не выходил из запоя. Кажется, тогда я впервые почувствовала себя настолько униженной, что дала ему в морду. Собственному отцу.

А ведь дед учил, что какими бы ни были родители, никогда, ни при каких обстоятельствах...

Я долго после того удара не могла прийти в себя, но именно с той поры, научилась давать сдачи, будь то моральное оскорбление или применение физической силы. И никогда не позволяла впрягаться за меня. Даже Женьке. Почему-то считала, что это сделает меня слабой.

А сейчас? Почему сейчас позволила? Кажется, на миг мне действительно захотелось ощутить себя той, за кого сворачивают горы и разворачивают войны.

– Ты нормально? – спросил он, когда включил кран с холодной водой и принялся смывать кровь с костяшек пальцев.

– Вроде, – ответила я, глядя на красивые дорогие запонки в его пиджаке.

В памяти будто что-то защёлкало и завертелось.

Запонка...

За-по-нка.

Запонка!

Сделала шаг к нему, схватила за плечо и развернула к себе лицом с видом перевозбуждённой маньячки, уставившейся на белый галстук. И вовсе не в галстук было дело. В зажиме! В чёртовом зажиме, который был одной из деталей комплекта мужского туалета!

Точно. Точно видела зажим похожий на запонку. Но где? И ведь не так давно было, точно знаю. Иначе забыла бы уже, не узнала.

Зажмурилась, пытаюсь восстановить в памяти картинку, но...

– Что? – хрипло спросил мой рыцарь, но, не добившись реакции, решил продолжить. – Лиза, мне кажется, нам нужно поговорить.

Сжала губы, понимая, что ничего не получится. Нужна тишина и спокойствие, а тут, как назло, ещё и эти стали в себя приходить и молча удаляться из туалета.

– Когда кажется, креститься надо, – хмуро буркнула я, пытаюсь отстраниться.

И как-то совсем неожиданно мужские пальцы втиснулись в шлёвки моих джинсов и удержали на месте, а обладатель зелёных глаз посмотрел едва ли не в душу.

– Послушай, то, что произошло между нами...

В одну секунду поняла, о чём он собирается сказать. Нетрезвый взгляд полон решимости, да и вообще весь его вид говорил о том, что он терзается сомнениями.

– Ошибка, – перебила я. – Считай это простой ошибкой.

На его лице не отразилось ни тени удивления. Он только продолжал пристально смотреть на меня, будто ища совершенно другую реакцию.

– Что-то не так? – вскинула я брови. – Ты это хотел сказать? Всё в порядке, правда. Это просто алкоголь и нервы. Ничего...

На его губы наползла такая скупая усмешка, которую он явно не желал демонстрировать. И что смешного я сказала?

– Ты меня сейчас успокоить пытаешься?

Я вздохнула и предприняла новую попытку высвободить свои джинсы из его захвата. Сказать, что я просто пытаюсь поскорее избавиться от его общества, я не могу. Мужиков такое только раззадоривает, а мне оно задарма сейчас не надо. Поэтому стоит попытаться применить самый «любимый» приём Женьки.

– Вовсе нет, – хмыкнула я. – Слушай, меня там, наверное, муж потерял.

– Наверное? – с сомнением спросил, будто у меня был повод лгать.

Нет, ну был, конечно, но я же не буду о нём говорить. И вообще, мы взрослые люди, которые могут поддаваться своим чувствам. Пьяным чувствам. И что такого?

– Скорее всего, – не согласилась я. – Отпусти уже.

Несчастные шлёвки, наконец, выпустили из крепкого захвата и я, судорожно сглотнув сделала шаг назад, чтобы дышалось легче, а то это же ужас какой-то! Меня от него размазывает, как кусок масла по бутерброду, а про то, что случилось лучше вообще не вспоминать. Трясёт, как...

– Будь осторожна, Лиза. И по поводу Арестова... Не принимай его предложения. Не нужно тебе это.

Я вскинула голову, заглянула в глубокие омуты и неожиданно поняла, что знаю его. Вчера. Вчера именно перед ним замерла, как кролик перед удавом. И трясло от него не хуже, чем сегодня. И в дверях торгового комплекса таращилась, как дура, именно на него. И вообще, вот такая его забота и мягкость в голосе...

Тряхнула головой, пытаясь избавиться от наваждения.

Ты в мужском туалете ночного клуба, Виноградова! Какого хрена на тебя это жуткое состояние напало? Как, блин, подросток перед лицом новых ощущений. Вали уже отсюда!

Я молча развернулась и едва не бросилась к выходу. Счастье, что меня даже не попытались остановить.

К чёрту всё! Я не буду думать об этом сейчас. Мне нужен Лёсик!

Эта охламонка просто сбежала от меня, будто не так давно сама не искала приключений на коленях Ярыча.

Что-то внутри меня явно сопротивлялось такому разви-

тию событий. Я не хотел, выпускать её из собственных рук, но мозгами понимал, что подобный ход приведёт только к неприятностям.

– Она не та, кто тебе нужен... – выдохнул сам себе, боясь, что скоро это превратится в мантру.

Нужно избавиться от этого дрянного чувства. А как? Говорят, обычно клин вышибают клином, но здесь определённо выстроится неверная конструкция. Я не хочу влипать в Виноградову ещё больше. Она и так уже засела якорем в мозгах, она и так уже занимает большую часть моих мыслей, и я не знаю, как вытравить эту женщину оттуда.

Ещё раз сполоснув лицо холодной водой, я вышел из туалета, всеми силами одёргивая себя от поиска её глазами. Да этого и не потребовалось. Девушка стояла прямо на лестничном пролёте и разговаривала с барменом нижнего зала, у которого я не так давно интересовался частотой посещений Виноградовой данного заведения. Парень заметил меня, усмехнулся и ткнул пальцем, явно сказав: «Да вот же он», после чего моя головная боль окатила меня пристальным, почти трезвым взглядом.

Так. Этот тощий жердь меня слил, оно понятно, но вот чего меня тогда так корёжит от мысли, что она сейчас начнёт разборки устраивать?

Но Лиза быстро отвернулась к парню, кивнула ему, спустилась с лестницы и вышла в главный зал, где благополучно потерялась в толпе. Бармен же, увидев мой недобрый взгляд,

пожал плечами, мол, а что я мог сделать?

Помянув того чёрта, что дёрнул меня задать этому идиоту вопрос, когда ненадолго оставил Таню в компании Севера, я поднялся наверх, устроился за столом и принялся и дальше поглощать горючую жидкость.

Вопросов, никто не задавал несмотря на то, что уход мой был эпичным. Даже Ярыч присмирел, а ведь имел полное право поинтересоваться, какого хрена я вытворяю... Но кто бы мне ответил?

Время тянулось, как резиновое. Мужики становились всё пьянее, шутки всё грубее, и я подумал, что Тане здесь точно было не место. Она не любила подобных грубостей, когда мужики начинают обсуждать грядущую брачную ночь и вгонять невесту в краску.

Я слушал, как Каст толкает очередной тост и всё время отвлекался на собственные мысли. Желание спуститься вниз было, как никогда сильно, и только невероятная сила воли сдерживала пьяный рассудок. И всё бы ничего, но голос, от которого по спине поползли мурашки прозвучал над ухом. Прозвучал настолько тихо и интимно, что у меня едва ли не задымились штаны.

– А скажи-ка мне, боец, какого хрена это было, а?

И она была пьяна. Также безбожно пьяна, как в нашу первую встречу в этом богом забытом месте. Я резко поднялся, повернулся и посмотрел в эти бесстыжие серые глаза, от глубины которых закружилась голова. Или это водка

виновата?

– Что было, Лиза? – спрашиваю хрипло, сунув руки в карманы штанов. Всё, лишь бы не сграбастать эту синь в свои ручищи не увести из Причала. – И где твой муж?

Пьяная Виноградова яростно прищурилась.

– Сначала ответь на мои вопросы!

Я обернулся, окинул заинтересованные взгляды товарищей, которые постараются не упустить ни одной детали. Посмотрел на Лизу и понял, что без вариантов.

– Выйдем?

Она вздёрнула бровь и усмехнулась.

– Хочешь поговорить со мной по-мужски?

Вопрос был столь идиотским, что даже взбесил меня слегка. Это она на мордобою так намекает?

– Я женщин не бью.

– Да все вы так говорите, – хмыкнула она.

Нет, это просто выше меня!

Ни говоря больше не слова, я подхватил пьяное мягкое тело и понёс подальше отсюда. Не знаю, как после всего этого буду смотреть в глаза парней, но я должен разобраться с этой неугомонной оперативницей, что как-то совсем притихла в моих руках. Опустил взгляд, когда шагал по лестнице и наткнулся на удивленную улыбку.

– Что?

– Да нет... – замялась Виноградова. – Не каждый день меня мужики на руках таскают.

Я чуть не ляпнул «Привыкай» и мысленно отвесил себе подзатыльник. Не моя она. Моя другая. Моя никогда так не надерётся.

Когда оказались на свежем воздухе, заставил себя поставить сотрудицу УУР на ноги и выдохнуть уже снедающее желание, прошивающее всё тело до костей.

Виноградова снова посмотрела в мои глаза, лишая возможности вменяемо мыслить.

– Так чего ты тут с вопросами обо мне шастаешь?

Твою мать, этими губами не разговаривать нужно, а безостановочно целоваться. Со мной. Чтобы моя крыша не спешила съезжать, а забылась на какое-то время.

– Что я должен ответить? – спрашиваю хрипло.

Почему так сильно желание стиснуть её в руках, а? Откуда это дерьмовое всепоглощающее притяжение, призывающее не выпускать мягкое тело из своих рук?

Вновь сунул руки в карманы брюк. Мой разум мне уже изменяет, если изменит ещё и тело, это будет внутренняя катастрофа, последствия которой разгребать придётся ещё очень долго.

Девушка долго молчала, подбирая слова, но в итоге выдохнула и сделала то, чего я не ожидал. Крохотный шажок и резкое:

– Да пошло оно всё к чёрту!

Её пальцы сжимают ворот моей рубашки, а мягкие губы касаются моих губ. Их прикосновением она взорвала мой ра-

зум на мириады крохотных искорок, создала новое ощущение в груди, от которого почти физически тяжело. Оно всепоглощающее и необъятное, оно необъяснимое. Оно – что-то совершенно иное.

Выдернул руки из карманов, сжал тонкую талию и придвинул вплотную к себе, почти ощущая, как сообщаются наши энергии, стремящиеся соединиться.

Я пьян и, должно быть, в таком состоянии, непривычное кажется мне крышесносным.

– Что же ты делаешь? – хриплю в её губы, на что слышу тихий стон.

И это напрочь отключает мой мозг. Только она. Только мягкое тело под ладонями. Только эти мягкие стоны, которые я готов срывать ежесекундно.

Подхватываю её под попу и несу, почти не разбирая дороги. Куда, зачем, для чего?

– Поехали ко мне, – отрывается она от моих губ и смотрит таким взглядом, от которого у меня волосы на загривке шевелятся. В нём столько желания и нетерпения, что я просто не представляю, как отказать.

– Думаешь, муж обрадуется моей компании? – усмехаюсь я и снова тянусь к этим сладким губам, но Лиза определённо против.

Упирается в мои плечи, стараясь сохранить дистанцию и выдаёт пьяным голосом.

– Ну, если ты не поедешь, я позову кого-нибудь другого.

– Мужа! – рывкая я, представив на миг, что она может позволить себе что-то такое. Смещаю руку и, прижав к себе, впиваюсь в нежные губы, которые хочется целовать до иступления. И целую. Целую до нехватки воздуха и жжения в груди. Целую до последнего, пока она не начинает капризно хныкать. Сминаю руками нежное тело. И понимаю, что не могу сдерживать себя.

Пусть только эта ночь. Последняя, ей-богу!

Потому что с ума сойду, если отпущу сейчас. Не могу отпустить...

– В отель? – спрашиваю всё тем же хриплым голосом, отрываясь от губ. Я знаю, что она не передумала. Слишком уж требовательно хрупкие пальцы вытягивают полы моей рубашки из брюк.

– Ко мне, боец, – повторяет настойчиво.

Всё так же держа её в руках, я поднимаю взгляд и осматриваю парковку перед клубом. Машина с шашечками мгновенно находится среди множества других. Сглатываю слюну, и не выпуская из рук обнимающую меня ногами Виноградову, иду напрямиком туда.

– Не пожалеешь? – спрашиваю, и сам же сомневаюсь в своей разумности.

Куда тебя несёт, Стагаров? Куда тебя это приведёт в итоге? Я знаю куда. В пучину вины, от которой ещё долго избавиться не смогу. Но выпустить охламонку из своих рук просто не в силах.

Кажется, что сдохну, если сделаю это.

Твою мать, нет!

Я просто провожу её до дома, и мы разойдёмся. Да, разойдёмся!

Мы усаживаемся в машину, и Лиза не позволяет мне сделать передышку. Она называет таксисту совершенно незнакомый адрес и, как в прошлый раз, забирается на мои колени, не позволяя привести рассудок в трезвое состояние. Я даже понять не могу отчего так пьян. От водки или от её запаха, вкуса и жадной нежности, которыми пропитано пространство.

Мои ладони скользнули под тонкую футболку, погладили плоский живот и добрались до края бюстгалтера. Лиза прижимается сильнее, ёрзая на мне. Чуть качнул бёдрами, позволяя почувствовать ей своё возбуждение и девушка просто-на-ла, пробирая этим звуком всё моё существо.

Господи, я чувствую себя котом, впервые унюхавшим вальериану.

Я не заметил ни дороги, ни времени, затраченного на неё. Просто машина остановилась, сунул купюру в руки водителя, и мы вывалились в густую ночь. На этот раз Виноградова не пыталась найти лавочку и созерцать звёзды на небе, нет. На этот раз эти звёзды сверкали в её безумно красивых глазах.

– Идём, – тянет она меня за руку к двери подъезда.

Я понимаю, что нет. На этом нужно остановиться.

– Я не пойду, – возражаю хрипло, – Просто проводил.

Разочарование на её лице было таким явным, что я чуть не поддался. Всего на миг. Видя это, моя охламонка снова тянется за поцелуем, но я менее пьян и более быстр. Перехватываю кисти рук и завожу ей за спину.

– Хватит. Ты пьяна и тебе нужно домой.

– Прощальный поцелуй, боец. Один прощальный поцелуй, – усмехается она, бросая мне вызов.

Сколько ты выпила, Лиза? Сколько, вообще, нужно выпить, чтобы тащить в постель мужика?

Я склоняюсь к её губам, прикасаюсь и... растворяюсь в ней. Смешиваюсь всеми чувствами и испытываю только одно желание, которое затмевает разум – обладать ею.

Я хочу обладать ею безраздельно.

Сам не замечаю, как вжимаю её собственным телом в железную дверь, как жадно глотаю выдыхаемый воздух и толкаюсь языком навстречу чистому удовольствию.

Кто тебя придумал такую изумительно вкусную?

А в ответ на мысленный вопрос только жаркий стон, мгновенно мною поглощённый. Даже волосы на загривке отреагировали на этот будоражащий звук.

И нет никаких сил оторваться. Нет никакого желания разорвать прочный высоковольтный контакт, которым меня шарахнуло прямиком в мозг.

Под звуки сладких поцелуев забрякали ключи, вытянутые Лизой из заднего кармана джинсов свободной рукой. Второй

она крепко сжимала ворот моей рубашки и, чёрт возьми, меня это заводило похлеще любого приватного танца.

Долг и желание просто разрывали меня пополам. Именно по этой причине, я не позволил ей приложить ключ к термину. Перехватил запястье и прижал к прохладному металлу. Войду внутрь и точно не остановлюсь.

– Что ты делаешь со мной? – шепчу в раскрытые губы.

Никогда не думал, что от женщины так может ехать крыша.

– Это ты меня с умаводишь, боец! – отвечает низким сексуальным голосом.

Я? Да ты же как личный демон, Виноградова! Наваждение, мираж, сама секс! Усмехаюсь в эти сладкие губы и убеждаю себя оторваться. Опомнись! Но то, что проворачивает эта охламонка в следующий миг просто выбивает почву из-под ног. Свободной рукой она принимается расстёгивать на рубашке пуговицы, не забывая потрогать тонкими пальцами кожу, вызывая головокружение и томление. Это было тем самым, что заставило обо всём на свете забыть.

Вжался в неё бёдрами, желая ощутить, смял уже припухшие губы и отобрал ключ, чтобы самому открыть эту чёртову дверь.

Я буду жалеть весь остаток своей жизни, если не возьму её. А я не грёбанный мазохист, чтобы терпеть резь от неудовлетворённости в штанах и мечтать, как девица о том, как всё могло сложится.

Она въелась в меня, пропитав насквозь. Её уже не вытравить. Да я и не хочу...

Ввалившись в нутро подъезда, мы, наверное, собрали все стены. И в лифте тоже. Только внутри было не до стен. Обувь, вещи, ключи, документы. Всё летело чёрт знает, куда. Плевать. Только добраться до мягкой сладкой кожи, уложить на спину, смять волосы, ощутить влагу, кричащую о том, что меня хотят так же сильно, и войти. Одним толчком до упора, чтобы услышать... крик.

Крик в губы, который разорвал тишину в тихой квартире. Ногти вцепились в плечи с такой силой, что стало очевидным, что останутся следы. И взгляд. Затравленный, полный боли и...

– Не может быть, Виноградова... – выдохнул я и тут же вышел из неё, чтобы разглядеть в полумраке следы крови на бёдрах.

– Твою мать, кто бы сказал, что это так больно ни за чтобы не повелась на это притяжение.

Она положила ладони на живот, перевернулась на бок и свернулась в клубок.

А я продолжал, смотреть на неё, как баран, не понимая, где именно нагрешил. Нет, ну... С одной стороны понятно, что мужа у неё нет и поведение хоть и фривольное в отношении мужиков, но не критичное. В смысле, интима-то не было ни с кем.

– С какой ты планеты, Лиза? О таком предупреждать на-

до! – едва не рыкнул я, но вовремя сдержался.

Вздохнул, получив в ответ тишину, лёг рядом и обнял за плечи, чтобы мягко их погладить. Такое нужно в срочном порядке исправлять, да и желание никуда не делалось. Там всё по-прежнему каменное и нетерпеливое.

– Можешь идти, боец, – проговорила тихо.

На что, спрашивается, рассчитывала?

– Пойду, Виноградова. С тобой и пойду.

С кровати поднять её оказалось не просто. Оперативница решила, что можно на меня шипеть, упираться и даже пытаться пару раз дать по роже. Но где наше не пропадало?

Заткнул поцелуем, после которого оба позабыли что делали до него. В душ добирались минут пятнадцать. В незнакомой квартире проще найти дверь в Нарнию. Особенно, когда кипишь от возбуждения и не можешь удержать себя в руках.

Горячие струи смыли пот, кровь и слёзы. После этого я не отказал себе в удовольствии попробовать девушку на вкус. Поправочка! Чрезмерно возбуждённую девушку на вкус, которая хрипло стонала от моих действий.

Я говорил, что у меня от неё сносит крышу?

Мой личный демон хнычет от нетерпения, стонет сладко под тёплыми струями воды и жмётся всё ближе, понукая повторить попытку прямо в душе. Но меня подобный вариант не устраивает. Я хочу наслаждаться ею, хотя бы остаток ночи. Перекрываю вентиль, и прямо так, мокрую, несу обратно в постель, глядя в эти завораживающие серые глаза, в кото-

рых, кажется, утонула Туманность Андромеды.

Осторожно укладываю на постель и снова принимаюсь целовать. Целовать до той поры, пока мозг не отказывает в восприятии действительности.

До чёртиков сладкая, нежная, мягкая, невообразимо невероятная. С ней становлюсь безумцем, одержимым своим сокровищем. Хочется касаться. Хочется вобрать в себя и забыться, упиться ощущением полноты и жадно хранить эти чувства под замком собственной души.

Медленно проникаю в неё и слышу сладкий стон. Тонкие пальцы сжимаются на моих плечах, а я... Не найду слов, чтобы описать, насколько в ней хорошо. Насколько нежно и полно.

Плавно, мягко, не размыкая поцелуя, стремлюсь дарить первое настоящее удовольствие.

– Пожалуйста-а-а. – стонет подо мной, извивается.

Чувствую, что уже и сам на пределе возбуждения. Сжимаю чуть крепче, толкаюсь в неё чуть резче и ощущаю, как она вся напрягается и ловит свои звёзды с неба, крепко стискивая меня ногами и закусывая указательный палец, чтобы громко не стонать. Этого и я не выдерживаю, выливаюсь в неё, впервые в жизни радуясь тому, что это не приведёт к последствиям.

Покидать её мне не хочется. Наверное, впервые за всю жизнь, я не выхожу из девушки, а облакачиваюсь и начинаю просто покрывать поцелуями лицо, щёки губы.

Фырчит забавно в ответ, но не пытается отстраниться. Тогда прислоняюсь лбом к её лбу и смотрю в звёздную глубину, на дне которой сияют тысячи миров.

– Кто тебя придумал, Виноградова?

Не ответила. Улыбнулась и запустила тонкие пальцы в мои волосы, не позволяя отстраниться. Да и не хотел я. Сейчас готов был вечность вот так пролежать одержимый своим личным демоном и считать звёзды в её глазах.

Но всё же, время не резиновое. Как и передышка. Почувствовав, что снова начинаю возбуждаться, вновь толкнулся в неё, ловя удивление.

– Ещё? – спрашивает она так, будто это что-то противоестественное.

– Ещё, – усмехаюсь я, понимая, что мог бы долго её так мучить, но Лиза не готова к такому марафону. Поэтому...

Целую сладкие губы, замечая, как девушка сама двигается мне навстречу.

Твою мать! Кто-нибудь, остановите мою скатывающуюся крышу.

Жадно проникаю в неё до самого дна и не спешу двигаться в обратном направлении. Хорошо. Просто хорошо быть вот так в ней. Ощущать её тепло и такое же полное желание.

Лиза обхватывает мою шею руками, и сама пытается заполучить удовольствие. Улыбаюсь, в эти сладкие губы. Нет, малыш, сегодня я владею тобой. Как и хотел. Так что танцуем по моим правилам.

Эта ночь завершилась тем, что я сидел рядом со спящей девушкой и просто не хотел уходить. Маленькая, расстрёпанная, нежная... Я чувствовал себя самым счастливым и несчастным одновременно. Никогда не думал, что можно полчаса просидеть рядом с кем-то, гладить её пальцы и наблюдать, как она спит. Просто потому, что это приятно. Просто потому, что хочется.

За окном уже давно забрезжил рассвет и ожили улицы. Дома меня ждала та, кого даже мои друзья называют моей супругой, а я... Не могу оторваться. Ведь, как только я это сделаю, меня раздавит реальностью. Мир, в котором мне не место рядом с такой невероятной Виноградовой. Уже чувствую, как начинаю задыхаться от её нехватки в моём организме.

Мой наркотик, мой демон, моя одержимость.

Наклонился и осторожно поцеловал белое плечо.

– Прости меня, малыш.

Заходить в собственную квартиру было тяжело. Из-за чувства вины, из-за предательства и из-за того, что понимал: проживи я ещё раз эту ночь, ничего бы не стал менять.

Таня ещё спала, свернувшись в кровати. В груди даже ничего не ёкнуло при виде её красивого ухоженного лица. Ни капли нежности, ни капли восхищения. Она простая. Привычная донельзя. Милая, добрая.

Чёрт!

Зашёл в ванную, включил душ и стащил с себя пиджак, галстук рубашку. Заглянул в зеркало и впервые увидел царапины от её ногтей. Мозг мгновенно восстановил в воспоминаниях это сладкое ощущение и пронзительный крик, который пришлось проглотить.

Твою мать, у меня в душе всё переворачивается от щенячьей нежности, когда вспоминаю её в своих объятиях.

Швырнул одежду в корзину и уже хотел залезть под струи воды, как ноги обдало сквозняком. Обернулся и посмотрел на Таню, которая не могла и слова вымолвить. Царапины. Первое, что она увидела были именно они.

На её лице не промелькнуло ни единой эмоции. Она просто разглядывала их секунда за секундой убеждалась, что это именно то, о чём она подумала.

– Тань, – хриплю я, делая шаг к ней, но та отступает.

Поднимает пустой взгляд, а после закрывает дверь.

Мне нет оправданий. И да, я самый настоящий кобель, который не смог устоять перед юбкой. И... я не знаю, что делать. Она, наверняка, сейчас будет собирать вещи. Что тогда? Бежать за ней и молить о прощении? А я этого прощения достоин, если даже не люблю? Если не смогу дать того, что сегодня довелось испытать к другой женщине?

Таня родная и тёплая, но это всё, что я ощущаю. Откровенно говоря, у нас и секс, едва ли не по расписанию и только потому, что надо.

Сжал кулаки, понимая, что как мужик должен поговорить.

Объяснить, что козёл, да. Что не для неё...

Выдохнул и всё же забрался под тугие струи воды. Смыкать с себя её запах не хотелось, но иначе нельзя. Самому от себя тошно будет, если к Тане вот такой подойду.

Перекрыл вентиль, завернулся в полотенце и вышел, надеясь, что она ещё не ушла. И нет, сидела на кухне со стаканом воды, тряслась и силилась не плакать.

– Тань... – поморщился я от отвратительного ощущения внутри.

Вина. Она проникала и отравляла кровь. Моя, почти супруга, подняла на меня взгляд, ещё раз скользнула им по чужим отметинам и прошептала:

– Я же так люблю тебя... Как ты мог?

Вновь поморщился, присел за стол напротив и взял её большую ладонь в свою крепкую руку.

– Тань, я не могу... – вздохнул, подбирая слова. – Ты же лучшего достойна, понимаешь? Я чувствую себя таким дерьмом сейчас, что мне от себя же тошно. Я не знаю, как оправдаться в твоих глазах... Я даже любовь свою тебе дать не могу, – выдавливаю хрипло. – А если не её то, что?

Её губы начинают дрожать, но она говорит то, отчего я замолкаю:

– Ребёнка... Ты же знаешь, как я хочу от тебя ребёнка.

Неужели, готова простить измену? Я посмотрел на неё с недоверием, но её взгляд был серьёзен.

– А то, что я?..

– Стой, – моя, почти супруга, поджала губы, а после отвела взгляд в сторону. – Я знаю, что многие мужчины изменяют своим жёнам... но это вовсе не значит, что они хотят с ними расставаться, – её голос начал узнаваемо дрожать, предвещая поток слёз. – Просто... пытаются так переключиться. В психологии этому есть объяснение...

Первые капли на стол с тихим «тук-тук», закушенная губа и нежелание смотреть мне в глаза. Я знаю, что это обида и горечь. И мне противно, что сейчас она перешагивает через себя, пытаясь оправдать мой мерзкий поступок.

Я Женьке обещал, что заботиться о ней буду, а не мучить подобными выяснениями отношений. Брат, наверное, в гробу там перевернулся о того, что я выкинул.

Вздохнул и потянул её ладонь на себя, чтобы усадить плачущую девушку на свои колени.

– Прости меня, – шепчу в её плечо, задумчиво глядя в никуда. – Прости...

Лиза

Нет времени дня хуже, чем утро. Причём это вообще самое неприятное утро, которое случилось в моей жизни... Слабость во всём теле, низ живота болит, как при месячных, в голове звонко и явно жидко, во рту сухо, а ещё этот противный телефон трезвонит голосом Артура Пирожкова, чтоб ему икалось весь оставшийся век! Прокопенко, в смысле!

– М-м-м... – дотянулась до телефона, и не пытаясь разлепить глаза прохрипела в трубку жуткое: – Алло...

– Мелкая? Тебе там экзорциста вызывать не пора?

– Убью... – выдавила из себя, совершенно не в настроении шутить.

Прокопенко чем-то зашуршал и отстранился от телефона, потому что в следующую секунду его голос был обращён чуть тише и точно не ко мне.

– Серый, есть номер священника?

– Тебе зачем? – прозвучал удивлённый вопрос коллеги.

– Да у нас форс-мажор. Я, кажется, ведьму разбудил. Сейчас прилетит в отдел вся такая страшная, зелёная, злая...

– Прокопенко, ять! – прохрипела в трубку.

– Женщина, я прекрасно понимаю твоё состояние, но на работу-то что?

– Что? – выдохнула, продираясь через всю кашу, что ца-

рила в голове, побулькивая, как ведьмовская отравы.

– У тебя смена так-то... три часа, как идёт.

И вот прав он был, ибо с постели я вскочила, как разъярённая ведьма, совсем позабыв, что хорошо мне ещё не стало, а плохо плещется в ушах.

– О-о-ой... – простонала в трубку, прикрывая рот ладонью.

– О-о-ой! – вторил Женька, – Не блюй только, женщина. Мне тоже не очень ещё.

Ничего не ответив, сбросила вызов и помчалась туда, где обычно избавляются от последствий интоксикации путём промывания желудка.

И только выйдя из туалета поняла, что абсолютно голая. Совсем.

А низ живота тянет, да так непривычно, что...

Остановилась у двери в ванную и зажмурилась, пытаюсь хоть что-то припомнить. И оно припоминается...

«Что ты делаешь со мной?» – вонзается иглками под кожу, рождая бурю внутри и тонну скользящих мурашек.

И эта фраза в голове хриплой нежностью, как ножом по венам. И я помню, как сжалось всё внутри. И... и губы горячие помню.

– М-м-ма-а-ать моя, – прохрипела, прикладываясь головой о дверной косяк. – Виноградова, ты дура!

Кровавая вспышка боли под горячим тяжёлым телом и потрясённое: «Не может быть, Виноградова...»

– Ой, ду-у-у-ура-а-а, – взывала уже не сдерживаясь.

Большого вспоминать не хотелось совсем. Вот совсем!

Ну, было и было! В конце концов, рано или поздно оно должно было случиться, а то, что я не помню с кем и как...

– Оно даже к лучшему, – выдохнула и открыла, наконец, несчастную дверь в ванную комнату. Нужно привести себя в порядок и идти на работу. Уж там-то мне точно будет не до моральных терзаний. И точно не до собственных воспоминаний о прошедшей ночи.

Села на край ванны и резко соскочила, от прострелившей боли внизу живота. Стиснула зубы и не позволила себе разреваться.

– Не скули, как баба, Виноградова. Будь... ну, сегодня можно побыть ведьмой для разнообразия. Не всё же Прокопенко ошибаться в прогнозах.

Усмехнулась собственному отражению и принялась умыться, жмурясь всякий раз, когда сознание подбрасывало особенно яркие картинки, связанные с ощущениями прошлой ночью.

В отделе царил беспросветный мрак, что было обычным делом в моменты плохого настроения Жутобелки. Он снова чихвостил подчинённых в хвост и в гриву. И вроде бы ничего удивительного, всё, как и всегда, но Прокопенко встретил меня фразой:

—Тебя, мать, Ваклонский искал. Просил зайти.

—На кой? — хмуро спросила я, чуя неладное.

—А то Всеволод отчитывается, — хмыкнул Женька, сгребая со стола бумаги. — Но он был в плохом настроении.

Это я и так видела. Жутобелка умеет нагнетать атмосферу, когда не в духе. Весь отдел, как на иголках.

Глубоко вдохнула и сразу направилась к начальству на ковёр, перебирая варианты тем для бесед, но никак не ожидала, что он станет нервно разгребать какие-то дела в шкафу и метать в меня странные взгляды.

— Слушай, — выдохнул наконец. — Я знаю, служба здесь для тебя многое значит... — майор сжал губы, чем вызывал непреодолимое желание заткнуть уши. Я знала — если он так делает, значит дальнейшая фраза не понравится нам обоим. — Мне звонил Арестов. Ты нужна ему, как специалист. В штабе. И в силу некоторых причин, я не могу отказать. И ты не можешь.

Сердце грохнулось в пятки от последних слов. И дело не столько во том, что я не имела права выбора, а в том, что сам Ваклонский не мог отказать товарищу... и дело тут не в дружбе. Когда речь заходит обо мне, шеф не стесняется выражений и может родной маме маршрут нахер объяснить.

— От одного до десяти, — спрашиваю сухо.

Жутобелка швыряет обратно на полку какую-то папку, протягивает руку к лицу, жмурится и с силой сдавливая переносицу. У шефа сильно болела голова, что было последствием усталости. Кажется, кто-то работает на износ.

– Пять, – выдыхает наконец. – Я не знаю в чём твоя задача, но там не так всё плохо. Пойдёшь в отдел аналитики, будешь сидеть в офисе бумажки перебирать.

– Я и аналитика? – вскинула я бровь, шаря по своим карманам. Точно помню, что где-то было обезболивающее, которое сегодня утром схватила, дабы устранить неприятные симптомы болезни по имени «Взрослая жизнь». – Ты же знаешь, я хоть и не дура, но на земле работать мне куда проще.

Под усталым взглядом прошла к столу, налила из графина в стакан воды и протянула начальнику вместе с найденной таблеткой. Он, не задумываясь положил её на язык, надкусил и запил водой.

– Спасибо. Если захочешь вернуться через полгода, я буду рад, но лучше, конечно, чтобы ты осталась на тёплом месте, без ежедневного риска схлопотать пулю или ножовое.

Я поморщилась, но не стала возражать. Мы оба знали, что этот разговор может затянуться, а у меня ещё дел по самое горло.

– И когда приступать? – вздохнула я.

– Где-то через неделю. Пока работай, как привыкла, – Жутобелка прошел к столу и достал из верхнего ящика серую папку, которую протянул мне. – Здесь информация для вашей группы о событиях в торговом центре и видеозаписи. Арестов передал. На мой взгляд ничего существенного, но мало ли что твой молодой гениальный мозг вытянет из всего этого.

Я оторвала взгляд от папки и посмотрела на Ваклонского.

– Момент проникновения спецназа тоже есть?

– С какой целью интересуешься? – усмехнулся майор.

Самой себе захотелось треснуть подзатыльник за идиотский вопрос. Зачем мне это? Видать что-то в голове переклинило, раз никак не могу выбросить из головы зеленоглазого.

И словно вдогонку волшебный пендаль воспоминания, как я смотрю в эти самые глаза и покрываюсь мурашками с головы до ног. А следом приходит новое:

«– Всё сказала?»

Господи! Я же вчера виделась с ним в клубе! Я же с ним разговаривала лицом к лицу! Это с ним я ночью..?

– Лиза, всё нормально? – вырвал меня из потока мучительных мыслей Ваклонский. – Ты побледнела вся.

Моргнула, подавляя в себе чувства, что поднимались откуда-то со дна и кивнула.

– Похмелье.

Жутобелка мгновенно скривил рот.

– Оштрафовать?

– Забыть, – ни разу не испугавшись предложила шефу. – У меня дозы малые. Выветриваются быстро, а на организм давят, как атомная бомба. Промиль нет, экспертиза установит отравление, штраф отменят.

Майор только хмыкнул и всё же всучил мне папку с отчётами.

– Работай, Виноградова. Сейчас любая информация на вес золота.

– Разрешите идти?

– Разрешаю.

Я развернулась и уже в дверях поняла, что неосознанно в уме держу последнее слово Жутобелки.

Золото.

Умение анализировать поступающую информацию – это прекрасное качество любого человека. Тем более сотрудника министерства внутренних дел. Но мне всегда нравилось срабатывание какой-то ассоциативной женской логики. Когда ты слышишь слово или видишь предмет, и мозг начинает работать совершенно нестандартно,водя тебя скачками по лабиринтам, но в итоге всё равно приводящим к нужным выводам.

Вот и сейчас.

Простое слово, сорвавшееся с особым смыслом с губ шефа. Но я вспоминаю золотую запонку под столом в квартире убитой, а следом зажим на галстукезеленоглазого в туалете Причала. И даже несмотря на то, что они совершенно не были похожи, я возобновляю возникшую мысль: запонка убийцы была в комплекте, потому что такой зажим, я где-то видела.

Выдохнула и направилась в кабинет, где уже ждал Прокопенко.

– Нормально всё?

– Да не очень, – я бросила на свой стол папку с отчётами, достала смартфон и села на стул, едва не взыв от боли, но быстро взяла себя в руки. – Через неделю меня переведут к Арестову.

Женя вскинул бровь и внимательно посмотрел на моё лицо. Точно знаю, что выискивал там нотки бешенства, но увидел только задумчивость.

– И ты не имеешь ничего против?

Я открыла папку, достала документы и носители видеозаписей.

– Я против. Очень против. Но просит не Арестов, просит шеф, а ему я, сам знаешь, отказать не могу.

– Но ЦСН? У них, насколько я знаю, нет женского отделения.

Я отмахнулась от него, погружаясь в сухие строки, описанных событий.

– Отдел аналитики.

В помещении, наконец, наступила тишина и я спокойно продолжила изучение, пока через минуту не раздалось потрясённое:

– Они отжимают у нас лучшего спеца по внедрению, лишь бы бумажки им кто-то разбирал? Пи**ец!

Я обернулась и посмотрела на Дениса Третьякова. Одного из лучших сотрудников УУР, чего не скажешь обо мне.

– Не сквернословь и не утрируй. Агент из меня так себе. И вообще, какая разница? Со мной, без меня? Вам ни-

когда людей не хватает в этом деле. Можно подумать, что-то кардинально изменится с моим отсутствием. К тому же, я ненадолго. Полгода, максимум год. Потом вернусь на родную землю.

Денис с Женькой переглянулись и дружно махнули на меня рукой, добив напоследок весьма обидной фразой:

– Ну хотя бы задница гореть не будет.

Глянув на них исподлобья, я вернулась к чтению. Вот тебе и поддержка, Виноградова.

Из отчётов я узнала, что в день спецоперации на набережной было задействовано более двадцати боевиков. Допросы, как я говорила ранее, результатов не приносили, зато порадовала оперативная сводка. Ребята выяснили, что связи уходят за пределы страны. Установить контакты не удалось, потому что кто-то вовремя оборвал каналы, однако позабыв, а может и не успев, зачистить связных по ту сторону. В общем, эта информация изучается и вполне может стать жирной ниточкой. Здесь же находились отчёты по опросам заложников. Несколько человек слышали разговоры боевиков по мобильным, которые были уничтожены в момент проникновения. Свидетели говорили, что несколько раз слышали имя Хаттаб. От сочетания этих букв у меня мгновенно возникла ассоциация с Волосатым, он же Чёрный Араб. В одно мгновение передёрнуло. Этого гада спецслужбы замочили в далёком две тысячи втором году, но до сих пор пробирает от воспоминания о его злодеяниях.

В сухих строчках я так же обнаружила информацию о погибших. Против воли заострила внимание, хотя и хотела пролистать, дабы избежать самобичевания. Две русские женщины в возрасте тридцати-сорока лет и молодой парень, только что переступивший порог совершеннолетия. Судя по сведениям, эти трое пытались защищаться, что в итоге привело к печальному исходу.

И, Боже мой, я солгу, если скажу, что не испытывала чувства вины. Ещё как испытывала. Возможно, доберись я до документов раньше Потапова, мы бы смогли оперативно сработать. А так получается, что из-за моей халатности погибли три невинных человека. Я просто физически ощущаю, как их кровь стекает с моих рук.

Сука.

Как только прикоснулась к флэшке, дверь кабинета открылась и в щель просунулась голова незнакомого парня.

– Виноградова здесь обитает?

– Здесь. – Кивнула я.

Он тут же вошел в помещение и, сделав несколько шагов, бросил на стол папку.

– Это на счёт вашего телефона. Недавно засекли сигнал и выход в сеть. Наши запеленговали, но... Короче, кое-кто передаёт вам «привет».

Кажется, у меня сердце остановилось. Я взяла папку в руки и только сейчас взглянула на замершего в двух метрах напряженного Прокопенко. Отвернула пластиковый край и

внимательно зачитала. Выход в сеть был осуществлён с окраины города. Пользователь сделал несколько запросов в браузере. Просто бесполезный набор букв, а после на мой же номер набрал сообщение, содержание которого заставило меня побледнеть.

«Смерть неверным»

Я сглотнула, лихорадочно вспоминая внешность Аргена, подняла голову и внимательно посмотрела на парня.

– Зачем принёс? Ты же понимаешь, что это не моя компетенция?

Он улыбнулся криво.

– У меня приказ доставить вам.

– Чей?

– Мелкая, чё там? – вклинился Женька.

– Вы знаете чей. Арестов вас снабжает информацией, раз вы переходите в его управление. Это будет ваше первое дело.

Вот тут я поняла, что ничего не поняла. Какое дело в отделе аналитики? В смысле, моя задача будет заключаться в том, чтобы собирать оперативную информацию и доводить до сведения отделения, разве нет? Я себе именно так представляла тёплое место.

– У меня нет инструментов... – начала было я, как всё тот же парень меня перебил и сунул под нос ещё какой-то лист бумаги.

– Они непременно будут.

Взяв его в руки, я вздохнула. Направление на военно-вра-

чебную комиссию. Ответ мне больше не требовался. Не глупая, как бы. Мне только что прямой наводкой сообщили, что сразу после комиссии, на которую уйдёт неделя, меня принимают в семью, после чего я и буду заниматься «первым» делом. Безусловно, делать я буду не на земле, что сказывается на моём решении, но тот факт, что сама... Хитрый лис Арестов просто подsunул мне ещё один крючок, который укрепит моё согласие.

– Я поняла, – киваю, теряя всякий интерес к парню.

Тот сразу же ушёл, оставляя в кабинете удивлённую тишину, практически мгновенно нарушенную вопросом Прокопенко.

– Ну и какого хрена это было?

– А это, Жень, моё категоричное «да» на вопрос «Пойдёшь ли ты к нам, Виноградова?» – Я разворачиваю папку и пальцем указываю на строчку, посланную Аргеном. – Эта тварь хочет, чтобы я его искала.

– Походу, его желание ему же боком вылезет, – задумчиво протянул друг. – Что ж, я так понимаю, тебе нужна помощь по убийству Селезнёвой? Кстати, сегодня пришли результаты экспертизы по запонке. Они действительно дорогие, входят в комплект и сбывались в единственном экземпляре. Есть адрес магазина, если хочешь, можем прямо сейчас съездить.

Я кивнула, поднялась с места и взяв обе папки направилась на выход, зная наверняка, что Прокопенко догонит в

два шага.

Меня всё не покидало неприятное чувство. Появление Аргена сулило крупные проблемы, о которых нам вскоре предстоит узнать. Если этот урод серьёзно входит в состав запрещённой группировки, то мне нет другой дороги, кроме как в ЦСН. Я хочу разобраться с этой сволочью.

В магазине, где был куплен туалетный набор удалось выяснить имя. Некая Тереньтева Ольга Владимировна, чьи паспортные данные так же оказались в базе клиентов с целью страхования ювелирного изделия.

Надежда найти уroda, связанного не только с убийством, но и с организацией теракта, росла как снежный ком, грозящий разнести к чертям всё, что подвернётся в конце пути. Появился охотничий азарт, заставивший позабыть про время.

На поиски женщины мы потратили два дня, в которые мне удавалось вырваться в госпиталь, посетить главного врача и сдать анализы. Времени катастрофически не хватало. К тому же ребята оперативно поставили наблюдение сразу после допроса, на котором выяснилось, что украшение покупалось для начальницы на работе. А работает наблюдаемая товароведом на складе фармацевтики. Вопрос «Откуда такие деньги» на подарки отпал, когда выяснилось кому именно, поставили запонки. Заместитель директора фармацевтической компании имеет хороший доход, но вот связаться с ней прак-

тически невозможно, поскольку она постоянно в разъездах. Поймать эту птицу взял на себя смелость сам Прокопенко, пообещав, что не налажает. Впрочем, в нём-то я была уверена, а вот на попытки Потапова вклиниться в расследование, смотрела исподлобья. Не нравилось мне, что он рвался в это дело.

Обследование я прошла к концу недели. Больше всего, конечно, порадовал психиатр, швырнувший в меня карандаш, как только вошла. Канцелярское изделие поймала, а вот удивлённой физиономии сдержать не смогла. Не привыкла к такому цирку.

– Весело тут у вас, – хмыкнула, протягивая предмет.

Мужчина усмехнулся и этим же карандашом сделал пометку в моём личном деле. Узнала себя по фото в развёрнутых документах.

– Уж лучше весело в сарказме, чем действительно.

Шутка была не смешная. Я села на предложенный жестом стул и без особого интереса посмотрела на специалиста, который собирался устроить мне допрос.

Начал он с открытых вопросов, на которые нужно отвечать развёрнуто. В духе: «Сколько вам лет?» или «где вы работаете?», а потом перешел на закрытые. Интересно, что на вопросе «Планируете ли вы рожать в ближайшие пять лет?» я зависла. Не планировала, конечно, но на миг представила, что это возможно. Хотела бы я иметь детей? Свою кроху, которую нужно не только обеспечить, но и защитить, воспи-

тать достойно?

Мне уже далеко не восемнадцать. Возраст как раз тот, когда пора задуматься, ведь через пять лет будет сложнее переносить беременность. Таких, как я в родильных домах уже называют старородками. Не хочу даже думать о том, какое звание у них можно получить к сорока годам, которые мне светят через десяток лет.

– Елизавета?

Поморщилась, услышав свое полное имя.

Мужчина прищурился на миг, сделал пометку и продолжил задавать вопросы, после чего предложил пройти несколько тестов на своём ноутбуке. Тест Равена на интеллект я смутно помнила. Шестьдесят заданий с картинками. В прошлый раз несколько из десятка последних выполнить не удалось, а в этот случайно ткнула не туда, потеряв баллы.

– До высокого не дотянули пару баллов, – врач внимательно следил за моей реакцией, но я только безразлично кивнула. – Вы понимаете, что это заурядный уровень?

– Это играет какую-то роль?

– Нет, – он улыбнулся. – Вы очень спокойны.

– Должность обязывает посещать психиатра. Человек ко всему привыкает.

Мужчина кивнул, и мы продолжили. Меня ожидало ещё несколько тестов и беседа на тему предстоящей работы. У него был несколько иной подход, потому что постоянно пытался вытащить меня на неудобную дорожку в беседах. Я к

такому не привыкла, поэтому, когда речь зашла о родителях несколько... занервничала.

– Ну чё, пацаны? Задайте там чеченским жару!

Мне ничего не оставалось, кроме как, улыбнуться. Ярыч на больничном ещё, но всё равно припёрся проводить группу. Даром что живёт дальше всех от штаба в ЦСН.

– За удачу, спасибо, конечно, но ты в курсе, что этих зверей ещё никто сделать из наших не смог? – ответил Волк, сгружая в сумку снаряжение. – Отбор только для виду, на международку всё равно они поедут.

– А ты поменьше болтай и побольше работай, – хмыкнул Гвоздь – глядишь и мы, когда-нибудь съездим.

Мы с Демоном переглянулись и дружно ухмыльнулись, потому что нам это событие никуда не упёрлось. Чеченцы пусть и ездят, у них хорошо получается иностранных коллег запугивать. Только и слышно потом вопли о том, какие русские страшные, выносливые и неприхотливые.

– Давайте шустрее уже. Через час вылет, а нас Арестов на ковёр зовёт, – влетел в раздевалку Анчар. – Вроде, новобранца притащил.

Заявление возбудило в нас интерес. Мы не очень любим принимать новичков в коллектив, но так уж сложилось, что Арестов едва ли не весь штаб созывает. Ему важно, чтобы своих коллег мы знали лично.

– Надеюсь, не к нам в группу? – спросил Волк.

—Да нет. В отдел аналитики. Давно просили человека, у этих вечно работы по горло, рапорты обрабатывать времени нет, а с нас двойной спрос.

Хмыкнул, проверяя АПС. Слишком уж быстро замену подыскали. Обычно долго изводят, а тут... Всего два месяца, как место освободилось. Хотя, последние рапорты мы лично Арестову сдавали, потому что до него все детали с длительной задержкой шли. Пока они там проанализируют, выпишут заключение, забьют в базу... В общем, понять его нетрудно.

Забросив сумку в личный шкафчик, дождался, когда соберутся ребята, после чего, слушая трёп о том, как прошли выходные, отправился наверх. В кабинет Арестова.

Не терпелось уже свалить из города. Выветрить мозги, забыться хоть как-то, погрузившись в тренировки. Полторы недели прошло. Всего полторы, а такое чувство, что время тянется, как жёваная резина. Хочется его торопить, чтобы скорее забылось то, отчего до сих пор реагирую, как одержимый параноик.

Глубоко вдохнул, когда перед глазами мелькнуло призрачное воспоминание стройного тела на простынях. Провёл пальцами по встопорщенным волосам на затылке и толкнул нужную дверь, не пытаясь вникнуть в причину смеха парней, идущих позади.

И замер.

Замер прямо в дверях, во все глаза разглядывая хмурое

лицо. Сердце глухо ударилось о рёбра и бросилось вскачь.

– Сор, ты чего застыл? – толкнул кто-то в плечо.

А я словно оглох, ослеп, обледенел и готовился взорваться на тысячи осколков.

Что ты здесь делаешь? Что, мать твою, ты здесь делаешь?

– О, да это же Виноградова, – как сквозь вату донёсся до меня голос Волка. – Вот это нежданчик!

Лиза лишь скользнула по мне взглядом и улыбнулась парням. Делает вид, что не узнала, как же!

Крепись, Стагаров. В конце концов, ты сам это заслужил. Ушёл, ничего не сказав на рассвете и ищи в поле ветра. Дыши глубже.

– Знакомьтесь парни, это Елизавета Виноградова, – девушка коротко сморщилась, но тут же улыбнулась, жадно разглядывающим её парням. – А это, Лиза, группа «а». Основной состав, так сказать. С ребятами познакомишься поближе, когда они рапорты будут приносить. Эти амбалы, очень много секретки сдают, поэтому на каждую группу, мы обычно человека выделяем.

– Меня уже ввели в курс дела в отделе аналитики, Пётр Николаевич.

– А зачем ждать конца поездки, бать? Мы и шас можем... – Волк протянул Виноградовой свою граблю и широко улыбнулся, когда та пожала её. – Познакомится поближе, это я завсегда. Саша. Позывной Волк.

Бывшая оперуполномоченная кивнула ему. А затем про-

тянула руку следующему. И следующему. И следующему. Пока не дошла до меня. Пока не скользнула своими тонкими пальцами по ладони, и не вздрогнула, видя, что приветливой улыбки на моём лице так и не появилось.

А мне хотелось схватить её и унести отсюда. Унести, как можно дальше, потому что свора демонов в голове взревела от желания обладать этой женщиной безраздельно. Наплевать на всё, схватить и...

– Сора, ты её пугаешь... – одёрнул меня Старый.

Тут же разжал пальцы, потому что и сам себя пугал этими желаниями и чувствами. Меня разрывало изнутри только от её вида. От невозможности забрать своё. От перспективы видеть каждый день и вариться в персональном котле в аду.

– А с тобой я уже знакома, – смотрит она мне за спину.

Я оборачиваюсь и вижу Ярыча, застывшего в дверях, притихшего с того момента, как мы вошли, и явно не особо понимающего, что здесь происходит.

– Бать, ты серьёзно, что ли? Это же Виноградова! – возмутился боец, демонстрируя гипс.

Арестов аж заулыбался, довольный тем, как складывалось знакомство.

– Сам же виноват, Ярыч, согласишься. Елизавета у нас девушка сообразительная. От испуга сообразила непрощенному герою звездюлей отвесить.

Лиза попыталась подавить улыбку, но получалось у неё это плохо, потому Ярый фыркнул, махнул целой рукой и ре-

шитительно свалил из кабинета начальника, прикрыв за собой дверь.

– И когда крещение у новенькой? – задал вопрос кто-то из парней, пока я смотрел на Виноградову, пытаюсь подавить всплывающие перед глазами образы.

Крещение на учебной площадке проходит каждый сотрудник, попавший в центр, независимо от пола и возраста. Есть, конечно, поблажки для тех, кто физически не особо развит, но в ЦСН обычно таких не берут. В здоровом теле – здоровый дух.

– Когда в полном составе соберёмся, тогда и будет.

Лиза смотрела на Арестова спокойно, но каждый из нас видел, что она растеряна. О таком у нас не распространяются, но это особое приветствие нового сотрудника. Знакомство, даже. Чтобы каждый боец понимал, на что способен коллега в критической ситуации, неважно, чем он занимается в силу своей профессии.

Вот Ярыч уже знал, что в бою девушка достаточно хороша. Не станет стоять столбом, когда потребуется помощь. А нам только по приезду предстоит испытать Лизу на прочность.

Я сжал зубы уже представляя, как буду с ума сходить эти две недели и отмерять каждый час, чтобы снова заглянуть в серые глаза. И ведь только принял решение наладить отношения с Таней...

– Ладно, давайте, ребят. У нас вылет. Бать, нам чё, докла-

дываться по прилёте?

Арестов посмотрел на Лизу и качнул головой.

– Давайте пока по старой схеме, пусть новобранец освоится немного.

Виноградова обернулась, когда мужики направились к выходу, посмотрела в мои глаза, да так и застыла. По крайней мере, что она меня узнаёт, я прекрасно вижу. Что ж. Сделать вид, что нас ничего не связывает – её полное право. В конце концов, это я поступил как мудака.

Усмехнувшись, я развернулся и тоже вышел из кабинета Бати. Наверное, тренировки с чеченскими альфовцами – это самое лучшее, что могло сейчас произойти. Они реально звери по этой части. Звери, посвятившие себя искусству войны.

Только в вертушке, я понял, что не позвонил Тане, как всегда, делал перед вылетом, чтобы она не беспокоилась. Мозги совершенно поплыли от этой встречи. И как прикажете с ней работать в итоге? Я же растворюсь в этих мыслях. Сам себя до костей обглодаю. Изничтожу.

Весь полёт, под шум двигателей, не мог перестать о ней думать. Вклинилась в мозг, въелась под кожу, не вытравить.

Что ты будешь делать с этим, Стагаров?

Дохнуть. Дохнуть, но продолжать жить, как и прежде.

Лиза

Это мир сошёл с ума или я? Я как-то даже не предполагаю

ла, что в первый же день на новой работе столкнусь с Ярычем и зеленоглазым... Сорой. От одного только воспоминания о его взгляде и крепкой хватке на руке, меня в дрожь бросает.

Конечно, я помню его. Смутно, но помню, как он тащил меня на своём плече в клубе. Поцелуй помню, и... Я по-прежнему подозреваю, что это с ним я провела ту роковую ночь. Не зря же организм на его присутствие отреагировал взрывом гормонов и перегрузкой нервной системы. Если бы не Старый, грохнулась бы в обморок от переизбытка чувств, как какая-то нежная ледь на своём дебютном балу. Да меня ещё минут двадцать потряхивало. Благо, что Арестов сразу отправил осваиваться на рабочее место.

И вот сейчас, заливая в себя уже третью чашку кофе, я не могу выгнать из головы его образ. Этот пронизывающий до глубины души взгляд и ощущение сильных пальцев, осторожно, но крепко сжимающих мою ладонь. А ведь мне было, чем сейчас заняться. Коллеги, работающие со мной в отделе, а это ни много ни мало трое парней, сразу стащили на мой стол несколько стопок архивных папок. Не для работы, нет. Для изучения порядка действий при поступлении рапортов от бойцов.

На самом деле, как выяснилось, работа очень даже нескучная. Поняв принципы, почувствовала себя паучихой, расставившей лапки на основные ниточки, с которых и буду собирать всю поступающую информацию, анализировать и координировать дальнейшую работу по всем вопросам. Вот

что имел в виду тот парень, принёсший направление на ВВК, инструменты для поимки Аргена у меня действительно есть, поскольку я здесь мозг, а руки мои – это те парни, которые будут сдавать мне рапорты. Естественно, всё не так просто, как кажется на первый взгляд. Работает множество защитных механизмов, да и я ещё три месяца буду числиться новичком, но факт остаётся фактом. Я на тёплом месте с возможностью поймать эту тощую исламистскую задницу.

– Арестов сказал, что ты быстро освоишься, – передо мной положили плитку шоколадки, а на край стола сел Старый, он же Владимир Новиков. – На обед решила не ходить?

Я прищурилась, внимательно рассматривая лицо собеседника. Серые пронизательные глаза смотрели по-доброму насмешливо, тепло. Губы, чуть растянутые в мягкой улыбке, тоже располагали к хорошему отношению с моей стороны. Старому было лет сорок-сорок пять, и намерения пофлиртовать он явно не имел, если судить по тому, как он смотрел на меня. Как-то по-отечески, что ли. Да и кольцо обручальное на пальце, выставленное так, чтобы я точно об этом знала, о многом говорит.

– Какой уж тут обед. Мне бы здесь для начала освоиться, – я развела руками, показывая на разложенные аккуратные стопки папок.

– Это, конечно, хорошее качество, Лиза, – он сделал короткую паузу, отслеживая реакцию на моём лице, и не обнаружив негатива, продолжил: – Но кушать нужно. К тому же

столовая у нас тут шикарная. Еда – пальчики оближешь.

Мда. Должно быть, я слишком хорошо демонстрирую неприязнь к своему полному имени, раз меня так быстро выкупают.

Улыбаюсь в ответ.

– Я не знаю, где столовая.

– А я провожу, – улыбается Старый. – К тому же Арестов просил показать тебе тут всё, а лучше меня никто этого не сделает.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что я здесь самый старый сотрудник, – весело ответил, разворачиваясь к дверям. – Поэтому и позывной такой.

Я мгновенно припомнила, что ЦСН основан в одна тысяча девятьсот девяносто восьмом году. Если это так, то Старый работает здесь уже больше двадцати лет, что наверняка очень ценят его коллеги.

– Должно быть, вас за это на руках носят, – хмыкаю весело.

– Ну, скорее на спине, но да, ты права.

На спине? Это была попытка в шутку или я чего-то не понимаю?

Владимир показал мне практически всё, включая тренировочные площадки. Гулять по центру в обеденное время оказалось сплошным удовольствием. Учитывая, что столовая расположена в отдельном здании, и смахивает больше на

кафе, нежели на советское наследие, коим могло похвастаться и моё управление, я была готова даже на длительные прогулки.

Еда и впрямь оказалась вкусной, а атмосфера спокойной и приятной. А ещё нас ждали. Север, он же Виктор, Сокол, он же Иван, Лёша с позывным Боров и недовольный моим присутствием Ярый, которого, как выяснилось зовут Тимофей.

– Ярый, смотри кто идёт, – смеялся Сокол, откинувшись на спинке стула. – Гроза альфовских костей. Прячь конечности!

– Да заткнись ты, – ответил тот беззлобно. – Мне Волка хватает с его дурацкими шуточками.

Пообедали мы относительно спокойно. Ребята ненавязчиво интересовались, как я попала к ним в ЦСН и что заставило меня согласиться. Я вежливо отшучивалась, что сама всегда хотела попробовать. Не раскрывать же мне им подробности в самом деле.

Старый шутил, что здесь всё спланировано так, чтобы занять сотрудников физической активностью. А ведь действительно. Здесь даже КПП больше похоже на лабиринт минотавра. И если в первый миг кажется, что архитектор был параноиком, то сейчас становилось ясно что, с точки зрения безопасности, всё продуманно как нельзя лучше. Единственное, что было странным – огромные свободные пространства, но чуть позже, когда мы возвращались, я поняла зачем нужны широкие улицы среди зданий. Для тренировок. Если

вы не в курсе, то ЦСН это огромная тренировочная площадка, где бойцы спецназа отрабатывают всевозможные опасные ситуации, используя все доступные тактические средства. И это не просто автоматы и дымовые гранаты. Я говорю о тяжёлом транспорте.

И здесь почти всегда слышно стрельбу. Всё время пока мы со Старым находились на улице из зданий доносились звуки боя. Это сильно отвлекало от собеседника и... Заставляло сердце стучать в тревоге.

Когда вернулась на своё рабочее место, обнаружила, что мне донесли ещё несколько папок, в которые я и погрузилась. Информация – это всегда хорошо, даже если совсем не хочется её осваивать.

Коллеги отнеслись ко мне дружелюбно. Всё время интересовались не нужна ли мне помощь или предлагали передохнуть в курилке. Поскольку я не курила, то предпочитала отдыхать у окна с телефоном в руках. К тому же, Прокопенко завалил меня тонной вопросов в мессенджере о моём первом рабочем дне. Стоило перечислить плюшки, как этот засранец взял с меня слово, что с первой зарплаты я проставляюсь на дорогущий виски, а я, между прочим, после последнего раза пить не хотела совершенно. Та ночь надолго отбила желание употреблять, пусть хоть трижды от мыслей взрывается голова.

Когда рабочий день закончился, а я выглядела, как растеранный зомби, меня к себе на ковёр вызвал Арестов. Как

оказалось, чтобы поинтересоваться моими впечатлениями.

– Старый сказал, что тебе у нас понравилось, – хитрый лис встал из-за стола и подошёл к окну, молча ожидая, когда я соизволю ответить.

– Да, очень необычно. Я себе ЦСН несколько иначе представляла.

– Как казармы? – усмехнулся он. – Да, большинство бойцов проживают на территории. Кто-то с семьями, кто-то нет. Ради их удобства всё и замышлялось, – он повернулся и посмотрел в мои глаза, – Что по поводу жилья, Лиза? Ваклонский говорил, что ты снимаешь квартиру. Если нужно, я распоряжусь.

Я застыла на месте, прикидывая от скольких проблем избавлюсь одним махом. Это было бы крайне удобно, но в свете того, что я не планировала здесь надолго задерживаться, не видела смысла что-либо менять.

– Пожалуй, я...

– Нет, ты подумай хорошо. Торопить я тебя не буду.

– Я бы согласилась, Пётр Николаевич, но мы оба знаем, что я здесь ненадолго.

Арестов усмехнулся, явно думая иначе. Впрочем, какое мне дело до его мыслей. Не смогу я здесь долго, мне на землю надо. А земля, как известно, не та сфера деятельности, где есть место сотруднику аналитического отдела ФСБ.

– Мы подпишем договор на три года. Даже, если надумаешь уйти раньше, никто с жилплощади гнать не станет.

– Я согласна! – выдохнула, резко изменив курс мыслей.

Лиза Виноградова душой никогда не была. Дают – бери!

Бьют – беги!

– Завтра дам распоряжение кадровикам, на неделе нужно будет рапорт написать, а ещё через неделю получить договор и ключи.

Я удивлённо моргнула, не совсем понимая. Хитрый лис моё замешательство оценил, улыбнулся и руками развёл.

– У нас всё быстро, Лиза.

Выходила из его кабинета я слегка потрясённая, думая о том, что вещи в квартире нужно собирать уже сейчас и Прокopenko перед фактом поставить, чтобы с переездом потом помог, а не мазался, что у него работы дохрена.

Рабочая неделя пролетела, как один миг. Пока разбира-лась в своих обязанностях немного сдружилась с коллегами по отделу. Удалось понаблюдать за ходом двух различных операций по вскрытию террористических ячеек. Такой отла-женной оперативной работе можно только позавидовать. И это я молчу непосредственно про группу, которая ездила на задержание.

Отдел кадров тоже порадовал. Никаких проволочек с до-кументами и справками, что удивило. Рапорт написала уже в четверг, пообещали, что в самое ближайшее время предо-ставят договор на аренду, который нужно будет заверить в каком-то там КЭЧ. Что это за департамент для меня загадка,

но мне клятвенно обещали, что всё объяснят, когда придёт время.

Что касается Аргена... Тут всё несколько сложнее. Арестов категорически запретил лезть в это дело, пока я не освоюсь на месте. Он искренне считал, что недели мало, а ещё почему-то настаивал на том, чтобы дождаться ребят с соревнований. При каждом упоминании об их возвращении, у меня подскакивал пульс. Я почему-то была уверена, что моя жизнь перевернётся, когда это произойдёт. Кстати, с ними меня обязали поддерживать связь. Поэтому каждое утро начинается не с кофе. Ох, не с кофе. Оно начинается с их отчётного звонка по внутренней связи.

Довольно простое действие. Я принимаю вызов, слушаю устный рапорт и вношу в базу общую информацию о состоянии бойцов и подробных планах на день, включая обстановку внутри коллектива. Единственное, что мне не нравилось, так это то, что командир отряда позволял себе ласкательное «Лизочка». Я очень надеялась, что остальные члены команды не переймут эту привычку.

Обеды через раз проводила в компании альфовцев. Всё же график у них был сменным и кардинально отличался от моего. Коллега по отделу в четверг вечером заметил, что обычно отношения у них напряжённые, потому что рапорты сдавать не любит никто, и часто приходится буквально трясти ради детальных описаний.

В общем, работа в центре специального назначения та

ещё. Особенно весело, когда в четверг вечером тебя тащат на тренировочный корт, где вышибают душу и мозги. И если второе объяснимо спаррингом, то первое... первое это вообще, как отдельный вид наркоты. Тебе дают в руки оружие на выбор, ставят на позицию и с интересом следят за результатами. А я, надо сказать, всегда меткой была. Но вот Винторез мне в руки дали впервые!

И если вы удивились, то представьте какого было мне, когда я с детской непосредственностью и наивным вопросом в глазах ткнула на сей шедевр тактического оружия пальчиком, а мне понимающе усмехнулись и протянули эту реликвию. Я чуть не запищала от восторга!

– Хороший выбор, – улыбнулся мужчина, как бармен за прилавком с дорогостоящими напитками.

Конечно, хороший! Это же легенда!

Ребята, видя неподдельный восторг в моих глазах, столпились за спиной и всячески подбадривали, хотя в наушниках разобрать болтовню практически невозможно. Да и шум выстрелов срезает произносимые слова.

В общем, Винторез с моих руках, заставил напрочь обо всём забыть.

Пятница для меня, вообще, пролетела незаметно, потому что в этот день случилась проверка под названием «запланированная эвакуация». Если у нас в управлении подобные явления встречали едва ли не с аплодисментами и фанфарами, потому что выдавалось свободное время на «поды-

шать» свежим воздухом, то здесь всё было несколько иначе. А именно, сотрудники отдела, принимались вытаскивать из сейфов и компов важную информацию, теряя драгоценные минуты. На мой удивлённый взгляд разводили руками и отвечали «Не спрашивай». Я, собственно, не спрашивала, наблюдая за преступной, на мой взгляд, неторопливостью действий. Когда стопки папок и электронные физические носители были собраны, мы вышли в коридор, затем на аварийную лестницу, которой, к слову, в обычное время никто никогда не пользуется, ибо находится она в самой дальней части здания, имеет весьма крутые ступени и, вообще, выходит на задний двор, где никого и никогда нет. Уже там народ собирался в группы под руководством начальников различных отделов, куда примкнули и мы. Оказалось, что нужно было отчитаться о том, кто и что успел собрать.

Как выяснилось чуть позже, такие проверки нецелесообразны, потому что в случае возникновения чрезвычайной ситуации, мы либо даже до первого этажа не дойдём, потому как проблема будет устранена в считанные минуты пожарным расчётом напротив, либо спецотрядами на дежурстве, либо умрём за короткие секунды в случае взрыва.

В общем, вялость сотрудников ясна. Леня, она, знаете ли, разной бывает!

На выходных с Прокопенко встретится не получилось. Они с Яной свалили из города на кемпинг, пока у Женьки было время. Не скажу, что не нагрелась на них, могли бы и

с собой взять. С другой стороны, я понимала, что парочке хочется провести время наедине. Поэтому два дня я занималась тем, что собирала и упаковывала вещи, готовясь к переезду, смотрела фильмы и всячески отгоняла от себя мысли о проклятой запонке, которая нет-нет, да всплывала в мыслях. А всё из-за Прокопенко, чтоб его гады покусали. Надо было ему заикнуться, что-таки выловил заместителя директора фармацевтической компании и даже имел беседу с женщиной, которая наотрез отказалась рассказывать хоть что-то?

Короче, все выходные меня не отпускала эта ситуация, а в понедельник, когда меня вызвали в отдел кадров, стало уже не до того.

Миловидная женщина лет сорока, протянула мне договор на аренду жилого помещения и мило улыбнулась.

– Внимательно изучаете, подписываете и несёте в КЭЧ, где вам выдадут ключи. Это можно сделать уже сегодня, если начальник вас отпустит.

У меня, надо сказать, слов не было. Наверное, если бы я сама искала квартиру где-то поблизости, потратила бы времени куда больше.

У начальника отдела мне удалось отпроситься только благодаря коллегам. Воронов оказался принципиальным мужиком, но коллективного давления и упоминания о том, что Арестов ускорил процесс получения жилья, сделали своё дело. В квартирно-эксплуатационную часть я примчалась, аки счастливая козочка сразу после обеда. Сделав всё как надо,

и получив ключи, тут же принялась вызванивать Прокопенко, который вместо того, чтобы порадоваться вцепился мне в ухо.

– Ага, молодец, Виноградова. Короче, тут такая задница, Мелкая, у меня слов русских нет, чтобы описать.

– Чего? – нахмурилась я, пропустив неприятное обращение мимо ушей.

– Замдира фармацевтической фирмы, она же Полозова, раскололась. Запонки эти с зажимом были куплены в качестве подарка для одной из мелких сотрудниц, некой Грачёвой. Та помогла ей сильно с контрабандой какого-то лекарственного препарата из-за рубежа. Это дело сейчас передали на проверку, но не в этом суть. Попытались пообщаться с подозреваемой, но та в отказ пошла, мол не получала никаких подарков и в целом понятия не имеет в чём дело.

Я хмыкнула задумчиво и вперила взгляд в подъездную дверь дома, где находилась моя новая квартира.

– Наблюдение выставили?

– Обижаешь! Сегодня же всё оформили, – протянул Женька и вздохнул. – Виноградова, у тебя есть хоть малейшая мысль на эту тему?

– У меня их много, – склонила голову вправо, когда из подъезда вышла мамочка с ребёнком за руку. – Во-первых, нужен повторный допрос или протокол от коллег, которые теперь будут заниматься замдирой. Есть вероятность, что женщина врёт и пытается кого-то прикрыть. Во-вторых, не

исключать возможность правдивости данного заявления. И простой фармацевт на деле может оказаться контрабандистом, замешанным в связях с преступной группировкой. Тоня Селезнёва тоже была простым начальником отдела кадров торгового комплекса, если ты помнишь. В-третьих, кто сейчас ведёт дело?

За всей беготнёй я как-то совершенно забыла об этом вопросе.

– Третьяков, конечно, кто ж ещё. Ваклонский после того инцидента ещё нескоро доверит подобные дела Потапову, а я как-то не особо в теме, чтобы перехватывать налету.

Я только хмыкнула в ответ на это.

– Если Третьяков ведёт, то я переживать не буду. Он с самого начала в группе был, думаю разберётся. Меня другой вопрос волнует.

– Какой?

– Селезнёва умерла от укола в шею. Я результаты экспертизы так и не видела, что там было-то?

– Э-э-э, – протянул Прокопенко, и я сразу представила, как он почёсывает затылок с виноватым видом. – Слушай, ну я название не помню. Какая-то недоступная для продажи дрянь.

Задумалась. Вздохнула.

– Ведите наблюдение, пробивайте связи. Вы, конечно, и сами это знаете, Жень, но у меня других советов в наличии нет.

Прокопенко тоже вздохнул, понимая, что гениальных идей не будет, и уже хотел со мной распрощаться, как я напомнила ему о необходимости помочь с переездом.

Приятственный стон безысходности для моей светлости был усладой.

– И когда?

– Ключи у меня на руках. В идеале, сегодня. Но я помню, что тебе нужно Яну с работы забрать, поэтому разрешаю помочь мне завтра.

– Разрешает она, – фыркнул друг и, чирикнув что-то про наглость некоторых, сбросил вызов.

В квартиру я поднималась с улыбкой, даже не представляя, как она выглядит изнутри. Боялась, конечно, что всё довольно серо и уныло, но меня обнадеживало, что постройка новая, а значит и отделка свежая. К счастью, однокомнатная квартира оказалась светлой и просторной. Всё, как я люблю.

Из мебели был простой кухонный гарнитур, а из техники новая электроплита. Всем остальным себя должен обеспечить сам квартирант. Ну и хорошо. У меня есть всё, что нужно для жизни, а чего нет, я готова докупить на накопленные за семь лет средства. Я взрослая девочка, которая больше не перед кем не несёт ответственности, могу себе позволить.

подавив плохие воспоминания, я выглянула в окно. Взгляд тут же выхватил на детской площадке виденных мною маму с дочкой, выходивших не так давно из подъезда.

Вздохнула, подумав, что тоже хотела бы завести семью. Когда-нибудь, когда посчитаю, что прошлое отпустило, а я готова взять на себя роль матери.

Ещё раз осмотрев квартиру, я покинула её, надеясь, что уже завтра вернусь сюда с вещами. Если, конечно, Прокопенко не подведёт. Этот обалдуй способен, особенно если дело касается Янусаика. Носится как с писаной торбой. Яна то, Яна это...

М-да.

Нельзя бабникам влюбляться.

Никак нельзя.

Они же весь свой привлекательный образ гордых самцов теряют и превращаются в податливое желе, из которого можно всё что душе угодно стряпать.

Вспомнив Ярого, прыснула в кулак, немало удивив прохожих. Боюсь представить каким он станет. Ребёнок же. Как есть ребёнок.

– Прокопенко, не будь придурком. У нас и так времени мало, – вздохнула я, наблюдая, как этот му... мужчина с детской непосредственностью напялил коробку на голову и кривлялся перед малышнёй на площадке.

– Да ладно тебе, Мелкая. Вещи всё равно некогда разбирать будет. Сегодня ты точно не успеешь.

Почувствовав недобрый взгляд водителя на себе, я обернулась, улыбнулась ему виновато и махнула рукой в сторону Женьки.

– У него это сейчас пройдёт.

– Надеюсь, – усмехнулся он в усы, продолжая следить за концертом.

Детишки весело хохотали и хлопали в ладоши, пока оболтус изображал пантомиму багнутого робота, а я изо всех сил сдерживалась, чтобы не наорать на Женьку и не треснуть ему пару хороших, увесистых таких, подзатыльников, потому что время, как говорит наш Жутобелка, не ждёт.

Нет, я, конечно, понимаю, что любовь к детям у каждого разная, но у Прокопенко определённо есть талант притягивать к себе мальчишек и девчонок, словно магнитом. И порой он так увлекается, что теряет во времени и пространстве. Уверена, что первый ребёнок у него будет избалованным и самым счастливым.

И откуда только такие качества берутся у парней, а?

Вздыхнув, сложила на груди руки и едва не подпрыгнула, когда за спиной открылась дверь. Из подъезда вышла высокая блондинка, смерившая меня холодным взглядом. Она посмотрела на оставшиеся дожидаться Женьку коробки и коротко обернувшись через плечо, взглянула на меня ещё раз. Должно быть, новые соседи здесь явление редкое и крайне занимательное.

– Прокопенко, твою дивизию! Завязывай с показательными выступлениями. Все давно поняли, что мозгов у тебя в черепной коробке ни грамма.

– Сказала та, кто каждый день мне их чайной ложечкой ковыряет, – усмехнулся раздолбай с ксивой в кармане.

Тем не менее, оставил в покое несчастную запасную коробку, улыбнулся ребятам и пошёл заносить остальные вещи.

С переездом мы закончили достаточно быстро. Пришлось отпаивать несчастного, цитирую: «отэксплуатированного до изнеможения» бедолагу, а после распаковывать коробки уже в полном одиночестве, поскольку кое-кому нужно было забирать Яночку с работы.

Через пару часов, когда мой желудок требовал еды, а тело отдыха, я всё же решила оставить попытки привести новую квартиру в порядок. Взяла смартфон и пошла искать ближайший универмаг. Надо сказать, что на территории ЦСН был какой-то магазин, но продавец сообщила, что у них ре-

визия.

Универсам нашёлся за КПП. Набрав два пакета продуктов, я смело двинулась в аптеку, где столкнулась с той самой девушкой, что окатила меня холодным взглядом, когда мы выгружали коробки у подъезда.

Здороваться со мной не стали, поэтому я без интереса рассматривала прилавки с препаратами, когда поняла, что она здесь надолго. Подбор витаминов для беременных, оно такое.

Вздыхнув, я мысленно попрощалась с так и не приобретёнными таблетками от мигреней и развернулась на выход, жалея, что так и не накопила себе на мазду. А ведь могла уже. Если бы не этот...

Выдохни, Виноградова. Сама виновата, что позволяла отцу тобой манипулировать. Вспомнить только, как он слёзно вымаливал деньги на лечение от алкоголизма в клинике. Повелась, как малолетка.

И ладно бы в первый раз. Так ведь он постоянно подобное проделывал.

Первая ночь, как и все последующие, прошла хорошо. Новая квартира не вызвала во мне тоску одиночества или хандру, что было странным. Обычно на в такой ситуации я чувствую себя препаршиво, но не в этот раз. Возможно, это моё место. Возможно, сюда я всегда и тянулась.

Работа тоже была не в тягость, но по земле я всё же скучала. Не хватало мне динамики, адреналина. Работа с бумажками и ежедневный выход на связь с группой меня теперь

не так нервировали, но это вовсе не значило, что я настораживалась всякий раз, когда ребята в столовой намекали на возвращение группы.

В общем, было нервно. Особенно когда Воронов на утреннем собрании отдал приказ, от которого сердце попыталось вырваться из грудной клетки.

– Соревнования закончены. Возвращай ребят, праздновать завершение дома будут.

Я смотрела на начальника, закусив щёку изнутри. Нет, о том, что этот день настанет, я знала. Именно поэтому ничем не выдала своей нервозности, когда Воронов отдавал указания коллеге, отвечающему за передвижения группы. Но, господи, одна только мысль о том, что я встречу глазами с Сорой рождала во мне такую бурю эмоций, что довольно часто я ловила себя на желании написать заявление и скрыться в неизвестном направлении.

Останавливало только то, что к моменту их прибытия мой рабочий день будет окончен, а завтра я успокоюсь.

Наверное.

Во всяком случае, смею на это надеяться. Очень уж не хочется быть настолько слабой девочкой, неспособной справиться с собственным гормональным бунтом.

Только выйдя из кабинета, я поняла, что думала о нём весь день. Вот вьелся в мозг, как коррозия в металл и хрен избавишься, как не старайся. Даже идя домой, я постоянно

ловила себя на том, что оглядывала окрестности в поисках компании ребят, в которой поймаю пробирающийся до дрожи взгляд.

И только дома, бросив ключи на тумбочку, стянув обувь и ветровку, я рухнула в кресло и положив ноги на журнальный столик, откинула голову на спинку.

И зажмурилась, когда девять кругов мысленного ада по имени Сора возобновили свой вихрь в голове.

И что со мной не так, а?

– Нет места милее, чем дом. Да, Дём?

Анчар хлопнул Стаса по плечу и понимающе ухмыльнулся, когда тот в очередной раз поднял трубку и поприветствовал собеседницу улыбкой.

– Да, Ань. Нет, я в течение часа буду дома. Кто? Давай без гостей, родная, я очень... – Дем бросил на замолчавших парней взгляд, но всё же продолжил. – ...соскучился.

Парни понимающе заржали, я же усмехнулся, не разделяя его чувств.

В последнее время с Таней всё как-то неладно. Разговоры не клеятся, настроение не тянется. По большей части мы молчим перед сном, что определённо не нравится не мне, ни ей. А по ночам... По ночам я и вовсе не с ней. По ночам я неверен, потому что сжимаю в руках другую. Чувствую за-

пах её кожи и вкус поцелуев...

Коротко потрянул головой, подхватил сумку и захлопнул личный шкафчик с экипировкой.

Рано или поздно, это наваждение схлынет, я уверен. Не может же быть вечным то, что случилось всего единожды. Любые, даже самые болезненные вспоминая со временем меркнут. Почему сейчас должно быть иначе?

Домой я не торопился. Решил заглянуть в продуктовый и купить чего-то вкусенького. Таня не умеет готовить, и вряд ли будет встречать домашними пирогами и горячим борщом. А мне как никогда хотелось тепла. Того тепла, которое согреет изнутри, и я не очень уверен, что еда в этом хоть чем-то поможет.

Подходя к кассе, скользнул взглядом по стеллажам с крепкими алкогольными напитками и сам себе удивился, когда в голове возникла мысль купить чего-то такого. Но нет. Одно дело, когда с друзьями и под знаменательное событие, другое, из-за долбанного одиночества, которое превращает душу в сосущую пустоту.

В такие моменты обычно замечаешь, что небо перестало быть синим, а солнце греть, как раньше. Люди вокруг больше не улыбаются, погруженные в свои проблемы, а дети... Даже дети кажутся более взрослыми. Интересно, будь у меня свой ребёнок, я видел бы его таким же? Когда у них заканчивается пора радости и беспечности? Когда мир точно так же, теряет яркие краски? Я сам не помню, и вряд ли когда-нибудь

познаю это, глядя на собственных детей.

Тряхнул головой, ставя корзину с продуктами на кассу. Девушка с приклеенной улыбкой и короткими взглядами, избегающими моих глаз, пробила всё и назвала сумму к оплате. Доставая банковскую карту, невольно подумал о том, что можно прогуляться до ещё одного магазина... и вдруг понял, что не хочу домой. Не хочу идти туда, где нет никакой радости. Лишь чувство вины, что ничего не получается... что изменил. Что не могу подарить кусочек счастья той, кто этого заслуживает.

Подхватив пакет, я отошёл от кассы и наткнулся взглядом на невысокую фигуру, в которой сразу узнал Виноградову. Она тоже только что рассчиталась за покупки и направилась на выход. И мне бы оторвать взгляд, найти что-то более примечательное, но колотящаяся мышца в груди, разгоняла кровь и адреналин по венам. Я хотел на неё смотреть. Желал насытиться её образом, пусть и со спины. И узнать, куда она направилась такая задумчивая и неторопливая.

И я шёл, как тогда, в клубе, увидев её невменяемой. Шёл вопреки доводам разума. Шёл, видя перед собой только её. Вспоминая вкус её губ, вспоминая мягкость кожи и сладость стонов. Шёл и понимал, что... мы идём ко мне?

Сердце забилося с утроенной силой уже где-то в горле. Я не понимал, что происходит, когда прибавил шаг и поймал уже закрывающуюся дверь. Быстро поднялся на площадку и остановился позади Лизы не скрываясь. Дыша прямо ей в

затылок.

Я чувствовал знакомый аромат этой охламонки и старался не делать поспешных выводов, но всё равно не мог отделаться от мысли, что она зачем-то направляется к Тане. Рассказать о нас? Подорвать наши отношения? Зачем?

Виноградова медленно повернулась, чувствуя угрозу и посмотрела в мои глаза, раскрыв свои от удивления.

– Сора?

Лифт остановился и открыл двери в приглашении.

– Слава, – поправил я бывшую оперативницу и грозно двинулся на неё, рукой подталкивая внутрь клетки, которую она сама для нас вызвала.

Глядя только в её глаза, я нажал на какую-то кнопку и дождавшись, когда лифт поедет, прижал Лизу к стене, стараясь не касаться её своим телом, хотя, бог знает, как сильно мне этого хотелось.

– Что ты делаешь? – хрипло спросила она, будто в самом деле хотела знать.

Не хотела. Я по глазам видел, что её чувства были далеки от интереса. Как и мои. Казалось, я весь настроился на неё. Вижу, чую, чувствую.

– Я тоже хочу знать, что ты делаешь. Здесь?

– Я...

– Если это то, о чём я думаю, то ты просто дура, Виноградова, – выдохнул я.

На долю секунды её зрачки расширились, а затем она под-

жала губы и задала вопрос:

– А о чём ты думаешь?

О том, что ещё немного и я на всё наплюю. На все принципы и обещания. На мораль. На чувство собственного достоинства. Просто потому, что она в грёбаных трёх сантиметрах от меня, и я могу прямо сейчас почувствовать вкус её губ и тепло нежной кожи. Но я этого не делаю. Не делаю, мать твою, потому что не хочу нас обоих ненавидеть.

– О том, что ты направляешься ко мне домой. К моей девушке, чтобы рассказать о произошедшем между нами. Так?

– Да я...

– Оставь эту идею, поняла? Если она узнает, я приду к тебе, Лиза. Приду, и за себя не ручаюсь...

Кажется, угроза подействовала совсем не так, как я ожидал.

Конечно, я вовсе не то имел в виду. Если бы существовал хоть какой-то шанс, что мы с Таней расстанемся, я приду к ней. Действительно, приду, но вовсе не за тем, чтобы мстить.

– Да пошёл ты! – Виноградова едва не плюнула мне в лицо и оттолкнула в грудь ладонью, ожидая, что я отступлю.

И я должен был это сделать. Должен был позволить отстранить себя от поджатых губ и яростного взгляда. Но что-то в моей голове щёлкнуло ещё при первой встрече, спустив с крючка маховик, на который и наворачивались мои собственные внутренности.

Отрываться от неё больше с каждой встречей.

И я не хочу. Не хочу терять это ощущение.

Толкнул ладонью в плечо, снова прижимая к стене и сделал наконец то, чего так хотелось. Завладел губами, вкус которых не выветрить даже самыми сладкими ягодами. Даже амброзией, доставленной прямиком с Олимпа.

Я хочу дышать ею, пока не наполню лёгкие до отказа. Впитать в себя. Забрать, украсть, спрятать, пока не отняли. Или пока сам не очнусь от собственного сумасшествия.

– Пусти... – хриплая просьба, наполненная ложью, соскользнула в мой рот.

И я не верю. Не верю, мать твою, потому что тонкие хрупкие пальцы сжимали воротник моей же рубашки и тянули вниз, не позволяя отстраниться. Меня пробирало смехом изнутри, но я держал его в пределах улыбки, обрывая её каждую секунду, когда скользил языком по бархатным губам.

– Ты сумасшедший... Отпусти меня.

Сделал глубокий вдох, наполняя лёгкие её запахом и оторвался от наркотика, перед которым не смог устоять.

– Тебя из кокаина сделали, что ли, Виноградова?

– Да иди ты, Стагаров, – хмыкнула она, а затем с резким выпадом снизу врезала мне в челюсть. Да так, что звёзды перед глазами засверкали. – Я просто домой поднимаюсь.

И как пальцы себе не переломала? Не поморщилась ведь даже. Взял в руку упомянутые и внимательно осмотрел на предмет повреждения или разбухания, пока до меня не дошёл смысл сказанных слов.

– Домой? – вскинул взгляд и уставился в бездонные серые глаза, явно где-то что-то растеряв. Не удивлюсь, если то был рассудок.

– Домой, Стагаров, – выдала хрипло охламонка. – Переехала я сюда. Думаешь, тебе одному квартиру по службе арендовать можно?

– Нет, но...

– И, если ты ещё раз, – она отняла пальцы из моей ладони и ткнула указательным мне прямо в грудь. – Посмеешь мне угрожать, я тебя по стенке размажу, Сора. Мне плевать, что у нас что-то с тобой было. Пофиг. Вообще! Если я не помню – значит не было! – процитировала она строчку из песни.

– Не помнишь? – тупо переспросил я. До меня не доходило, как такое возможно.

Нет, она, конечно, была пьяна, но не настолько, чтобы забыть о том, с кем девственность потеряла. Или?..

– Забей, Слав. Просто забей, и давай никогда не вспоминать о произошедшем, – выдохнула девушка. – А теперь будь добр, нажми на кнопку шестого этажа. Я домой хочу.

И я сделал это. Нажал треклятую кнопку и даже, когда лифт поднимался на заданный этаж, а я пристально смотрел в её глаза, нашёл в себе силы пропустить её мимо себя. Не задавая вопросов. Не пытаюсь что-то понять. Просто позволить снова уйти, оставив мне пустоту в душе, как после ядерного взрыва.

Я проводил взглядом её до квартиры, придерживая две-

ри подъёмника, и вернулся внутрь, только когда увидел куда именно зашла Виноградова. Нажал на кнопку седьмого и прикрыл лицо ладонью.

Сколько ещё раз, эта сука судьба, будет издеваться надо мной? Почему, мне просто нельзя остаться в стороне, как иногда случается у нормальных людей? Почему охламонка обязательно должна появиться на горизонте, когда я почти справляюсь со своей ломкой?

Вздохнув, я вышел из лифта и достал ключи от квартиры с усмешкой подумав о том, что Лиза теперь будет свидетелем моих ночных блужданий, когда мучает бессонница.

Стерва судьба даже здесь подставила мне подножку, заселив её в квартиру этажом ниже. Какие ещё повороты меня ожидают?

На пороге ждала Таня. Почему-то взгляд её был растерянным, и мне это не очень понравилось.

– Привет, – улыбнулся я, стараясь не подавать виду, что мне сейчас крайне тяжело играть роль верного и любящего супруга.

Смешно.

– Я видела тебя в окно. Ты долго.

– А, – махнул я рукой, стаскивая с себя ветровку. – Дем позвонил. Сказал, что на днях хочет собраться и отметить удачную командировку.

Здесь я только немного соврал. Мы действительно договорились встретиться, чтобы посидеть за парой чашек креп-

кого кофе или пары стаканов пива, но это было ещё перед посадкой группы на вертолёт.

Таня заулыбалась и обняла меня, чмокнув в губы. Её горящий радостью взгляд был красноречивее любых слов. Она рада, что я вернулся. В этом нет никаких сомнений.

— Проходи. Я заказала ужин... — она глубоко вдохнула, явно справляясь с эмоциями и останавливая себя от необдуманных слов. — Мне нужно тебе что-то сказать, и я уже не могу терпеть.

— Да? — я вскинул бровь и прошел в ванную, чтобы помыть руки. — Ты вся светишься от счастья.

Таня не ответила. Да мне уже и не нужно было. Я растерянно смотрел на упаковку от теста на беременность и складывал два плюс два, уже зная ответ, но не веря, что он возможен.

Неужели у меня будет ребёнок?

Захлопнув дверь, я прижалась к ней спиной, чувствуя, как неистово колотится сердце в груди. В последний раз такое было, когда меня держали на мушке пистолета, и то в тот момент я искренне считала, что всё будет замечательно, а сейчас такое ощущение, что я рухнула с небес прямо в ад.

Нет, это безусловно было фатальной ошибкой провести ночь с кем-то, вроде него. С женатым мужчиной. Моё пьяное я, видимо, не считает подобное преступлением, а вот мои

принципы ему невдомёк.

Выдохнув, я бросила ключи на тумбочку и прошла в комнату, где сев в кресло, задрала голову и уставилась в выбеленный потолок. Меня не отпускало чувство, что я что-то сделала не так. Странная и с головой охватившая тревога, будто есть необходимость что-то исправить.

Хмыкнула и прикрыла глаза, стараясь отогнать от себя ощущения, испытанные, когда его горячие губы коснулись моих, чтобы жадно поглощать сбитое дыхание.

– Сумасшедший, – выдохнула в пустоту. – Один из нас сумасшедший.

– «Это не трудно, Лиза», говорили они. «Стандартный норматив», говорили они. А то, что стандартный он для спецназовца тактично умолчали. Гады! – шипела я, переставляя ноги по верёвочной лестнице. – Кто вообще придумал эту херню с посвящением? Я девочка, суки! Я на ручки хочу, а не вот это вот всё!

Опасливо глянула вниз и сглотнула.

Предыдущее решение не смотреть туда было истинно верным. Я ж высоты боюсь, а здесь метров десять, не меньше! Ещё и экипировку одеть заставили, будто я так в повседневке хожу.

– Давай, Виноградова! Ещё два препятствия и рукопашка, – весело орал Польш, предвкушая тот лютый северный песец, который собирался мне устроить.

Я даже думать не хотела, что будет, когда меня поставят в спарринг с кем-нибудь из тех амбалов, что забавляясь подпирают стенку чуть левее от площадки.

Пришли на цирковую обезьянку посмотреть?

Суки!

– Давай, Виноградова! Покажи, как настоящие спецы работать должны!

Они ещё и подкалывают. Ну молодцы, ничего не сказать.

Я подтянула свою тушку на руках и забралась на армо-

пояс, предназначенный для передвижения бойцов на высоте. Выдохнув пошатнулась и едва не рухнула вниз. Перепугались в этот момент все. Абсолютно! Даже Польц, похоже, чуть язык себе не откусил, судя по выпученным глазам. Про себя я вообще молчу. Здесь не предусмотрены никакие страховки, кроме верёвок, что тянуться до самой земли и нужны исключительно для тренировки быстрого спуска.

– Виноградова, умрёшь – к нам не приходи! – крикнул Польц. – Нам тут мстительные духи не нужны.

– Страховку нужно предусматривать! – рявкнула я вниз. – Тогда и духов мстительных не будет!

– У нас, Лиза, трусов и неудачников не берут... – начал Старый, но я перебила его обиженным:

– Я девочка!

– А девочки в органах работают исключительно на бумажных должностях! – высказал своё мнение Волк, скрестив руки на груди.

И под такими девочками он явно имел ввиду не только сотрудников женского пола.

Началось, блин! Исключительно на бумажных должностях работают тыловые хомячки, не желающие подставлять свою жопу под пули, а бошки под кулаки. И я ничего не имею против таких людей, они хорошими бывают, но такая работа не для меня. Я люблю драйв и нестандартные ситуации, а не разбирать папки с делами на столе в архиве, как это делаю я у Арестова в силу некоторых причин.

Тьфу!

Мужики рассмеялись, но продолжили пристально следить за тем, как я встаю на железную перекладину. Утерев пот со лба, я поправила съехавший шлем и расставила руки, чтобы не терять равновесие, двигаясь вперёд, как цирковой ловкач. Правда, мой замысел накрыли медным тазом, басисто крикнув:

– Автомат!

Млять!

Вздохнула и взяла АК в руки, и держа его наготове, двинулась вперёд, стараясь отгородиться от реальности.

Здесь нет высоты, мать твою. Сантиметров сорок от силы. И вовсе не страшно, Лиза.

– Лиза, расслабь ноги! Шаги пружинистые и плавные. Представь себя космонавтом на луне, – дал инструкции Старый. – И думай о том, что высоты нет.

О, он понял. Интересно, а другие сообразили, каково мне сейчас? У меня кровь в ушах стучит, а душа от страха вцепилась в позвоночник. Не то, чтобы я была в ужасе, но... я была именно в нём.

Раз, два, три...

– Мать моя женщина! – выдохнула, увидев перед собой обрыв металлической конструкции.

– Прыгай, Виноградова! – подсказал Стрела.

И спасибо ему, конечно, но жить мне ещё хотелось.

– А костры инквизиторские будут? – нервно спросила, не

удержавшись от язвительности. – Я бы лучше через них прыгала.

Несколько секунд я смотрела на эту «сорокасантиметровую» пропасть под ногами и... Чертыхнувшись, развернулась на сто восемьдесят градусов, чтобы трусливо сбежать. Правда, увидев, что я уже успела миновать и какое расстояние до земли мне придётся преодолеть, я села на корточки и вцепилась в металлическую конструкцию, что несколько минут назад служила мне дорогой.

– Сора, она сама должна справиться, – крикнул кто-то внизу.

Я взглянула туда, чувствуя подступающий к горлу ужас, и увидела, как Стагаров направляется к железной лестнице на противоположной стороне армопояса.

– Сора... Виноградова, тебя снять? – с нескрываемым сомнением спросил Польц.

Издевается? Я лучше спрыгну, чем признаюсь, что боюсь.

– Сама справлюсь. Сейчас выдохну, ребят, и спущусь.

Но, чем больше я сидела, вцепившись в проклятую железку чуть ли не зубами, тем меньше мне хотелось оттуда слезать. Высота будто стала ещё больше, набирая по несколько метров с каждой секундой.

Или это голова начала так кружиться?

– Лиза, посмотри на меня, – мягко позвал боец.

Я обернулась и с удивлением отметила, что Сора привязал надёжную верёвку к конструкции под ногами, а сейчас

зачем-то держит в руках другой её конец с карабином.

– По верёвочной лестнице возвращаться ещё страшнее. У нас три варианта. Первый – воспользоваться быстрым спуском по верёвке. Второй – миновать этот обрыв и спуститься нормально. Самое страшное именно эта часть.

– А третий? – спросила я, недоверчиво косясь на карабин в его руках.

– А третий – позорно ждать бригаду МЧС, – улыбнулся он. – Так что? Доверишься мне или...

Выдохнула сквозь зубы и отвернулась.

Он действительно считает, что я поведусь на это спокойное заверение? Мне страшно, мать твою. Когда сюда забиралась, даже не думала, что всё настолько плохо.

– Виноградова, ты в курсе, что о таких вещах говорить надо? – заорал Польш. – Представляешь сколько хлопот нужно, чтобы МЧС сюда вызвать?!

– Лиза, возьмишь меня за руку? Я помогу, обещаю, – не дал мне ответить Стагаров.

У меня собственно выбора не было. Нет, конечно, можно на всё наплевать и продолжать истерику на высоте, а можно это прекратить и забыть, как о страшном сне. А потом отомстить. Изощрённо. Со вкусом. Отомстить так, как Прокпенко и не снилось, а он знает, как я умею.

Я глубоко вздохнула и села на корточки, собираясь с духом.

– Ты будешь крепко держать? – спрашиваю Славу и во

всех красках представляя, как он будет меня перетаскивать через пропасть.

– Я прицеплю к тебе верёвку, – он спокойно перепрыгнул ко мне и протянул руку, чтобы помочь подняться с корточек, а я во все глаза смотрела на то, как он легко это сделал.

Как он не боится? Там же нет ничего! Обрыв, пропасть, пустота и бетон, об который можно расшибиться, если промахнёшься. У меня просто от вида дыхание перехватывает, чего уж говорить о действиях?!

– Лиза, возьми меня за руку, хорошо? – Слава протянул упомянутую, и я можно сказать в неё вцепилась. – А теперь смотри мне в глаза и поднимайся. Мне нужно прицепить к тебе верёвку, чтобы ты была уверена, что останешься жива в любом случае.

И я послушалась. Впервые пристально посмотрела в зелёные глаза и задержала дыхание. Вовсе не потому, что увидела там что-то страшное. А потому, что колотящееся от ужаса сердце пропустило удар, а под кожей прошла горячая волна. Волна, вызванная воспоминанием.

«– Кто тебя придумал, Виноградова?»

«– Прощальный поцелуй, боец. Всего один прощальный поцелуй»

«– Ну, если ты не поедешь, я позову кого-нибудь другого.»

«– Да пошло оно всё к чёрту»

Я же сама его в постель затащила. Так была очарована...

Так поглощена его взглядом притягательным...

Боже мой!

Стагаров и не заметил, как меня перекосило от воспоминания. Прицепил к моему ремню карабин и поправил брошежилет. После проверил шлем на надёжность и странно усмехнулся, качнув головой.

– Что? – спросила, пытаюсь понять о чём он думает, а заодно отвлечься от внутренней моральной трёпки, что самой себе хотелось устроить.

Только Слава не ответил. Протянул мне руку, снова предлагая за неё ухватиться. Словно спрашивая, готова ли я ему довериться. И я на удивление действительно была готова. Казалось, что мир под ногами рухнет, а Стагаров никогда не выпустит мои пальцы из своей широкой горячей ладони.

Да только разум в сознании стучался в глухую дверь, заставляя слышать его и понять, что всё не так, как кажется. У него ведь есть та, чью конечность он держит на своём жизненном пути. Это ты, глупая, не за ту руку ухватилаcь по пьяни.

Я посмотрела вниз и мгновенно забыла об этих ощущениях. Потому что страх всегда то единственное чувство, которое движет людьми сильнее прочих инстинктов.

– Постой! – я сделала ещё один крохотный шаг и доверчиво спрятала лицо, уткнувшись в его широкую грудь. – Стагаров, даже не смей шутить о моей трусости!

– Я и не собирался, – ответил спокойно, положив руку на

моё плечо. – Сам боюсь.

Ч-чего?

Я вскинула голову, чтобы вопросительно уставиться на него и получить пояснения, но в ответ он улыбнулся и выдал пугающее:

– Прыжки с парашютом до сих пор мне с трудом даются.

Я бы, наверное, так и продолжила таращиться на него, как идиотка, но он не дал мне времени на промедление. Перешагнул пропасть и встал так, что я просто почувствовала, как от моего лица отхлынула кровь.

– Слава, пожалуйста, либо туда, либо сюда. Ты же... Боже, если ты упадёшь...

– Что тогда? – улыбнулся он. – Поверь, я не упаду и тебе не позволю. Повторяй за мной, не бойся.

Он осторожно потянул мою руку на себя, но я отчётливо понимала, стоит мне воспротивиться, он её выпустит.

Странное ощущение, если честно. Мне не хотелось бы так безоговорочно доверять человеку, которого и не знаю вовсе. Да что говорить, я и Женьке не во всех вопросах доверяю.

– Смотри на меня, ладно? – после этой фразы я всё равно взглянула вниз и застыла, как деревянная, даже представить боясь, что он хочет меня протащить над пустотой.

– Разве ты не знаешь, как действует просьба не смотреть вниз? – сипло выдавила я.

– Потому я и переиначил фразу, но ты... – Стагаров поджал губы, но я всё равно могла видеть, что он скрывает за

этим неуместную улыбку. – Смотри на меня. Выдохни.

– Не трись, Виноградова! – заорал кто-то внизу. – Рано или поздно все там будем!

Очень хотелось посмотреть на этого гада и предложить отправиться на тот свет прямо сейчас. Я бы и за верёвкой с мылом предложила сгонять, вот только Сора ухватил мой подбородок свободной рукой и не дал снова посмотреть вниз, за что я была ему благодарна.

Глубоко вдохнула и кивнула парню, что так смело вызвался помочь сумасшедшей девчонке, почувствовавшей себя кошкой, взобравшейся на слишком высокое дерево.

– Спасатель, блин, – усмехнулась я. – Знай, Слава. Если я умру, буду бледным призраком тебя всю оставшуюся жизнь преследовать!

– Да ты уже... – он качнул головой на мой удивлённый взгляд и...

У меня дыхание в груди спёрло, когда он обхватил мою талию и развернул так, что я мгновенно одной ногой переместилась на другую сторону. Сердце шлёпнулось в желудок, а после неконтролируемой стрелой рвануло в горло.

– Д-держи! – взвизгнула я.

– Я держу. Ещё шаг, Лиза, и всё.

И этот шаг был таким стремительным, что я понять почти ничего не успела. Вцепилась только в своего спасателя руками и ногами, когда он подхватил меня под задницу и преодолел ещё несколько шагов.

– Тише. Всё. Уже всё, – шептал в волосы, пока я дрожала у него в руках.

Страшно. Господи, как же страшно. Я даже не представляла, что детский испуг мог превратиться в такую жуткую фобию.

Приходить в себя было крайне сложно. Я в какой-то миг затерялась в противоречивости собственных чувств, будучи в надёжных мужских руках. И когда вспоминала, в чьих именно, снова представляла ту высоту, пытаюсь отвлечься. Никто мне не говорил, что чувства бывают такими сложными и запутанными. Мне вовсе не хотелось сейчас находиться рядом с ним, но и попросить оставить меня я не могла, потому что...

Кажется, мне просто не хватало тепла, которое он мог дать. Всего на миг позволить себе забыть о том, кто я и где нахожусь. Это ведь нетрудно, просто забыть о том, что случилось в лифте несколько дней назад и в ту ночь, когда затащила его в постель. Трудно перестать чувствовать трепет внутри, трудно переключить внимание на что-то другое. Трудно не поддаться порыву, взглянуть в его глаза и позволить себе приникнуть к наверняка горячим губам.

Но я этого не делала.

Мне действительно потребовалось много времени, чтобы успокоиться. И я была благодарна ему за молчание и неприемное место за стенкой, где снизу никто нас не видел.

Только... чувствовала, как быстро стучит сердце в груди.

– Зачем забралась, если боишься? – спросил тихо через несколько минут, продолжая держать, крепко прижимая к себе.

– Не знала, что боюсь, – усмехнулась я. – Вот так, живёшь всю жизнь, и внезапно выясняешь, что какое-то из дурацких событий в детстве стало подспорьем для фобий. Уржаться можно.

– Это вообще-то не смешно, – не согласился мой рыцарь. – Такие вещи очень трудно устранять. Нужна работа специалистов.

Я хмыкнула, не желая продолжать разговор и попыталась слезть с его рук, но Сора даже не отреагировал, явно дожидаясь, когда я посмотрю ему в глаза, чего я делать категорически не хотела.

Какое ему дело вообще? Что-то никто не подорвался спасать дурную оперативницу, которую жизнь ничему не учит. Почему не остался в стороне, как прочие?

– Тебе удовольствие доставляет меня цеплять вечно, да? Не ответил. Разжал свои ручищи и кивнул на препятствия.

Что? Я должна продолжать? Серьёзно, что ли?!

Качнула головой и посмотрела по сторонам. Как выяснилось, было только два пути, один из которых я преодолею разве что в пластиковом мешке.

Вздохнула и с колотящимся сердцем вскарабкалась на де-

ревянную стенку-препятствие. В амуниции это делать было тяжело, но и ещё сильнее грохнуться в грязь лицом мне точно не хотелось.

И так высмеют за сцену на высоте.

– Не всё так плохо, Лиза, – донёсся до меня голос Соры. – В экстренной ситуации поддаться страху – значит погибнуть. Если ты не продолжаешь, то сдаёшься, а это чаще всего плюнуть на собственную жизнь.

– Да? Я даже не представляю себе ситуацию в жизни или на работе, кроме этой, чтобы была необходимость вскарабкаться на высоту. Ты уверен, что знаешь, о чём мне говоришь? – фыркнула, с трудом переваливая собственное тело, которое, казалось, мне сейчас непосильной ношей.

– В жизни бывает всякое. Ты же бывшая оперативница. Должна понимать, что опасность может прийти, откуда никто не ждёт.

Да знала я всё это. Как и то, что он мне зубы заговаривает, чтобы отвлечь от перенесённого ужаса. Не зря у каждого из бойцов Альфы высшее образование, и они постоянно учатся. Всегда. Это заложено в их работу. Курсы психологов, лекции какие-то, причём на любые темы, о которых я знать ничего не знаю. Не удивительно, что Сора, так профессионально переводит темы. Просто тащит ниточку из клубка, внимательно глядя под ноги, чтобы не ступить на гнилую почву. Стоит только вспомнить, что каждый из них перестал называть меня полным именем, когда увидел неосознанную реакцию,

выработанную как защитный механизм. И ведь никто не задавал вопросов. Просто эти парни видят всё, отчего становится немного страшно.

– Например, если от тебя чья-то жизнь зависит? – интересуюсь я.

– Ты бы преодолела сама эту высоту, если бы было так?

Смогла бы? Это ведь не контролируется. До сегодня я даже не знала, что такое вообще возможно, о чём тут говорить?

– Без понятия. Но шансы были бы крайне малы.

Слава не ответил. Да этого и не требовалось, потому что я сделала выводы для себя.

Когда мы спустились на площадку, Сора сразу же ушёл. Я же осталась стоять и выслушивать, какая я молодец, что всё-таки справилась несмотря на помощь. Интересно, они меня успокаивали или действительно так считали?

Страшно подумать, но будь это реальная ситуация на моей прошлой работе...

– Да ладно тебе, Виноградова, – хлопнул меня по плечу Польц. – Просто на будущее: о своих страхах нужно предупредить, чтобы мы знали, чего ожидать от бойца. Уяснила?

– Поняла, – кивнула я, не желая спорить о том, что я никогда не буду в их числе. – Что дальше?

– Дальше? – хмыкнул Каст. – А дальше самое интересное.

И только они собирались посвятить меня в подробности моего посвящения, как раздался грохот.

– Виноградова! – заорал какой-то мужик, выбегая на пло-

щадку. – Виноградова, срочно к Арестову. Отбой зрелищам, братва. У нас оперативка!

Я с нескрываемым интересом взглянула на бойца и поняла, что случилось что-то серьёзное. В голове не единой мысли по поводу срочности события.

– Что такое, Анчар? У нас выезд? – подал голос Гвоздь.

– Не знаю. Сейчас батя всё объяснит.

Польц снова хлопнул по плечу и подтолкнул к выходу, куда я и направилась в сопровождении гонца.

– Давай, Лиза. Тогда на спарринг завтра пойдёшь, – и предвкушения в его голосе было... Хоть ложкой загребай.

Я знала, что они собираются поиздеваться как следует, но кто сказал, что я позволю?

Пока мы шли по улочкам и коридорам главного управления, я попробовала поспрашивать у Анчара, зачем же такая срочность. Но тот только плечами пожал.

– В одном из отделов что-то случилось. Говорят, что с нашими связано, я краем уха слышал.

Я скептически взглянула на него точно зная, что "краем уха" эти бойцы не слушают. Просто не хочет делиться непроверенной информацией.

– А при чём тут я? – задаю наводящий вопрос, но меня тут же раскусывают, как мягкий орешек.

Анчар посмотрел с ухмылкой и качнул головой.

– Не допытывай, Виноградова. Батя сейчас сам всё расскажет, потом на оперативку подтянешься.

Уже у кабинета хитрого лиса я остановилась и посмотрела на мужика с нескрываемым удивлением.

– А при чём тут я?

Не поймите меня неправильно, но мои оперативки проводятся в составе другого отдела. И я сейчас была несколько ошарашена данным заявлением.

Анчар не ответил. Открыл дверь и молча запихнул меня внутрь прямо на ковёр к Арестову.

– Вызывали? – стараясь вернуть нормальное выражение лицу.

Начальник имел несколько уставший вид. Вскинул голову, и махнул рукой на один из стульев, предлагая садиться.

Я прошла вглубь просторного светлого кабинета и устроилась напротив собираясь внимательно слушать. Вариантов причин в голове всё ещё не было, когда лис, а сейчас он был не таким хитрым, заговорил.

– Знаешь, Лиза, обычно, когда я беру людей из сторонних организаций, то отношусь к ним с некоторым подозрением. Но поскольку ты человек Ваклонского, а он голову на отсечение даёт, что ты идеальный сотрудник, я не буду устраивать допросов. Да и алиби у тебя, как я знаю, железное.

– Простите? – не поняла я.

Арестов вздохнул, открыл ящик стола и вытащил оттуда серую пластиковую папку, которую протянул мне.

– Мне доподлинно известно о том, что происходило с бандитом по имени Арген. Из допросов задержанных я знаю,

что он держал тебя в подвале не просто так, верно?

Неверно. Я не понимала, что происходит. Арген просто мудак, который решил зачем-то взять девчонку с ксивой в заложницы. Откуда я знаю, что ему там в башку втемяшилось?

– Я понятия не имею о чём вы говорите, – не согласилась я. – Если у этого ублюдка и были на меня планы, то меня в них он не посвящал. И последнее, что мне известно об этом уроде — это смс на моём же номере.

Начальник задумчиво мерил меня взглядом несколько секунд, а после кивнул на папку в моих руках.

– Новое убийство, Лиза. Рядом с телом нашли твой телефон с посланием на нём.

Я открыла папочку и почувствовала, как дёрнулась мышца в груди. От страха. И нет, это вовсе не тот страх, который довелось испытать на высоте. Не столь широкий, но всё равно достаточно мощный, чтобы заполучить новую дозу адреналина в кровь.

Погрузившись в чтение, принялась всасывать информацию. Жадно пожирать глазами сухие строчки, вникая в каждое слово, каждый факт.

Убийство произошло вчера поздним вечером. Убита девушка, как выяснилось, из нашего отдела, которую я часто видела в архиве, когда собирала или сдавала документы. Не скажу, что испытывала к ней симпатию, но... Странно всё это. И страшно. Неужели до любой так добраться может? Че-

го он хочет? Зачем?

Если Арген был так близко ко мне, я представить боюсь, что он мог сотворить.

– Есть уже какие-то догадки, что это было? Кроме той, что меня намеренно хотели подставить?

– Считаешь, это не так?

– Уверена. Он не настолько глуп, чтобы лить грязь под меня так топорно, учитывая, что следствию известно об утрате моего телефона, – я глубоко вдохнула и осторожно предположила: – Возможно, он предупреждает таким образом.

Арестов молча отобрал у меня папку, не позволяя посмотреть полный отчёт и увидеть фотографии с места преступления.

– В общем, Лиза. Сейчас будет странно. Причём странно для всей нашей организации, но ты пойдёшь консультантом в отдел разработки. Этот Арген... – лис сделал паузу, будто ему тяжело было признавать. – Мы частично знаем о его планах, но не понимаем, чего он хочет от тебя.

– У меня же опыта нет, – замерла я потрясённо. – Да и кто сказал, что я вообще могу чем-то помочь в отделе разработки?

Нет, я хотела участвовать в поимке этого урода. Очень хотела. Но задней мыслью понимала, что среди спецов мне не место. У нас было планирование операций другого рода. Детский лепет в сравнении со службой безопасности. Изучая архивные документы, я поняла, что несмотря на завере-

ния Арестова, максимум, что мне светит это быть свидетелем разворачивающихся событий на горизонте.

– Ну, консультантом ты будешь только формально, чтобы не возникало лишних вопросов. Понимаешь, этот гад тебя ищет, вот в чём проблема. Трудно сразу понять, но всё, что он творит, очень с толку нас сбивает.

– Мне странно, что вы его поймать не можете, имея такие ресурсы.

Арестов усмехнулся.

– Думаешь наши фээсбэшники каждый телефонный разговор прослушивают и обо всех сообщениях в чатах знают? Ну ты-то меня не смейся, умная же девочка.

Кажется, я даже покраснела до корней волос, совершенно не ожидая, что он поймёт меня превратно.

– Я вовсе не это имела в виду, Пётр Николаевич. Ресурсы у вас куда шире наших, вычислить не так уж сложно.

– Вот и пойдёшь поучать спецов, – посмотрел на меня Арестов, с нескрываемой насмешкой. – Ваклонскому только ни слова, иначе он мне новую плешь проест от злости.

– Вы так говорите, будто я собственной жизнью рисковать буду.

– А я не исключаю такой возможности, Лиза, – ответил уже со всей серьёзностью.

Начальник поднялся из-за стола и кивнул на выход.

– Идём. Донесу до состава подробности по текущей ситуации. Переформируем рабочую группу, если получится.

– Не поняла? – Собственное, не поняла я, следуя за Арестовым.

– Ребята не в курсе дела, касательно тебя. – По этому делу работает группа Тарана, но... Ты работаешь с группой Гвоздя, и будет не очень, если товарищи не смогут о тебе позаботиться.

Я всё равно не понимала о чём он, но надеялась выяснить по ходу событий.

Когда мы добрались до оборудованного кабинета на шестом этаже, где проходили все подобные собрания, я несколько занервничала, не зная, чего ждать.

Сама ситуация с Аргеном пугала, а тут ещё полная неизвестность в работе. Я сейчас чувствовала себя слепым котёнком, неприспособленным ещё к самостоятельной жизни. И двигалась я точно наощупь.

Встретил нас полный состав и двое незнакомых мне мужчин.

Правда, первым что я поняла, это то, что Сора был здесь. Сидел за одним из письменных столов, скрестив руки на груди и смотрел на нас с Арестовым.

– Что ж, думаю вы уже успели задать вопросы?

– Мы не решались отвечать без вас, Пётр Николаевич, – тут же отозвались незнакомые бойцы.

Они перевели на меня взгляд, и как по команде шагнули вперёд, чтобы пожать руку.

– Сергей.

– Геннадий.

Я кивнула, пожав тёплые сухие ладони.

– Лиза.

Мне предложили пройти к ребятам, и я стушевалась, потому что атмосфера в комнате была, мягко говоря, напряжённой.

– Бать, а Лиза зачем? – первым оживился Каст, черкавший что-то на листке, как покладистый студент.

Арестов не ответил. Прошёл в центр помещения и посмотрел на бойцов.

– В общем, так: Лиза переходит на какое-то время под руководство этих ребят. Все мы помним "Закат" и планы Амира на Аргена и его шайку. Не скажу, что сейчас что-то прояснилось, но Виноградова непосредственно связана с этим делом.

В помещении образовалась оглушительная тишина, причины возникновения, которой я не до конца понимала. Взглянула с любопытством на ребят и едва не икнула, когда поняла, что каждый из них смотрит в ответ.

– Вчера из бывшего отделения Лизы убили сотрудницу архива, подкинув ей её мобильный с сообщением. С материалами могут ознакомиться желающие принять участие в разработке и ведении операции. Ваша «сестра» будет числиться в штате, как консультант.

– Что это значит? – задал вопрос тот, от кого меньше всего хотелось его слышать.

– Это значит, что протоколы мы снова будем сдавать Бате, – хмыкнул Стрела. – Не пойму только с какой стати сотрудник отдела аналитики станет консультантом там, где не каждый спец сгодится. Она знает что-то, чего не знают другие?

– Она встречалась с Аргеном. И её он преследует. По сути, единственная ниточка, ведущая к нему. Неправильно ли будет использовать её для поимки преступника? – вмешался в ход беседы Геннадий.

И все снова посмотрели на меня.

– Вы хотите сделать её приманкой, – кивнул Гвоздь. – Я против. Думаю и ребята не согласятся с вашими методами.

– Зато я соглашусь, – заявляю с чётким намерением попасть в штат разработчиков любой ценой.

Ребята молча выразили своё отношение к моим словам. И скажу честно, мне не понравилось, что в этот момент я почувствовала себя набитой душой.

– Так что там было, Лиз? – Волк сложил руки на груди и развалился на стуле.

– Всё, что было, я указала в материалах допроса и изъятых вами протоколах, – ответила спокойно. – В остальном я понятия не имею, что за игры он устраивает.

– Игры? – скептически спросил Сергей. – Похоже на отвлекающий манёвр.

– И это ещё хуже. Меня не радует, что я втянута во что-то, о чём не в курсе. И получать пулю в лоб без объяснения причин мне не очень хочется. Умереть, не имея возможно-

сти себя защитить – не про меня.

– А так шансов получить пулю в лоб ещё выше, – сказал Волк, взглянув на Сору. – Ты-то чего молчишь?

Не поняла. Посмотрела на Славу, но тот даже виду не подал, что слышал вопрос бойца.

– Мне неважно, что вы думаете. Считаю, что имею полное право принять самостоятельное решение. Пётр Николаевич, – обернулась я к Арестову. – Я не понимаю, зачем вовлекать в это всё ребят.

Тот улыбнулся краешками губ и посмотрел как на несмышлёную птичку.

– Я же сказал, что ситуация нестандартная, – он снова посмотрел на бойцов. – В общем, кто желает примкнуть к группе, милости прошу. В конце концов, вам решать кто будет на передовой, если с Виноградовой что-то случится.

Нестандартная ситуация, да? Это вообще похоже на бред чистой воды. У нас в УУР так не работали. Собиралась группа следователей и оперов, которые вели дело, а когда было необходимо привлекали силы специального назначения. Я не понимаю, что сейчас...

Арестов вдруг рассмеялся, рассматривая моё лицо.

– Полагаю, стоит объяснить одну важную вещь, Лиза. Если преступник берёт в мишень сотрудника ЦСН, дело приобретает статус "особые". Такие дела разбираются в исключительном порядке, исключительно командой, куда входит данный сотрудник.

– Угу, а ещё следует добавить, что ни одно "особое" дело ещё не завершалось посадкой преступника в колонию, – Волк развёл руками. – Так уж сложилось.

В смысле, таких устраняют без разбора?

– Но вы же говорили, что он связан с другим делом по федеральной безопасности?

– Ликвидация таких выскочек всегда происходит чётко по инструкции, – ответил Сергей. – И только в том случае, когда есть другой отработанный вариант разведки.

Да уж. Я знала, конечно, что у ЦСН свои методы работы, но чтобы такие? Кому расскажу – не поверят.

– Я в группе, – поднял руку Сора, чтобы ни у кого не осталось сомнений, кто это сказал.

– Нет, Стагаров. Я против! – возразил Гвоздь. – У нас нет наработок с ребятами Тарана. Друг другу только мешать будем.

– Я не собираюсь смотреть, как они её гробят, – вздёрнул бровь Слава. – Сам знаешь, как работают разрабы, а Таран всегда ставил цели превыше средств. Я прав, батя?

– Я бы попросил вас не делать из нас чудовищ, – вяло возмутился Геннадий. – При построении плана мы всегда руководствуемся безопасностью наших сотрудников.

– Что-то не помню я ни одной операции без косяков с вашей стороны, – хмыкнул Каст. – Даже последние вылазки на склад Амира и в ТЦ без вашего участия прошли куда глаже.

– Если бы вы чётко следовали инструкциям...

– Если бы мы им следовали, то половина из наших была бы мертва!

– Ладно, хватит, – оборвал начинающийся конфликт Арестов. – Желаящие остаются, остальные идут к Польцу. Я, ребята, понимаю ваше нежелание работать именно с ними, но они ведут дело Амира с самого начала, и я не перепоручу его другим. У нас нет на это времени.

Не знаю, какой эффект ожидал увидеть лис, но никто не поторопился покинуть помещение.

– Мы не можем взять всю группу, – добавил он. – Пять-шесть человек, не больше.

В итоге, пока я размышляла над тем, как так вышло, что я из отдела аналитики внезапно перетекла в отдел разработки с Сорой в качестве коллеги, они решили, что оставят самого Сору, Каста, Волка, Сокола и Стрелу. Остальные меньше хотели работать под руководством Тарана.

Когда в помещение остались только участники, Сергей тут же принялся вводить нас в курс дела. От масштабности работы Аргена у меня волосы на голове дыбом встали.

Охренеть!

Сука, как же бесит, когда сам себе неподвластен и за других не можешь отвечать!

На кой чёрт Лиза сунулась к этим ублюдкам? Можно подумать без неё вопрос не решится. Тоже мне «Её звали Никита». Знала бы ещё куда лезет, я бы понял, но нет. Только помахали бумагами об Аргене, так вцепилась, как собака в кость – хрен оттащишь.

Я смотрел на Сергея Звягина и хотел его придушить. Серьёзно. Какого чёрта он делает? Снова? Мало было прошлого раза? Мы за Лисовкого его чуть не убили, а за Лизу я его живьём закопаю на заднем дворе управления.

– Я не хотел говорить раньше времени, но понимаю, что смысла нет выжидать удобного момента, – начал ровным голосом Гена Ярцов. – Амир налаживает связи с Шавахом из группировки исламистов. И делает это уже давно. И та операция, которую вы накрыли из-за Виноградовой должна была довести нас до места дислокации лагеря Шаваха в САР. Таран готовился к ней с самого начала, поэтому не стоит рассчитывать на его дружелюбие и открытую помощь в вопросах подготовки.

Охрененно!

Мало того, что Аргена вести должны, так ещё и под Тарана прогибаться. Слов нет!

– Сами справимся, – хмыкнул Каст.

Гвоздь решил его оставить за командира группы, посчитав, что в данной ситуации я не смогу вести себя непредвзято. И он был прав.

Я взглянул на Лизу и заметил виноватое выражение, а вернее попытки его скрыть от нас. Только проблема в том, что эмоции человека всегда выдаёт его взгляд. А взгляд Виноградова прятать не умеет. Она понимала, что внесла хаос в нашу работу, и я не мог не согласиться с этим. Когда бойцам некомфортно, может возникнуть множество проблем, что нежелательно.

– Что сейчас есть по материалам? – спросил Каст.

– Причины, по которым Елизавета здесь оказалась, – я коротко взглянул на упомянутую и снова отметил, как та поморщилась. Правда, эти двое слишком заняты разговором о важном, чтобы увидеть, как неприятно ей такое обращение. – Убийство вчерашним вечером. Тело Муратовой нашли у подъезда её дома. При ней оказался утерянный телефон Виноградовой, на котором было сохранено всего одно сообщение с текстом "Вернись". И это была не просьба, а требование.

Я незаметно вздохнул и задумался. Они же используют её. Сто процентов, вернут в штат и выставят наблюдательную группу. В противном случае этот ублюдок провернёт ещё что-то, чтобы прогнать её. И что тогда, Стагаров? Нужно быть в наблюдательной группе и желательно подальше от

спецов Тарана. Иначе конфликт интересов неизбежен.

– Пока рано говорить о её возвращении, но мы боимся, что, в противном случае, будут и другие жертвы.

Лиза побледнела и сжала губы, а я вдруг вспомнил, как она стояла в оцеплении на набережной. Мне было погано. Я знать её не знал ещё, но мне тогда уже было погано, а что будет, если она ежедневно будет ходить по краю лезвия и рисковать собственной жизнью? Что если этот урод найдёт способ её умыкнуть из-под наблюдения и запереть в подвале с духами, как было в прошлый раз?

От одной только мысли об этом у меня нутро закипело.

– Что он задумал? – я спрашивал прямо. Был уверен, что у них есть мысли на этот счёт, но ни один из них не нашёл что сказать.

– Сложно понять. Мы предполагаем, что он хочет таким образом отвлечь наше внимание от чего-то более важного, как при захвате торгового центра. В ту ночь через границу в Чечне протащили груз, зачистив заставу, – он говорил так, будто там не наши пацаны были, а духи. – Тревогу подать никто не успел, а бардак и неразбериха препятствовали скорому поступлению информации до нас. Ещё часа полтора мы попросту не знали, что провернул Амир.

– Думаете, у него есть шанс использовать Виноградову?

– Я же говорю, что мы не понимаем, чего он от неё хочет. Возможно... Лишь, возможно, конечно, что она ему приглянулась, и его извращённые ум и фантазия способствуют про-

ведению новых игрищ, – сказано было с усмешкой, и я клянусь, растёр бы её кулаком по этой роже, но Волк вовремя хлопнул по плечу, видя, как я напрягся.

Во время операции "Закат" мы узнали, что этот псих собирает группу смертников для создания волны терроризма. Аргена взять не удалось, но я точно помню, что говорил один из его подчинённых на допросе. Лизу должны были наспинговать гранатами и вышвырнуть в центре города. Не могу быть уверенным, но похоже на то, что он хочет довершить начатое. Впрочем, пусть разрабы и выясняют, что он задумал. Я просто порву ему глотку, когда он подберётся к ней. И никто. Вообще, никто меня не остановит.

– Мы предоставим материалы, будьте добры изучить как можно скорее. Завтра начнём работать, а вам ещё обсуждать с Тараном тактику его тренировок.

– Приняли.

Когда мы вышли из кабинета, каждый с папкой содержащую важную информацию и пошли вниз по коридору. У меня возникла абсолютно дурацкая мысль, но я не мог устоять, чтобы не поговорить с причиной своей шизофрении наедине и попытаться вправить ей мозги.

Поэтому, когда мы проходили мимо аварийного выхода, я отстал от парней, прихватив за локоть девушку, а затем затолкал её в дверной проём, прикрыв дверь.

- Что? – Оперативница была явно недовольна, если не сказать, что зла.

- Поговорить хочу.

- Мог бы...

- На едине, – перебиваю её, зная что скажет. – Зачем тебе Арген? Без тебя бы взяли.

- Издеваешься? Держать серийного убийцу на улице и не выполнять его требования, когда есть угроза чужой жизни... Нельзя быть таким черствым, Стагаров!

Я шагнул к ней, заставив отступить и прижать пятую точку к подоконнику.

- Это я чёрствый?

Лиза поменялась в лице, пристально глядя мне в глаза. Не знаю, о чём она подумала, но видел, как меняются эмоции одна за другой.

- Послушай. Мы, кажется, всё обсудили...

- Ты снова пытаешься меня успокоить, Лиза? – хмыкнул я. – Я хочу, чтобы ты поняла, во что ввязалась. Эти ребята не ставят себе цель сохранить наши жизни. Сотрудники для них лишь оружие. А ты вообще идеальный вариант для внедрения в стан противника. И поверь, если такое будет возможно, они запихнут тебя так глубоко в тыл Амира, как только смогут, – я поднял руку и погладил нежный подбородок, не в силах удержаться от этого. – Сейчас, скорее всего тебя вернут к своим, чтобы наблюдать за дальнейшими действиями Аргена. А этот ублюдок, почти наверняка знает куда тебя занесло. И будешь ты, как между молотом и наковальней, а нам с ребятами только и останется, что молчаливо наблюдать за

тем, что происходит.

Она умолкла, но я мог по взгляду сказать, как страшно и не по себе ей было.

- Я не могу остаться в стороне, Слав. Если убьют кого-то из моих ребят, пока я буду здесь мяться в нерешительности, я себе никогда не прощу, понимаешь?

Понимаю. Конечно понимаю, ведь сам в том же положении постоянно. Лиза боец и прятаться она не будет. Но вся проблема в том что я по натуре человек, который всегда несёт щит перед людьми, за которых жизнью отвечаю. А сейчас вынужден заделаться в наблюдатели к той, кого от себя не смог оградить.

- Я просто... Переживаю, понимаешь?

Виноградова усмехнулась и отвела подбородок от моих пальцев.

- Ты не за меня переживать должен, да? И вообще это всё странно. Мы не знаем друг друга совсем. Что-то было по пьяни, но... У тебя ведь другая жизнь.

Я слушал внимательно и понимал, что она права. Железобетонно права. Я и сам прекрасно знал, что должен быть далеко от неё, но почему-то не могу оторваться. Намагничиваюсь всё сильнее с каждой встречей и забываю о том, что привязан к другой.

- Я не могу так, веришь нет? Не могу смотреть, как ты подвергаешь свою жизнь такому риску. Ты хоть подумала, что он сделает с тобой, если ты ему в лапы попадёшься?

- Лучше я, чем невинные люди, – выдавила сипло. – Здесь меня вы защищать будете, а их кто защитит, если откажусь?

Она отвела глаза и попыталась отстраниться, но я не позволил, поставив руки по обе стороны от неё.

- Для него ты игрушка. Для разрабов – приманка. Для ребят – товарищ, коллега, сестра. Для меня... – она снова взглянула на меня внимательно слушая. – Для меня ты тоже не посторонняя, поняла?

Лиза молчала, пока я раздумывал над тем, как свернуть с опасной темы, но не нашел ничего, что позволило бы мне оставить надежду. Надежды не было. Не в моём случае. Я скоро отцом стану, в конце концов, и мне нужно разобраться со своим наваждением, даже если она постоянно будет перед глазами. Если будет с ума сводить. Я... Не могу предать собственного ещё не рождённого ребёнка. Только не так.

- Наверное, нам обоим эти отношения не нужны. Но ты всё равно важна для меня, понимаешь?

Лиза невесело улыбнулась.

- О чём ты, Стагаров? Я не вижу в тебе ни брата, ни товарища. Просто мужчина, который отчего-то не может оставить меня в покое.

Я вдохнул полной грудью, чтобы не начать доказывать ей своё видение ситуации. Хочет строить из себя кремень, пусть строит, но даже сейчас я вижу, как бьётся вена на её шее, позволяя сосчитать удары сердца и обнаружить тахикардию.

Но я буду молчать. Сейчас и всегда.

- Я сказал, и надеюсь, что ты услышала. Когда пойдёшь за Аргеном, не забывай, что за твоей спиной стоим неравнодушные мы.

И я ушел, оставив её там. Размышлять над сказанным.

Мне не нравилась сложившаяся ситуация, но я не мог заставить себя изменить собственное решение, пока Виноградова не изменит своего.

Его слова никак не шли из головы ни на работе, ни дома, ни даже когда позвонил Прокопенко, виновато спрашивая, как я.

Да никак. Ощущение, что проваливаюсь в бездну, над которой летают коршуны, ожидающие, когда она выплюнет мои же кости им на прокорм.

- Про Муратову из архива знаешь? – спросил виновато.

- Знаю. Почему так поздно сообщаем?

- Ваши сказали помалкивать пока. Но я бы всё равно рассказал. Переживаю.

Я хмыкнула в трубку и запрокинула голову, отложив материалы дела в сторону.

- Я не понимаю, что ему нужно, Жень. Та стычка была абсолютно случайной, но я как-то оказалась в эпицентре событий и совершенно безоружна.

- Я не знаю подробностей. Они всё изъяли, сообщив, что

это не в нашей компетенции. Надеюсь, ты в порядке будешь?

– Буду. В обиду не должны дать.

Прокопенко умолк на мгновение, а после тихо спросил:

– Ты... К нам вернёшься?

Я рассмеялась. И не было в этом смехе ни капли веселья, потому что мы оба знали, что я должна ответить.

– Ты же меня знаешь, Жень.

Прокопенко вздохнул и звякнул чем-то.

– В том-то и дело, что знаю, Мелкая. И по-хорошему, надавать бы тебе по заднице, чтобы грудью на амбразуру не лезла.

– Но ты понимаешь мои мотивы и поступил бы точно так же. Скажи, что я неправа?

Да, Прокопенко такой же, как я. Говорят, люди одинаково стремящиеся защищать других, всегда находят массу родственников душ. В плане Женьки и ещё нескольких ребят из уголовного розыска, я была уверена на все сто процентов.

Разговаривать с ними – как вести внутренний диалог. Ты знаешь, что они ответят на несправедливое обвинение или попытку защитить мерзавца. Это не объяснить словами. Это не показать на действиях. Просто есть твёрдое убеждение-ощущение, которое воспринимаешь, как естественное. И Женька Прокопенко, друг детства и названный брат был таким же, как я. Он знал и понимал меня так же, как осознавал себя.

– Я мужик, а тебе ещё детей рожать.

Я снова рассмеялась. Раньше он об этом не особо думал.

– Береги себя ладно, Мелочь?

– Бывай, – хмыкнула я, не в силах что-то обещать. – Яне привет.

Когда он положил трубку, я закрыла глаза и снова подумала о сказанном Сорой. Не знаю, что ему нужно от меня. Не хочу знать. Но всё равно чувствую, как тянет в груди.

" – Когда пойдёшь за Аргеном, не забывай, что за твоей спиной стоим равнодушные мы."

Они за мной пошли. Пошли, потому что не считают чужой, да? И его слова я вынуждена принимать за чистую монету. Я ведь, по сути, никто для них. Прибилась, как бродяжка. Они могли оставить Тарану и забыть о существовании девчонки, что высоты боится, как слон мышей. Но всё равно влезли, не желая отдавать на поруки каким-то мудакам.

– Как же сложно всё, – выдохнула в пустоту, растрепав волосы, и поднялась из кресла.

Хотелось сделать глоток свежего воздуха, и я поплелась на балкон посмотреть на ночные звёзды, которые так хорошо видно сентябрьскими ночами.

И не думать. Ни о чём не думать, слушая шум города и гул ветра, создаваемый балконными перекрытиями. Отдать ему свои переживания, созерцая пустоту.

– Знаешь, я решила, что хочу назвать малыша Женей. Как думаешь?

Я улыбнулась и качнула головой. Женя отличное имя. Как

для мальчика, так и для девочки. Но, наверное, не стоит мне быть свидетелем чужого тихого счастья.

Я уже собиралась вернуться в квартиру, как замерла, когда услышала его хриплый голос.

– Я буду только рад, Танюш.

И внутри всё будто оборвалось. Затопило мутной водой боли, сотканной из ничего.

Что это? Что за чувство падения на дно? Почему так жмёт?

Я села на стул здесь же и уставилась вдаль, не понимая, что не так. Ну, то есть... Это ведь точно он. Я не спутаю голос, который полдня назад утверждал, что я ему небезразлична.

Выдохнула, поддаваясь странному ощущению и сжала пальцы до побелевших костяшек, стремясь заблокировать эмоции. Лучше физическая боль, чем это. Не хочу признавать, но мне действительно больно.

Я его не знаю совсем! Так почему?! Если мы переспали, это вовсе не значит, что на нём свет клином сошёлся! Сколько ещё хороших мужиков в ЦСН? Взять того же Волка. Красивый, умный, обаятельный. Впрочем, такой же бабник, как Ярыч, но... Это лучше, чему женатик, ожидающий потомство.

– Когда следующая командировка? – прервал мои мысли всё тот же женский голос сверху.

– Ты же знаешь, что мне редко наперёд известно о вылетах. Но я думаю, что в ближайшее время, буду дома.

– Это хорошо.

Нет. Нет, не хорошо. Лучше бы ты свалил куда-нибудь, Стагаров. Подальше от меня. Настолько далеко, чтобы я о тебе и слышать ничего не слышала.

Это противоестественно. Мне не нравится, что я чувствую.

Соседи сверху утихли, а я ещё долго смотрела в небо с горькой улыбкой. Если бы я верила в судьбу, то сказала бы, что она сука, каких поискать. Но я верю только в холодные звёзды далеко в космосе. И плевать, что у теории большого взрыва так и не нашли начала.

- Запомни, тебе не нужно его уложить на лопатки. Неважно, как будешь драться. Твоя задача продемонстрировать на что вообще способна, чтобы мы понимали.

- Польц она во время боя Ярычу руку уже ломала. Хочешь повтора?

- Да кто ей даст-то? Там она просто из-за угла выскочила. Фактор неожиданности!

- Ты точно в порядке будешь? – Польц хлопнул Ярого по плечу и взглянул в глаза с нескрываемой насмешкой.

Как-то они так интересно дружно решили, что нужно дать парню реванш, когда он появился сегодня на плацу. Я, если честно, после бессонной ночи и вовсе забыла, что мне обещали тест-драйв на ринге.

Не до этого вовсе.

- Буду, – угрюмо отозвался тот, засовывая каппу в рот.

Я проделала тот же манёвр и приготовилась к бою.

Затылок сверлил ЕГО взгляд, но я не обращала внимания.

Вчерашнее состояние никуда не делось. Оно свернулось колючим комком в груди и время от времени выпускало ядовитые шипы, царапая внутренности.

- Аккуратно, Ярый, ладно? – попросил Польш, на что безлобый согласно кивнул.

И уже через секунду был объявлен бой. Тим не торопился, я знала, что первым не ударит и роль нападающего зачем-то отвёл мне, хотя обычно все позволяли уйти в оборонку.

Я шагнула к парню, внимательно следя, как он пошел в сторону, готовясь к моим ударам. Я знала, на что они все рассчитывали. Понимала. И даже позволила увидеть в себе беззащитного сотрудника УУР. Несколько шагов на Ярого и выпад, который он блокировал. Шаг в сторону, второй удар, превращая нелепые движения в танец двух осторожных бойцов. Когда Ярый дал сдачи, я увернулась и всадила ему правой, а после добила ногой. Это не бой. Это разогрев. Я хочу, чтобы парень вместе со мной набрал силу. Понял, что мне мало его вялых трепыханий и блоков. Я хочу нормального боя, а не лебединого балета под зоркими взглядами сослуживцев.

Хук справа и снова ногой. Ярый качнул головой, понимая к чему я его подвожу, а я стараюсь так нагло не улыбаться

глазами.

Я всегда любила ринг. В УУР не было ни одной недели чтобы мы с Женькой не посещали его. Слишком желчно в жизни без боя, а пар мы спускали исправно.

- Давай, Ярый. Не хочет она балет танцевать. Дай девчонке отыгаться за вчерашнюю проверку! – кричал кто-то.

Но взгляд Тима был полон сомнений, и это невзирая на то, что ему только гипс сняли. Как же любят парни недооценивать противоположный пол. Думают, мы все слишком чувствительны, но это ведь не от набора органов зависит.

Я хмыкнула и пошла в наступление, отработав по его голове серию ударов. Неприятная штука, но ещё неприятнее, когда ты закрываешь голову и не видишь действий противника, позволяя таким образом применить что-то посерьёзнее. Например, дать ногой в живот и отправить себя на канаты, а после, потерявшего ориентацию в пространстве хорошенько пропнуть ногой под колено и повалить на пол.

Я уселась сверху, и хорошенько врезала, несмотря на попытку выставить блок.

Это был мой бой. Когда не воспринимаешь противника всерьёз, не стоит удивляться, что он тебя отделает!

Польц схватил меня под подмышки и оттащил, прекращая наказание младенца. В зале стояла тишина, потому что никто не ожидал, что я уложу Ярого на лопатки.

Зря.

Достав каппу изо рта, я широко улыбнулась и посмотрела

на парней.

– Предлагаю повторный бой. На этот раз без лебединых танцев.

Каст почесал нос и протянул руку, увидев, что желающих бить девчонку нет, но Тим позади не дал ему возможности принять участие громким:

– Всё, Виноградова. Ты меня достала. Давай ещё раз!

Я только кивнула и взглянула в дальний угол зала, где стоял Слава. Вот кому мне действительно хотелось бы морду набить за то, что повёл себя, как последний козёл.

Польц отдал команду, и мы снова закружили по рингу. На этот раз парень был более осторожным и не позволял пробить оборону. Уже на третьей минуте мы с ним зашли в сцепку. А это было моё слабое место, потому что в весовой категории Ярый меня разделает, как лягушенка, что, собственно, и произошло. Я шлёпнулась на лопатки через его бедро и выдохнула, когда он руку протянул.

Поднялась быстро и в стойку встала уже уверенно. Надо признать, Бондаренко очень хорошо подготовлен и в поддавки больше не собирается играть.

Я первая начала серию, но снова попалась в хват. Тим прижал меня к канатам и заржал, когда я попыталась его оттолкнуть. Силы были неравны и мне пришлось признать поражение.

– Ладно, хватит, – крикнул Польц. – Молодец, Лиза. Мы, честно говоря, ожидали от тебя совершенно других резуль-

татов.

Я устало, но удовлетворённо кивнула. Не стоило и на первую победу против спецназовца рассчитывать. В конце концов, парни каждый день готовятся к таким боям, а я только раз в неделю для поддержания формы.

– Виноградова, а стреляешь ты как?

– Отлично стреляет, – ответил вместо меня Старый. – Мы всем управлением рты раззявили, когда она с Винтореза мишень развалила.

Польц очень внимательно на меня посмотрел и спросил.

– Слушай, говорят, ты во внедрёнку пошла?

Чего?

Я посмотрела на него, но пояснений так и не услышала.

– Давай-ка мы посмотрим, как ты двойку освоишь, у нас сегодня как раз полигон по плану.

– Польц, давай не будем херню творить? Пусть Лиза отдохнёт, – влез Сора.

Но мне уже было интересно, что это за двойка такая и с чем её едят на полигоне.

– Оставь, Стагаров, – потребовала я не лезть.

И так зло он на меня посмотрел в ответ, что я бы на месте сгорела, не заграбастай меня в объятия Ярыч.

– У нас после боя, Лиза, обнимашки приняты.

Не знаю, как рёбра не затрещали, но шансы лишится парочки точно были.

– Раздавишь! – прохрипела я. – Культяпки убери, бело-

брысый!

Боец тут же меня отпустил и широко ухмыльнулся.

– А то что? Сломаешь?

– Погну! – возмущённо ответила.

– Брось, Сор. Девчонка уже вне отдела аналитики. Если какая-то заварушка будет, лично я за то, чтобы она была способна пусть и никудышный, но дать бой с подкреплением или без него.

Весь взвод, а здесь было человек тридцать, не меньше, согласился с Польцем и через полчаса мы были на полигоне, огороженном по кругу насыпными горами для безопасности кого бы то ни было за пределами стрельбища.

– Так, броник, шлем, автомат выдайте Лизе, – командовал Польц. – Ты готова?

– Так точно, – ответила не без веселья. Во мне всегда просыпается азарт, стоит только взять оружие в руки.

– Кто пойдёт с ней в двойку?

Я даже не удивилась, когда вызвался хмурый Стагаров.

– Инструктаж проводи, Сор.

Я сглотнула и постаралась выкинуть все мысли из головы, надевая бронежилет. Слава спокойно подошел и помог правильно его застегнуть, после молча развернул, стянул резинку с волос и... Боже, он принялся заплетать мне косичку, абсолютно не замечая моей напряженной донельзя спины.

– Нельзя было оставить?

– Под шлемом растреплются во время движения и будут

мешать.

– Откуда ты знаешь? – спросила с интересом.

Не каждый же день тут девушки в экипировке разгуливают. Нет, он безусловно прав, ведь вчера меня действительно сильно растрепало, но волосы не успели начать лезть в глаза.

– Просто знаю.

Он развернул меня к себе лицом, ещё раз проверил бронник и выхватил из рук шлем, чтобы надеть на меня и застегнуть, проверяя все крепления на надёжность.

– Пока ребята отрабатывают двойки и тройки, мы с тобой пройдемся в стороне. Я покажу тебе все сигналы и объясню их значение. Слушай внимательно, поняла?

По нему было видно, что ему всё это совсем не нравилось, и я как-то теряла азарт.

Мы отошли в другой конец полигона, где было свободно. Позади уже начали раздаваться выстрелы, и я могла видеть, что значит работа в двойке со стороны.

– Идёшь строго позади меня, Лиза. Такая тактика используется обычно в помещениях, где нет возможности скрыться из виду. Твоя задача контролировать периметр, но не стрелять, пока я не скажу, что пуст, поняла? Как только говорю «пуст», я отхожу за тебя и перезаряжаюсь, ты должна отработать по цели. Есть ещё другой вариант, когда идёшь с щитовым. В этом случае, я использую только пистолет, ты же выводишь автомат на линию огня за щит.

Я внимательно слушала всё, что он говорил. Сора показал

мне движения, и я очень быстро поняла, что в двойке важно чувствовать ритм напарника. Никаких лишних телодвижений. Отработал по цели, отошел на перезарядку, а в это время стреляю я, а после опять смена. Сложно и просто одновременно.

Инструктаж длился больше часа и за это время мы, кажется, забыли о разногласиях. Стало легко. Даже слишком, чтобы заикливаться на проблемах.

– Если нет возможности развернуться, я отдаю команду и сажусь для перезарядки. Ты отстреливаешь обойму до той поры, пока я не дам этот сигнал, – он легко хлопнул меня дважды по голени. – Поняла?

– Да.

– Давай попробуем.

Мы медленно двинулись вперед, и я даже старалась держаться в шаг, но Стагарова что-то не устроило.

– Руку мне на плечо и постарайся прочувствовать шаги.

– Но я не смогу целиться, держа автомат одной рукой, – не согласилась я.

– Значит опусти его пока. Я же слышу, что ты не в шаг со мной идёшь. Первому важно знать, что ты не отстаёшь, понимаешь? Что сменишь, в случае необходимости.

– Поняла, – кивнула я.

Сделав, как он просил, я дождалась молчаливого одобрения, и мы двинулись вперед чуть пригибаясь. На этот раз у меня вышло намного лучше, потому что я действительно

чувствовала каждую его остановку. Обратно мы попробовали пройтись уже с автоматом, что несколько усложняло задачу, ведь я не была подготовлена.

– Уже лучше, Лиза. Ещё раз.

И мы проделывали это снова и снова, пока я более или менее не поняла основы такого движения.

– Сор, ну чё вы?

– Можно пробовать, – отчитался Стагаров.

– Ладно, давайте сюда. Сейчас ребята тройку отработают и вы пойдёте.

Я взглянула на парней и удивлённо присвистнула. Слаженность движений, стрельба, все сигналы, которые мне показал Слава и чёткое исполнение приказов были просто на высшем уровне. Это я терялась и не сразу соображала, где и что, а они...

- Обалдеть, - выдохнула я.

- Тоже хочешь, - хмыкнул Польш. - Несколько лет и мы тебя натаскаем, малая.

- Нет, спасибо. - тут же открестилась я. – Одно дело смотреть на идеальную работу сотрудников, и совсем другое, жить тренировками, чтобы так работать.

- Контакт справа! - заорал Каст.

Бойцы тут же развернулись и принялись расстреливать три мишени.

- Авария!

Первый боец что-то крикнул, прижал к себе автомат и

отошел за спину третьего, а его место занял второй боец, принявшийся расстреливать условного противника.

– Второй ранение в ногу! Оттягиваемся!

Боец садится на землю, а двое других хватают его за бронежилет и стремительно волокут по земле к нам.

– Сора, идите вы.

Стагаров повернулся ко мне и качнул головой, мол, идёшь? А куда я денусь? Кивнула, перехватила автомат покрепче и пошла за ним на исходную.

- Не нервничай, всё нормально, это просто учёба.

- Я не нервничаю, - возразила я, действительно не испытывая нервозности.

- С предохранителя сними, - хмыкнул он.

- Пошли! - крикнул Каст и мы медленно двинулись вперёд.

Сора не открывал огонь, должно быть ждал сигнала, а я шла, очень внимательно следя за каждым его движением, ведь он мог и в сторону шагнуть.

- Контакт слева!

Сора резко разворачивается и начинает стрелять по мишени, а я захожу ему за спину, умом понимая, что опоздала на секунду. Оказывается, фактор стресса всё равно присутствует. Сложно представить, каково им в настоящих боевых условиях.

- Пуст!

Стагаров присаживается, и я начинаю стрелять в цель, вы-

саживая всю обойму, пока не чувствую два хлопка по ноге. Слава встаёт, а я меняю рожок, чувствуя, как дрожат пальцы.

- Отработана!

- Контакт на двенадцать!

Сора снова поворачивается, но на этот раз я действую слаженно. Всё ещё непросто, но уже ожидаемо. Стрельба продолжается, до тех пор, пока мы не отрабатываем все цели. Я была рада, что что Каст не догадался закричать "Первый ранен" или "Первый трёхсотый". Не представляю, как тащила бы этого бугая за броник по траве.

- Молодец, Виноградова. Слушай, точно к нам не хочешь, - рассмеялся Польш. - Снайпером возьмём, смотри как хорошо отработала.

Представила, каково это стрелять по живым людям и тут же ощутила приступ тошноты, который безуспешно попыталась подавить, в итоге отошла в сторону и опустошила желудок.

- Чёрт возьми, девочки такие девочки, - хохотнул Ярый.

И я была с ним согласна. Да, чувствительность не зависит от набора органов, однако инстинкты в нас хотят, чтобы мы созидали, а не разрушали. Таково женское начало.

- По каналам пока тишина. Если Арген и задумал что-то, то он явно ждёт действий от Лизы, – Звягин положил передо мной мой телефон, но я не успела его взять, потому что он оказался в руках у Сору.

- Мы это не раз уже обсуждали. Пока не будет подтверждения вашей теории, Виноградова не вернется в УУР, – заявил он.

А я почувствовала, как во мне закипает раздражение.

- Ты ведёшь себя, не как мой коллега, – холодно ответила я.

- Ты в первую очередь женщина.

- Я в первую очередь человек с собственными правами и свободами!

Сора смотрел на меня стремительно темнеющими зелёными глазами, остальные же молчали, явно понимая, что происходит, но не решаясь вмешаться.

О том, что они в курсе, что между мной и Стагаровым что-то происходит они знают с самого начала. Волк вообще умудряется Сору подкалывать, когда обстановка начинает накаляться во время совещаний. Я считала, что он здесь лишний, он считал, что мне вообще не место в ЦСН.

Мы не ругались. До этого ни разу не дошло, зато противостояние наше можно из огнетушителя поливать.

- Сор, она права, и ты это знаешь, – влез Волк, куда не просили.

Слава положил телефон на стол и пододвинул ко мне, не отрывая взгляда от моих глаз.

- Я против.

- Я знаю, – выдохнула я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнотворный комок.

Мы все слишком нервничаем в последнее время, и это не проходит бесследно. Я сглотнула, но это не помогло ничем. Взяла в руки телефон и включила его.

- Он отслеживается?

- Да. Помимо нового номера в него встроили датчик геолокации.

Наши спецы перенастроили некоторые параметры, чтобы тебя не было видно в управлении, и чтобы иметь возможность отключить тебя в любой момент.

Я удивлённо взглянула на Сергея.

- Вы не говорили, что он свою симку вставил.

- Не видели в том необходимости.

Я вдруг отчётливо увидела, как у Стагарова сжались кулаки, а его взгляд обещал кое-кого испепелить.

- Так. И что? Мне с его телефоном таскаться и ждать, когда он на связь выйдет?

Звягин лишь усмехнулся, считая, что нет необходимости объяснять очевидное. И её, действительно, не было. Но мне бы хотелось знать подробнее о том, что может ожидать.

- Хорошо. Предположим, что он выйдет на связь и захочет встретиться. Что мне делать?

Я вдруг представила, что Арген потребует прийти к нему на встречу или потребует что-то угрозой жизни другому человеку, и мне совсем плохо стало. Я приложила ладошку ко рту и рванула прочь из кабинета совещаний, так и не услышав ответа.

Когда содержимое желудка кануло в канализацию, я взглянула на себя в зеркало и тут же вспомнила о зомби. Вот примерно, как труп я и выглядела с зеленоватым оттенком кожи, когда лихорадочно вспоминала, когда у меня в последний раз были месячные.

Вспомнила.

И перепугалась.

Потому что уже месяца полтора я не испытывала прелестей спазмов внизу живота, от которых хочется свернуться в точку и исчезнуть с этой планеты.

Он ведь не мог не предохраняться в ту ночь?

Господи, пусть это будет гормональный сбой, а не то, о чём я думаю.

Вспомнила тихий голос его "Танюши" на балконе и осела на пол безвольной куклой.

- Охренеть, Виноградова. Куда ты, блять, вляпалась, а?!

Когда немного успокоилась и вернулась в кабинет совещаний, кивнула парням, что всё нормально.

- Ты точно в порядке? – не поверил Стагаров, пристально

рассматривая моё лицо.

- Да, Сор. Нервное, – солгала я без сожалений. Я ничего ему не скажу.

Ничего.

Он поверил. Нельзя не поверить в подобное, учитывая обстоятельства.

- В общем, если он выйдет на связь, мы будем первыми, кто узнает. Номер на прослушке, поэтому не переживай. Даже, если нам ничего сообщить не сможешь, действуй по обстоятельствам.

Не следовало ожидать чётких инструкции, зная, что они не располагают достаточной информацией. Их главная цель не Арген, а Амир. И как только появится возможность достать второго, можно будет устранять первого.

Уже вечером от Арестова потупил приказ возвращаться в УУР для дальнейшей несения службы в рядах оперуполномоченных. Ребятам это не понравилось, но попытки поговорить с Батей были отбиты чёткими аргументами и моим несогласием с ними.

Наблюдение выставили в тот же момент. Рядом с домом прям в ЦСН стоял неприметный фургончик. В этом не было необходимости в самом центре, но Сокол был уверен, что Арген может позвонить и среди ночи, а собирать их долго.

Единственное, что я успела сделать без внимания коллег — это сходить в аптеку и купить тест на беременность. И уже вечером потрясённо смотреть на две красные полоски,

не понимая, какого хрена он так подло со мной поступил.

- Признайся, Сор, ты ведь даже не думал, что будешь вести наблюдение за Виноградовой? – посмеивался Волк, жуя гематоген. – Вообще, интересно судьба складывается.

- Ничего интересного, Волчара. Виноградова моя и твоя коллега. Сестра, как сказал Арестов.

Саня демонстративно хмыкнул, мол говори, что хочешь, но я-то знаю.

Знает.

Несмотря на моё явное раздражение по этому поводу, продолжает подкалывать, когда Виноградовой нет рядом. Стрела, Сокол и Каст не лезут, но мне и Проскурова хватает по горло.

- Ладно, – махнул я рукой на монитор. – Смотри, я пойду разомнусь немного.

Мне действительно нужно было на воздух. Санёк умеет задеть неприятную тему, блин. Весь день насмарку. Таня ещё мозг с утра вынесла своими рабочими выкрутасами. С чего только такое рвение? Будто сама не понимает, что сейчас любой стресс может сыграть злую шутку. Всплеск гормонов? И ещё эта сексуальная активность, чтоб её. Если так и дальше пойдёт, я в головном спать буду... хотя, не буду. Совесть не позволит, чтоб её.

Вдохнул поглубже и осмотрелся, цепляя взглядом знакомую старую тойоту. Кажется, машина того самого "мужа", который в первый же день знакомства получил от меня в глаз. Я усмехнулся и продолжил оглядываться. С парадной вышел страдалец. Тот самый, которому Лиза нос расквасила во время антитеррористической операции в торговом центре. Он сел в серебристую хонду и свалил в закат. А если быть точнее, то время обеда. Скоро и Лиза должна появиться, она говорила, что обедает обычно в кафе напротив, если нет ничего срочного.

И она действительно вышла из здания в сопровождении "мужа", когда я уже открывал дверь фургона.

- Каст, я тоже жрать хочу.

- Сухпай тебе в помощь, Сокол, – усмехнулся я. – Ну или можешь, как Волк в аптеку за медвежьей кровью сгонять.

Ванька поморщился в ответ.

- С детства ненавижу каши молочные и гематоген.

- А чего? – поинтересовался Волчара. – Мама всегда говорила, что кровь — это железо, а из железа куют замечательное оружие.

- А причём тут это? – вскинул я бровь.

- Ну как? Это как с кашей. Вот Сокол не ел, а в итоге вырос слабеньким только для снайперки и пригодным, – рассмеялся он.

- Да иди ты... – Сокол швырнул в него перчатку, а я с улыбкой вернулся за монитор.

- Скажи ещё мама была неправа.

- Отстань, зубастый.

Парни продолжали перешучиваться, а я переключил камеру, чтобы видеть кафе, куда вошли оперативники. Наблюдать за тем, как они смеются, было не самым приятным зрелищем, но я понимал, что это друзья. Потому и ревности не было. Разве что чуть-чуть. Ровно настолько, что сломать ему пару конечностей, если будет слишком часто их к ней протягивать.

- Ка-а-аст! – позвал Стрела. – Тут какой-то тип ошивается.

Поднявшись, мы подошли к передним сиденьям и уставились в окно, куда показывал Андрюха. Там действительно был паренёк. Стоял у забора и палил как раз на кафешку, где засели опера.

- Наблюдение?

- Похоже на то.

- Ладно, следи. Как будет что-то, скажешь, – отдал приказ Стреле Каст.

Если так, то Арген в ближайшее время свяжется с ней.

Сжав кулаки, я снова посмотрел на парнишку. Самое стрёмное на свете чувство – страх. Не страх за себя, а страх за того, кто занимает особый статус в твоей жизни. Я не хотел думать, что может произойти с Виноградовой. Не хотел, но каждой частичкой своей сути понимал, что она стоит под ударом, которого невозможно миновать.

И это медленно меня отравляло.

- Лады.

Я вернулся за монитор и продолжил наблюдать за парочкой, а Каст принялся читать методичку.

Лиза с аппетитом что-то уплетала, пока Прокопенко попивал кофе и постоянно улыбался так, что у меня челюсть сводило.

Интересно, сколько ещё Арген будет выжидать? Уже неделя прошла, а он всё...

Лиза внезапно достала телефон и уставилась на его экран.

- Сигнал, – тут же отчитался Волк.

- Парень только что трубку положил, Каст. Точно наблюдатель.

Я смотрел на Лизу и ждал её реакции. Ответит или нет?

Прекрасно понимаю, что страшно, но она сама вызвалась. Если что-то случится, мы всегда подстрахуем, тут без проблем, но свои страхи преодолевать она сама должна.

Охламонка приняла вызов и приложила трубку к уху, мы тут же услышали его голос.

- Привет, Лиза.

- Чего тебе? – отозвалась она напряженно.

- Мне тут сорока на хвосте донесла, что ты у нас завербовалась в структуры помощнее.

- О чём ты?

- Давай без этого представления. Я помню, что ты девочка борзая, но прикрой рот и послушай. Я хочу, чтобы ты донесла до своего нового начальника одну простую фразу. Амир

хочет Лисовского. Не будет Лисовского, мы подорвём к хренам всё ваше сраное отделение.

И он бросил трубку, оставив всех нас в недоумении. Потому что капитан ФСБ Лисовский умер в прошлом году во время спецоперации в Дагестане, которую и планировали Звягин с Ярцовым.

- Набери Звягину и скинь ему звук, – отдал команду Каст. Я же смотрел на охламонку и видел, что она напугана.

Никто из нас так и не понял, почему он решил использовать её для переговоров. Их ничего не связывало, кроме того случая, когда он её похитил. Из протоколов допроса мы знали, что Арген запер её в подвале с наркотой и взрывчаткой. Сама она говорила, что он отдал приказ не убивать, но больше его не видела. Возможно, он просто не успел вернуться до того, как мы провели операцию по захвату, однако это всё равно не подтверждает того факта, что он не собирался ею воспользоваться теми же целями, что и сейчас.

- Звягин на связи, Каст.

Он взял трубку и, включил громкую на панели переговорника, чтобы все слышали и ответил. Голос Сергея же резанул по ушам, как лезвие.

- Мы должны сдать Амиру Лисовского.

- Он мёртв, – не понял Каст. – Ты хочешь ему останки вручить?

- Лисовский жив, Кайгоров. Мы его трёхсотым из котла вывозили. В коме был. После признали его погибшим, по-

сколько он... После того случая не мог полноценно служить. И он предпочёл новое имя, чтобы не стать целью для Амира.

Я сжал зубы и прикрыл глаза, потому что то, что они сделали... Не по-братски это.

- Слушай, я знаю, что вы себя винили, но так нужно было.

- Кому? – спросил зло. – Неужели вы посчитали, что кто-то из нас станет брата сдавать, а? А сейчас ты что хочешь повернуть, Звягин?

Своими же руками сдать?

- Лисовский сам согласится.

- Зато мы не согласимся, грёбаный ты мудака!

Звягин замолчал, видимо, надеясь что Каст сейчас успокоится. Но хрен там. Мы год брата по погибшим считали. Погибшим по моей вине, что не смог закрыть в нужное мгновение!

- Кайгоров, соблюдай субординацию. Арестов, не...

- Я сейчас и с Арестовым поговорю. Волк, отрубай!

Я задержал дыхание и обвёл взглядом ребят. С одной стороны я был рад, с другой... Кто так делает, а?

- Я в ахуе.

В ответ мне было только потрясённое молчание, в котором можно было услышать звон. Знал бы, сам бы гада грохнул. И так, наверняка, думал не я один. Гвоздь его вообще с говном сожрёт, потому что больше всех переживал, что не смог нормально первую помощь оказать. А оно вон как оказывается...

До конца рабочего дня Лизы мы все пытались осознать эту новость. Разговор с батей тоже не был из числа простых. Пётр Николаевич умелый балабол, этого не отнять. Попытки объяснить, что так было нужно нас не достигли, зато вопрос безопасности Лисовского от Амира стал аргументом.

Однако это не отменяло другого. Как Амир нашел его, если концы опустили в воду?

Я старался не думать о том, что скажет Лиза на завтрашней оперативке. Думаю, ей не понравится идея сотрудничать с Аргеном точно так же, как и нам.

Я бы просто задавил эту гниду и забыл. Нет же... Звягин хочет Амира, а других ниточек нет. Тоже мне. Спецы.

Когда думал об этом, у меня зазвонил мобильный. Это была Таня.

– Привет, – принял я вызов.

– Привет. Слав, слушай, у нас тут товар поздно привезут, нужно будет всё рассортировать и вбить в базу. Я задержусь, не теряй, ладно?

– Хорошо, Танюш. Тебя забрать?

– Нет, я на такси. А ты отдохни вечером, хорошо?

– Ладно.

– Ну всё, люблю тебя.

– Пока.

В последнее время что-то слишком часто так случается, что она остаётся на переработку. Наверное, пора намекнуть, что не стоит себя перенапрягать. Не дай бог ещё с малышом

чего случится.

- Каст, парнишка свалил.

Мы посмотрели в спину удаляющегося пацана и хмыкнули, переглянувшись с командиром.

- Сокол, веди его, – отдал он приказ.

Ванёк мгновенно подхватил ветровку и выскочил из фургона, прогулочным шагом направившись за парнем, который ничего и не поймёт.

- Надо будет морду по базе пробить.

- Вряд ли он там будет, Слав.

Я поджал губы, молча соглашаясь.

- Пробивай. По протоколу нужно, ты же знаешь, – настаивал Каст.

- Тарану будем докладывать? – вскинул я бровь, когда Каст не выполнил это действие по тому же протоколу.

- Сначала узнаем куда он идёт. Если на подозрительные мероприятия, то свяжусь.

Я бы и сам не стал, будь на его месте. Не нужно привлекать лишнего внимания Тарана. Сокол сейчас посмотрит, что он там и где, а потом уже выводы делать будем.

Мы весь день по городу за Виноградовой мотались. Я, конечно, знал, что у оперов шило в одном месте, но даже не подозревал, что настолько. Она раза четыре за весь день в управление возвращалась, но всё больше по адресам гоняла с Прокопенко.

В целом, выглядела нормально, но мне казалось, что это

только напускное.

– У неё рабочий день во сколько заканчивается? – потёр переносицу Волк, стащив с себя наушники.

– В пять, – ответил спокойно.

Саня же посмотрел на меня так, будто я ересь какую-то брякнул.

– Время девять. Какого лешего тогда она всё ещё катается с этим хмырём?

– А потому что опера сверхурочно работать любят, – усмехнулся Стрела. – Бескорыстные ребята.

Я ничего не сказал. Когда работал в ФСКН у нас тоже был ненормированный рабочий день, потому что мы только и делали круглыми сутками, что добывали информацию следокам. На этом вся наша работа строилась, и я как никто другой понимал, почему Лиза всё ещё на ногах.

В итоге домой Прокопенко повёз её очень поздно. Не знаю, что он ей наговорил, но Виноградова стремительно вылетела из машины и помчалась домой. Мы сверились со сменной группой наблюдения и сдали смену им, сами же разошлись по домам. Большинство проживали непосредственно в ЦСН. Только Соколу нужно было добираться в соседний район, но он на собственном транспорте, поэто не особо парился на этот счёт.

Я поднялся на свой этаж и вошел в пустую квартиру. Обычно очень остро чувствую, когда Тани нет дома, поэтому спокойно прошёл на кухню, налил себе чашку крепкого

чая и вернулся в зал, где даже телевизор включать не стал. Хотелось тишины, как снаружи, так и внутри.

Порой очень трудно не приводить мысли в порядок, но иногда ещё труднее делать это вновь и вновь, особенно такому тактику, как я.

Я хотел решить эти проблемы, но их решение лежало на совершенно иной плоскости, куда нет хода без потерь на этой.

Завтра я узнаю подробности о "смерти" Лисовского и очень надеюсь не набить морду этим двум упырям за то, что всё это время держали нас в неведении. Командир взвода был для нас не просто примером для подражания. До того, как появился Польш, мы себе и представить не могли, что может случиться нечто подобное. Лисовский принимал участие в спецоперации в Дагестане. Об Амуре тогда и не слышали ничего, но судя по материалам дела, там был его брат. Тот район зачистили от духов, я знаю, потому что после смерти Лисовского мы всем отделением написали рапорт Арестову с просьбой вернуться туда.

И я бы не сказал, что это было просто. Три месяца в лагере провести в подлеске близ посёлка, то ещё удовольствие, но мы крепились, живя на сухпаях и изредка добытой в лесу дичи.

Я понятия не имел что нужно Амуре от Лисовского, ведь после «смерти», я уверен, даже не совался в ту сторону. По легенде ты должен раствориться под чужим именем и нико-

гда не возвращаться в места боевых операций.

Я вздохнул и отхлебнул горячего чая, взглянув на часы. Слишком поздно, Таня должна была уже вернуться.

Взяв телефон, я набрал её номер, но она не ответила на вызов. И это начало нервировать. Отыскал в записной книжке номер её сменщицы и только хотел активировать вызов, как на экране высветилось лицо Тани.

– Да, Слав. Звонил?

Голос такой запыхавшийся

– Опять коробки таскаешь. – возмутился я. – Тань, серьёзно, что ли?

– Слав, нет. Я не таскаю. Просто складываю всё по полкам. Домой хочу, сил нет. Ты уже вернулся?

– Да, только что. Тебе долго ещё?

Таня чем-то зашумела, и я никак не мог идентифицировать этот звук.

– Через час или два, тут работы вагон. Я уже Светку позвала на помощь. Ложись без меня спать, ладно? Я на такси приеду.

– Уверена? Давай я встречу.

– Ну что ты под дверями будешь стоять? Тебе нельзя сюда, меня начальница не поймёт, когда на камерах увидит. Я приеду, всё хорошо.

– Ладно, но будь пожалуйста, осторожна, – нахмурился я.

– Хорошо, – улыбнулась она в трубку. – Люблю тебя. Пока

– Пока.

Положив телефон на стол, я устоял в окно, за которым давно стемнело. Интересно, Виноградова сейчас чувствует тоже, что и я? Прогорклое одиночество, что уже давно поменяло вкус и перестало облегчать отдых.

Качнув головой, я подхватил кружку с чаем и поплёлся на балок, чтобы подышать воздухом, проверить на месте ли машина наблюдения, а после спать пойти, но так и не ушёл, когда услышал разъярённый голос Виноградовой снизу.

– Нет! Какого хрена ты вообще мне звонишь, мудака?! Я сказала, что больше никогда не хочу тебя ни слышать, ни, тем более, видеть. Ты мне всю жизнь исковеркал, сукин сын! Подохни где-нибудь под забором, как и собирался!

Она сбросила вызов и звучно шмыгнула носом, давая понять всем, кто ещё возможно не спит и точно так же вышел на балкон, что безбожно ревёт. Всклип, ещё один и тихое, но с ощутимой ненавистью:

– Ублюдока!

Думать не хотел, кто это был, но желание растерзать уroda на куски и скормить волкам в зоопарке было настолько сильным, что вкус крови я ощутил на собственном языке.

Я мог бы отозваться. Мог бы спросить. Но в моих же интересах было не лезть к ней. Мало ли кого она так люто ненавидит. Говорят, где есть ненависть, там есть и боль, а боль возникает только тогда, когда человек небезразличен.

И я не хотел знать, кто этот человек. Сидел, сжимая кулаки, пока она не успокоилась, а потом ушел, допив уже остыв-

ший чай.

Спалось плохо. Снилось всякая ересь, какие-то дети. Волосы Виноградовой, её запах, слёзы, крики и боль. Боль и нежелание отпускать то, что так крепко держал.

Из сна вырвало чужое присутствие в постели. Тёплая Таня нырнула под одеяло и тут же прильнула к груди, ластясь нежной кошкой и скользя пальцами по груди.

Я знал, чего она хотела, но...

– Тань, я очень устал.

Замерла, глядя на моё лицо. В темноте там мало что можно было увидеть, да и при свете дня, я вряд ли бы отличился эмоциональностью.

– Слав, у нас уже давно не было хорошего секса. Я понимаю, что тот случай он... – она судорожно выдохнула, но продолжила. – Я что-то не так делаю? Больше месяца, Слав! Я думала, после командировки всё наладится, но ты словно... Словно деревянный!

И я не знаю, что ей ответить. Тупо не знаю. Просто не хочу и всё тут. Понимаю, что секс необходим, но это, блять, та ситуация, когда нет никакого физического влечения. Всё равно что пытаться возбудиться с помощью тумбочки или окна.

Таня тёплая, добрая, хорошая и уютная. Но не та, кого я хочу видеть в собственной постели. Не после Лизы.

И я не знаю, что мне с этим делать.

– Я устал, – ответил тихо и притянул её к себе. – Прости.

Давай спать.

Как долго я смогу объяснять нежелание спать с ней собственной усталостью? Мне нужно что-то делать со всем этим.

Ночь выдалась ужасной. Звонок пьяного отца окончательно выбил меня из колеи. Когда я уходила от него, спешно собирая сумки, то думала, что никогда в жизни больше его не увижу и не услышу. Постоянное беспробудное пьянство на фоне непереносимости кого угодно сведут с ума, а останавливаться сам отец не умел. Слишком сильный абстинентный синдром не может перенести ни один человек без помощи специалиста, так стоит ли его в том винить?

Стоит. Я знала это наверняка.

- Где он? - вырвал меня из потока мыслей хмурый голос Каста.

Ярцов взглянул на часы и пожал плечами.

- Скоро будет.

Обстановка в кабинете совещаний была очень напряжённая.

Старый что-то говорил про Лисовского сегодня на обеде, кроя его нехилым таким слоем крепкого мата. Было трудно продраться сквозь него до сути яростного монолога, но я умудрилась понять, что Лисовского признали погибшим на какой-то спецоперации в Дагестане. И ребята действительно считали его мёртвым, пока Арген не потребовал его выдачи.

Последний, к слову, не звонил больше, но скинул сообщение, содержание которого я не хотела принимать всерьёз.

"Лисовский и Виноградова должны быть выданы нам в САР в течении недели"

Если во внутренних вопросах я ещё хоть как-то разбираюсь, то с заграницей в знаниях были пробелы.

Арестов только говорил, что в случае, если мы будем согласны на условия Аргена, то они подключат силы специального назначения. Так называемые ССО, работают за пределами Российской Федерации.

Ребята были не согласны с таким положением дел, я тоже, поэтому мы искали другие варианты для сотрудничества с фигурантом, но разведка чётко дала понять, что обнадёживающей информации у них для нас нет. Мы не знали местоположение Аргена и Амира, а это значило, что нужно было двигаться дальше и соглашаться на условия, какими бы бредовыми они не были.

Лисовский вошёл в кабинет вместе с Арестовым, и я сразу обратила внимание на протез, вместо правой руки. Он глубоко вдохнул, будто собирался защищаться от нападок бывших подчинённых, но никто ничего не сказал. Первым встал Волк. Он подошел, собираясь пожать руку, но... посмотрел на протез и молча обнял мужчину.

– Ты мудозвон, командир, но я всё равно рад, что ты жив.
– Я знаю, – только и ответил тот.

А после каждый по очереди подошел и проделал тоже самое. Каждый со своей обидно репликой, но невероятным облегчением. И даже Стагаров упрекнул за то, что их держали

в неведении.

Когда шум вокруг присутствия бывшего командира улегся, Звягин предупредил, что сейчас явится взвод Тарана. Этих бойцов я видела только мельком в столовой и, как поняла, большой любви ребята к ним не испытывают. Все ребята Польца. Ярцов же сказал, что первое его отделение ведёт за мной наблюдение по смене с Кастом.

– Мы днём, они ночью, – хмыкнул Волк, стуча ручкой по листку бумаги. – Не хотели отдавать самое интересное им.

– А что остальные делают в это время? – поинтересовалась я, стараясь не думать о том, что чувствую Стагарова круглосуточно.

Я знаю, что он рядом, когда иду на работу, когда допрашиваю свидетелей, когда ем с Прокопенко в кафе, и, когда ложусь спать. Я уже отравлена им. Пропитана насквозь, а ему будто всё мало, он хочет свернуться вокруг моего сердца и медленно его душить.

– То же, что и всегда. Тренируются, – улыбнулся Арестов.

Ещё минут пятнадцать мы ждали остальных, а когда те пришли и расселись за столами началось обсуждение дальнейшего плана действия, от которого меня заколотило.

Потому что это страшно. Это жутко. Это...

– Виноградова не должна принимать участие! – резко обрывает Сора.

Я оборачиваюсь и встречаю пронзительный зелёный взгляд, полный ужаса.

Все молчали несколько мгновений, я и подавно, потому что сама боялась, но... Но есть вещи, которые важнее двух жизней. Разве нет?

Всё моё существо сейчас хотело встать и уйти. Наплевать на всё и заявить во всеуслышанье, что я не могу согласиться с требованием Аргена.

Но вся проблема заключалась в том, что он всё равно добьётся своего. Меня не будут охранять круглыми сутками. Пойду в магазин или поликлинику, он найдёт способ до меня добраться. Поэтому я хочу быть там, где по нему запланировано нанесут упреждающий удар, чтобы избавить своё будущее и будущее малыша от этой жуткой угрозы.

– Слав, это не тебе решать, – мягко сообщила я. – Это мой осознанный выбор.

Стагаров сжал кулаки, когда Каст хлопнул его по плечу. Никто ничего не сказал, да и сам Сора промолчал, но я по взгляду видела всё, что он обо мне думал.

– Проблема в том, малая, что мы не можем принимать участие за территорией родины, – начал Сокол.

– Мы не сможем контролировать ситуацию, – перебил его Волк. – Я понимаю, что они лучшие в своём деле, но, Лиза... Ты же знаешь, что лучше близких людей никто не сделает.

Я куснула губу ещё больше начав нервничать. А мне нельзя, но боже мне так страшно. Я не представляю, что со мной Арген может сделать. Конечно, я не дамся, но... Я не могу знать, что задумал этот ублюдок.

– Мы сделаем всё, чтобы ребята из ССО её вытащили, – вставил свою реплику Звягин, на что его окатили презрением.

Ни Таран, ни его бойцы не лезли в этот диалог. Им было всё равно, потому что они выполняли свою работу, как и всегда.

Мы ещё раз обсудили, как всё это будет выглядеть на практике. Арген ещё не ставил условий транспортировки, но вопросы безопасности на территории России можно было решить уже сейчас. Второе отделение Тарана будет обеспечивать нас сопровождение. Встречу и посадку на борт будут контролировать снайперы, в число которых войдёт наш Сокол. Отдел разработки предположил, что доставлять нас будут частным самолётом. На месте уже никого не будет, поэтому важно, чтобы мы оба сохранили передатчики, которые на нас нацепят.

Основная задача – передать местоположение Амира. Но есть мысль, что до Амира я не доберусь, поэтому датчика и будет два.

– Ваш инструктаж начнётся с завтрашнего дня, – обратился к нам Ярцов.

И если Лисовский был с ним согласен, то я нет. Я понимала, что случится могло всё, что угодно. Я понимала даже, что могу никогда не вернуться из Сирии.

– Я могу попросить один день выходного? – спрашиваю уверенно.

В конце концов, даже смертникам дают возможность проститься с близкими.

Звягин долго смотрел мне в глаза, но в конце концов кивнул.

– Один день. После вы с Лисовским пройдёте полный инструктаж в течении трёх дней и пойдёте на контакт с Аргеном.

И я согласно кивнула, чувствуя тяжелый взгляд на своих плечах, на который могла ответить, но я не нашла в себе смелости. Слишком горчило во рту от страха, и я не хотела, чтобы он это видел.

Мне ещё нужно было хорошо подумать, как обеспечить собственную безопасность. Защитить малыша любой ценой, но при этом не сорвать операцию. Ведь, если они знают о моём положении, пожертвуют жизнями людей, но не позволят разобраться с Аргеном самой.

И у меня было несколько идей, которые предстояло хорошо обдумать.

Первое, что сделала Виноградова на следующий же день – это отправилась в уголовный розыск на встречу к своему другу. Мы молча следили за её передвижениями и понимали, что она вышла на курс прощания. Её мотив не трудно понять. Трудно принять, что она без всяких сомнений пошла

на собственную жертву. Нет, Лисовский поступил точно так же, но ведь он это другое. Он мужик, в конце концов. Боец поживший и поведавший на своём веку достаточно, чтобы решиться на подобный шаг.

Но я понимал, что моё неприятие её выбора складывается вовсе не из-за предвзятого отношения к гендерной принадлежности или прожитым годам, а к тому, что это она... Просто она. Будь на её месте любая другая, я бы не бился о глухие стены собственного разума. Я бы принял намного спокойнее. Но сейчас под угрозой мой якорь, а я даже не смогу принять участие в операции.

Что со мной будет, случись с ней беда?

Может я и не могу быть рядом, как бы сильно не желал обратного, но я хочу, чтобы она жила. Замуж вышла, детей родила и была счастлива, мать его. А не подвергала свою жизнь пусть и обоснованному, но всё же риску.

Немногим позже, она посетила несколько мест в городе. Знала, что мы незримо наблюдаем, но всё равно отметилась возле памятника великой отечественной, на мосту в центре, где минут сорок просто смотрела на воду, затем на кладбище для посещения чьей-то могилы. А потом направилась на адрес, явно нервничая, потому что объяснений её трясущимся рукам я дать не мог.

– Кто пойдёт? – спросил Каст и посмотрел в мои глаза, уже зная ответ.

Я просто кивнул, поправил кобуру с табельным, одел вет-

ровку и вышел.

Лиза увидела, что я иду следом, зашла в подъезд, не став придерживать для меня дверь, но дождалась у лифта, когда я вошел.

– Зачем здесь-то следить? – задала безразлично вопрос.

– Есть протокол, – ответил просто и вошёл в лифт, когда распахнулись двери. – Я выйду этажом выше. Какая квартира?

– Сто пятьдесят седьмая. Выше только звёзды, Стагаров. Вместе выйдем этажом ниже, там нет остановки.

Я только усмехнулся. Умеет же вставить цитату, которая вроде бы и не вписывается по смыслу, но прекрасно подходит по ситуации.

Не хотел думать куда она и к кому. Вообще не хотел ни о чём думать. Просто пару мгновений плечом к плечу, и несколько секунд для чувств, которые не смог бы проявить открыто.

– Как уговорить тебя не делать этого? – тихо спросил я, коснувшись костяшками пальцев её руки.

Не ответила. Двери лифта разъехались в стороны, а она замерла только на секунду, поджав губы и... вышла, сразу же ускользнув от меня за поворотом на лестницу.

Я остался ждать, слушая, как грохочет собственное сердце в груди и признавать собственное поражение.

Кто я такой, чтобы хоть как-то влиять на её решения? Ни уговорить, ни заставить не могу. И в целом чувствую се-

бя свидетелем надвигающейся катастрофы вселенского масштаба.

Её не было минут десять всего, а потом я услышал крики и звон разбитого стекла. С места сорвался даже раньше, чем подумал об этом. Остановился у двери и прислушался.

– Если тебе было не плевать, ты бы сделала всё, чтобы мне помочь! А ты? Только и можешь, что упрекать, дрянь! Никакой материальной помощи от тебя не дождёшься!

Пьяный мужской голос меня очень напрягал, и я почти был готов вынести хлипкую деревянную дверь, когда на повышенных тонах ответила уже Лиза.

– Да ты не можешь держаться! Сколько я ещё денег могу давать на твои запои? Сколько стоит моё спокойствие?! Раньше тебя хоть дед сдерживал, а потом и его не стало!

– Ты ещё смеешь мне за него предъявлять, Елизавета? Ты же бросила нас! Сбежала!

– Не называй меня так! И это дед сказал, что я уходить должна, когда его первый инфаркт схватил! Потому что боялся, что твои собутыльники со мной сделают что-нибудь!

В этот момент я понял, почему она морщится всякий раз, когда её полным именем называют.

– Пошла вон, сука! Нет у меня дочери! Нет и никогда не было!

Уже через секунду она вылетела прямо в мои объятия, громко хлопнув дверью. Уткнулась носом в грудь и крепко обняла.

– Стагаров, какого фи́га ты подслушиваешь? – говорила она сипло и с трудом.

Хоть лица её я не видел, прекрасно знал, что она плачет.

– Вас невозможно было не подслушать, Лиз. Я разволновался, когда крик подняли.

Лиза хмыкнула и предложила уйти. Я не был против, хотя и ушли мы не далеко. На два пролёта ниже, где она села на лестницу и начала рассказывать. Рассказывать о вещах, которые вряд ли вообще кому-то когда-нибудь говорила.

– Мама умерла, когда мне было три, – она шмыгнула носом и сцепила пальцы, невольно пытаясь держать эмоции в узде, но получалось откровенно плохо. – Моим воспитанием занимался дед, потому что отец предпочёл сбежать от реальности за счёт алкоголя и наших нервов. Постоянно уходил в запой и долго не мог протрезветь, потому что для этого ему нужно прочищаться капельницами, что было очень дорогим делом. Одна банка пива и очередной выбор: либо врач, либо пить до самого конца. И он выбирал второе, несмотря на меня, вечно просящую не начинать сначала.

Лиза закусила губу, а я вдруг почувствовал, что хочу обнять её и утешить. Трудно вообразить детство маленькой девочки, пережившей сразу две трагедии, ведь отец фактически бросил её.

– Даже дед, имея военное воспитание, не мог повлиять на этого урода, – она судорожно вздохнула и продолжила. – Однажды он уехал к старому другу. Ничего особенного,

просто поездка в гости. Отец дома был трезвым, и ничего не предвещало беды. Но уже через час после того, как мы остались вдвоём, в гости пришли его собутыльники. Несмотря на мои уговоры и плач, несмотря на отсутствие денег на врача, несмотря ни на что, он всё же напился с ними. Одного из его дружков достало, что я постоянно зову отца и мешаю им отдышать. Он запер меня на балконе, пригрозив, что вышвырнет меня с него, если я попытаюсь звать на помощь или в голос реветь. – и новый судорожный вдох. – Дедушка нашел меня только через несколько часов. С той поры, кажется, я и боюсь высоты. По крайней мере, других объяснений я не нахожу.

С каждым её словом во мне росла ненависть к этому человеку. Если бы не её здесь присутствие, я бы поднялся и поговорил «по душам».

– Зато ты выросла хорошим человеком, Лиза.

Она снова закусила губу и посмотрела в мои глаза.

– Хотелось бы в это верить, Слав. Знаешь, мне ведь тоже по наследству досталось, – она отвела взгляд в сторону, явно не желая продолжать, но всё равно решилась. – Я очень плохо помню ту ночь, потому что алкоголь действует на мой организм как яд. Третий стакан горячего меня отрубает напроц, а утром я не буду помнить, что было.

– Я впервые вижу человека, который осознанно себя отравляет, зная, какой это наносит удар его организму.

– У меня нет других способов избавиться от стресса, –

хмыкнула она.

Я сел рядом и притянул в свои объятия, положив подбородок на её голову.

– У меня вообще нет таких способов, Лиза. И здесь я тебе даже завидую, потому что время от времени ты можешь сбежать от реальности. Моя же меня сторожит, как злая собака у ноги.

– Слушай, а они мне всё больше нравятся, – улыбался Прокопенко, потягивая свой излюбленный вискарик.

Мне же выдали молочный коктейль, который я не могла пить из-за подступающей тошноты. Поэтому высокий бокальчик, подсунутый суровым Стагаровым в момент, когда Ярыч пытался всучить мне горящую самбуку, я отодвинула подальше от себя и ждала, когда Лёсик притащит минеральной воды.

– Это первое впечатление, Жень, – я поморщилась и припомнила: – Ярыч мне задницу на ринге надрал.

– Воспитательный процесс? – удивился Прокопенко и широко улыбнулся. – Приятно знать, что кто-то, кроме меня, на подобное способен.

– Эй, в последний раз я тебя на удушение взяла.

– А, то есть, не мне одному доставалось, да? – влез Ярыч со своей обаятельной донельзя улыбкой.

– Слушай, у тебя лицо не трескается, когда ты так дела-

ешь? – я жадно схватила принесённый Лёсиком стакан с газированной водой и с удовольствием отхлебнула блаженной водицы.

– Ты про это? – Тим пальцем указал на губы и улыбнулся ещё шире. – Она у меня отработана на сотнях девушек, которых я успешно очаровал.

– Поверь, брат, Виноградова, не твой вариант, – заржал Прокопенко, которого я пихнула локтем в бок. – Ну а чего? Когда ты последний раз на парней велась? Ну, кроме Соры, который фингал загноил?

К слову, эти двое сегодня друг друга чуть взглядами не спалили. И если мотивы вечно переживающего за меня Женьки мне ясны, как белый день, то Стагаров выглядел так, будто у него из-под носа собираются жену умыкнуть.

– Эй, я на Виноградову только-только претендовать начал! – возмутился Ярыч. – Нет, она, конечно, не красавица, но...

Я закатила глаза и, перестав слушать этот бред, вышла из-за барной стойки отправившись в туалет.

После разговора по душам с Сорой, мне позвонил Ярыч с предложением встретиться вечером в причале и дружно посидеть семьями. Я решила, что это замечательная идея и позвала Женьку с Янчиком, стараясь не думать особо о том, что Стагаров тоже придёт не один. Я бы спокойно выдержала все удары судьбы, но «Танюша» не пришла, как и ещё пара человек из всего взвода. Старый только приехал, посидел

минут пятнадцать и уехал, а Север... Честно говоря, я его почти не знала. Он вот вообще не явился, хотя ему и Сора и Волк звонили несколько раз, уговаривая хотя бы отметиться.

Справив нужду и ополоснув лицо, я вышла в коридор и тут же была поймана взглядом Стагарова, который точно искал меня. Обернувшись, увидела, как Прокопенко заходит в туалет и чесанула за ним.

Не хотела я с Сорой разговаривать. Чем больше слов, тем сильнее у меня тяга к нему, что плохо может закончиться для нас обоих. Я не хочу разрушать его жизнь. Не хочу.

Влетев в помещение, я последовала за Прокопенко в кабину и шикнула, когда тот удивлённо вытянул лицо.

– Вот у нас, Лиз, с тобой всё было, – как-то не особо возмущённо заметил Женька. – Мы и пили, и спали, и даже с похмелья вместе болели. Но вот это уже перебор.

– Ой, да брось! Можно подумать, там есть что-то интересное, – ехидно заметила я, даже не планируя опускать глаза вниз.

– Ну, знаешь, Виноградова!

– Знаю, Прокопенко. Знаю.

– Не будь ты мне братом, я бы тебе сейчас...

– Стал доказывать, что я неправа? – фыркнула я. – А Янке в глаза потом не стыдно было бы смотреть?

Прокопенко поморщился. По больному бить я умею, да.

– Ведьма ты, Мелкая. Как есть ведьма.

Я этого никогда не отрицала. Характер у меня порой тот

ещё, о чём, собственно, почти все сотрудники УУР знают, включая самого Ваклонского.

В туалет кто-то вошел и остановился посередине, явно раздумывая о том, куда могла надеваться мелкая оперативница. Я хлопнула Женьку по плечу, чтобы молчал и тот послушался. А потом ехидно улыбнулся, подвинул меня в сторону и... вышел из кабины.

Засранец!

– Здорова. Потерял кого?

– Потерял, – задумчиво ответил Стагаров, не торопясь уходить.

– Если Виноградову, то здесь её нет, – я прям слышала в этом голосе ехидство.

И это я ведьма, да? Ну, Прокопенко!

– Ладно. Я понял.

Сора тут же ушел, а я выскочила из кабины и хорошенько треснула оперу подзатыльник.

– За что?!

– За всё хорошее! Ты бы ещё ему пальцем в нужную дверь ткнул!

– Ну, я ткнул, – заржал этот конь белобрысый. – Он тактично не стал тебе мешать справлять нужду. Порядочный мужик оказался.

Одарив Женьку убийственным взглядом, вздохнула и пошла прочь, ожидая, что Стагаров будет ждать за дверью, только вот стоило оказаться снаружи, как Прокопенко под-

хватил меня под локоть и потащил в другую сторону от ожидающего Стагарова.

– Есть разговор по делу Видимого.

Вскинула бровь, но позволила себя увести на улицу. Женька даже без переходов начал:

– Короче, сегодня нас Третьяков собрал и... – Прокопенко оглянулся, видимо, боясь, что его услышат. – И знаешь после того, что он сообщил, у меня возникло несколько вопросов о твоём переводе.

– Не поняла, – собственно, не поняла.

– Не думала, почему такая срочность и спешка? – не услышав ответа, Женька покачал головой. – Мелкая, в ЦСН не берут с бухты-баракты. Там проверка длится больше трёх месяцев.

Я вдохнула, предчувствуя неприятные новости и пихнула его в бок, желая прекратить все эти загадки.

– Прямо говори.

– Если прямо, Лиза, то у Арестова где-то завелась крыса, сливающая инфу о спецоперациях в пределах федерации.

Меня данное заявление привело в шок, если не в ужас. Это не могло быть правдой. Ведь, если правда, то и наша операция под угрозой срыва.

– Ты думаешь, чего несёшь? – спросила возмущенно. – Если бы была крыса, весь ЦСН бы на уши подняли. У нас ведь схожий протокол. Как только подозрения, так сразу всё руководство сносят и проверками долбить начинают!

– Тогда на кой ты ему сдалась в отделе аналитики, а? Проверенный преданный человек лучшего друга с хорошей характеристикой и верой в справедливость. Любой, кто тебя знает, скажет, что ты не пропустишь слив, если обнаружишь. Охренеть!

Я выдохнула, собираясь с мыслями и сунула пальцы в волосы, пытаясь помассировать заболевшие внезапно участки головы.

– Ладно. При чём тут Видимый?

– Мы же наблюдение выставили за Грачёвой, помнишь? – посмотрев на моё лицо, опер усмехнулся и продолжил. – В общем, я сегодня узнал, что живёт она на территории вашего центра.

Я вдохнула, пристально глядя в глаза Прокопенко, а в моей голове выстраивалась цепочка, в которой не хватало только пары деталей, но я уверена, что их обязательно раздобудут, когда я поставлю в известность Арестова.

Чтобы скрыть их связь, Видимый убрал Селезнёву. Ведь именно она провела его людей в торговый центр на набережной. Но при этом потерял запонку. Та привела нас к Терентьевой, товароведу на фармацевтическом складе. Мы с Женькой выяснили, она покупала эти чертовы запонки для своего замдиректора, что, в свою очередь, подарила их фармацевту Грачёвой. И уже Грачёва вручила их самому Видимому...

И наблюдение показало, что живет эта самая Грачева как

раз на территории ЦСН, а значит - вполне может состоять с кем-то из сотрудников в отношениях. Достаточных, чтобы сливать информацию на сторону.

– Ох, нихрена себе! – выдохнула я, размотав цепочку в голове.

– Мы, если честно, пока ещё не поняли в чьей конкретно это компетенции. Грачёва занимается поставками наркоты из Афганистана через владельца компании, которого крышуют её знакомые. Не знаем, кто именно обеспечивает ей безопасность, но тот факт, что она прикрывается должностью обычного фармацевта нас несколько сбивает с толку.

– В каком смысле?

Прокопенко вздохнул.

– Слишком уж важная шишка она, Лиза.

Я кивнула, полностью соглашаясь с ним.

– Осталось выяснить два момента. Кто такой Видимый и с кем живёт Грачёва.

– Надо сказать, что это самое сложное в деле. Уверен, что допрашивать птичку не имеет смысла. Информации она не даст, мы только сорвём всё к чертям и так и не прихватим за задницу Видимого.

– Подожди, – дошло до меня внезапно. – Но если Грачёва крыса, то кому и куда она сливает инфу?

Прокопенко так на меня посмотрел, что я себя полной душой ощутила. Ведь Видимый работал с духами из запрещённой группировки, которых провёз как-то через границу.

– Вот дрянь! – не сдержалась я. – Женька... Млять, я завтра же Арестову доложу.

– Да погоди ты, – он подхватил меня под руку и повёл по тротуару. – Мы хотим ещё пару дней понаблюдать за ней. Я знаю, что вы там с Аргеном что-то мутите, и знаешь... Не могут такие важные фигуранты ошиваться около друг друга и никак не сообщаться. В конце концов, их связывает одна группировка.

Я куснула губу и покачала головой.

– Проблема в том, Жень, что мы готовим очередную операцию. Если её сольют, это будет...

– Жопа, – кивнул он. – Мда, Мелкая. Дела.

И я не стала говорить, что принимаю в ней непосредственное участие.

Прокопенко меня убьёт.

Ещё около часа мы потратили на обсуждение плана. Приняли решение сообщить Арестову и уже с его отмашки узнать, где именно проживает Грачёва. А дальше... Дальше действовать по обстоятельствам.

Когда вернулась в Причал, меня встретили радушно. Парни уже хорошо поддали и отрывались. Кто-то подкатывал к девчонкам, кто-то вёл задушевные беседы. В этой толпе я могла выделить только трёх человек, которые хмурым, но трезвым взглядом следили за порядком.

Сора, Волк и Сокол вели тихую беседу. Я бы даже сказала, перебрасывались короткими фразами и их лица при этом

были совершенно нечитаемыми.

Стагаров заметил меня, несмотря на то что я старалась держаться Прокопенко и не отвечивать. Мы дошли до Ярыча, но тот уже был занят флиртом в какой-то блондинкой в коротком платье.

– Может, вискарика? – заговорщицки предложил опер и подмигнул. – Я тебя прикрою.

– Нет, не хочу, – ответила с улыбкой.

Узнай он о моём положении, я бы получила втык. И Сора бы огрѐб, как единственный у кого был доступ к моему телу. Прокопенко бы не волновало, что после него могла быть сотня-другая прочих ухажеров.

Женька только пожал плечами и переключился на Яну, что общалась с чьей-то супругой. А я обернулась и снова встретилась взглядом со Стагаровым, который, кажется, и не думал оставлять мою спину без внимания.

Как же сложно всё.

Следующие три дня были насыщены новой информацией. Если Лисовский более или менее понимал, что его ожидает, то я не была готова к тому, что меня могут убить ещё на подъезде к месту встречи.

Звягин и Ярцов привлекли людей из ССО, которые объясняли, как вести себя во время штурма. Куда бежать, кого держаться и все, что хоть как-то поможет сохранить свои жизни в сложной ситуации.

– Мы приступим к вашему вызволению сразу же, как только выясним, где вы находитесь и проведём разведывательные мероприятия. Это может занять от нескольких часов, до нескольких суток. Вы должны быть готовы ко всему, – один из спецназовцев посмотрел на меня и тихо добавил: – Абсолютно ко всему.

Я поняла, что он имел ввиду. Да я и до этого понимала, но почему-то именно сейчас ощутила острое желание отказаться от операции. Но вспомнила про двух убитых Видимым женщин и... кивнула.

Разговор с Арестовым был, мягко говоря, волнительным. Старый лис почему-то не хотел, чтобы я принимала участие в выявлении крысы, но это осложнилось тем, что бойцы перестали вызывать у меня доверие к себе. И я действительно боялась, что пока прохожу инструктаж, кто-то сливает обо

мне информацию Аргену и Амиру, которые перестраивают свою стратегию в зависимости от положения дел.

Арестов чуть позже меня успокоил тем, что сливы идут не от бойцов, а тех, кто наблюдает за ними. У противника нет подробностей, только информация о времени спецоперации взвода Польца.

– И мы выяснили, кто такая Грачёва, – Пётр Николаевич, достал графин из тумбочки, налил себе в стакан и взглянул на меня, предлагая присоединиться, на что я покачала головой. – Знаешь, каждый боец мне, как сын. Каждого я лично вербовал, как тебя.

Я нахмурилась, не понимая к чему он клонит.

– Я знаю каждого, понимаю. У всех ребят есть свои скелеты в шкафах, но только один в ЦСН имеет настолько запутанную жизнь, что выбраться без помощи ему не удастся. Если он узнает о том, что происходит, он уйдёт. Уйдёт из чувства вины, от которой и так не мог отделаться, а данная ситуация лишь усложнит всё.

– О чём вы? – не выдержала я.

Арестов улыбнулся и снова отхлебнул янтарной жидкости из ста

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.